
TU NA OBSZARZE 50 HA
OD 1941 DO 1945 ROKU
ZNAJDOWAŁO SIĘ MIEJSCE
NIGDY WIĘCEJ WOJNY!
SPOŁECZEŃSTWO
POWIATU GRAJEW
П.И. СТАРИКОВА
ДАЛЕКОЕ –
БЛИЗКОЕ

Светлой памяти
моей Мамы,
Дмитриевой Анны Васильевны,
и моей старшей сестры Таисии,
перед которыми в неоплатном долгу,
посвящаю

П. И. СТАРИКОВА

ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ

НОВОСИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2007

ББК 84Р6-4
С 77

Издание подготовлено к печати
в соответствии с планом работы оргкомитета «Победа»
при финансовой поддержке
Администрации Новосибирской области

С 77 Далекое – близкое. Документальная повесть. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2007. – 192 с, илл.

ISBN 978-5-7620-1267-6

Эмоциональный, искренний рассказ о жертвах военного времени.

1305010000 – 30
С———————— без объявл. ББК 84Р6-4
М 143 (03) – 07

Люди мира, на минуту встаньте.
Слушайте, слушайте,
Гудит со всех сторон.
Это раздается в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон.

Из песни «Бухенвальдский набат»

Эта песня звучала в Советском Союзе в начале 60-х годов прошлого века как суровое напоминание о второй мировой войне. Книга «Далекое – близкое» тоже своего рода набат, дань памяти жертвам прошедшей войны.

«В наше время беспамятство стало трудноизлечимой болезнью», – пишет в своей документальной повести «Далекое – близкое» Пелагея Ивановна Старикова, разделившая участь малолетних узников фашистских лагерей.

Преданы забвению миллионы наших сограждан, угнанных в плен с оккупированных территорий. О них не принято было говорить в торжественной обстановке и за праздничным столом. Десятки лет они вынуждены были утаивать этот факт своей биографии... Многие из пленных погибли в фашистских застенках, но не предали Родину. А тем не менее тень предательства долго витала над ними…

«Не предавал он свой народ, свое отечество! – говорит Пелагея Ивановна в защиту военнопленных концлагерей, – предпочел смерть предательству. Нет сил писать об этом! И как же так случилось, что мы, люди, забыли про тех самых несчастных мучеников, а ведь они были чьими-то сыновьями, отцами, братьями, мужьями!»

Только в начале перестройки, в 1988 году на Всесоюзном слете в Киеве от имени государственных органов власти прозвучали покаянные слова: «Простите нас, люди!»

Простите нас, люди, и пусть обида в ваших сердцах уступит место радости и свету – радости взаимопонимания и свету любви и дружбы.

Предисловие

КАК НАС ПРИЗНАЛИ МАЛОЛЕТНИМИ УЗНИКАМИ

На календаре был 1988 год. Приближалось 22 июня, черный день в истории нашей страны.

В этот день много лет назад началась самая страшная и самая зловещая, самая жестокая война. До этого события человечество не могло даже и предположить, что такое возможно. Подумать только! Истреблять целые нации и народы: евреев, цыган и славян! Когда такое бывало?!

Шли годы. Много было написано книг о войне. О партизанских действиях в тылу врага. О подвигах героев на разных фронтах. Слава им народная! И только почему-то умолчали средства массовой информации, писатели, журналисты о той категории граждан, которые были угнаны в рабство, о мирном населении с захваченной немцами территории бывшего Советского Союза. Сорок с лишним лет безмолвия! Боялась пишущая братия писать о людях, без вины виноватых.

И сколько бы длилось такое молчание, трудно сказать, если бы не Владимир Васильевич Литвинов, журналист из Киева, человек с обостренной гражданской совестью! Не мог согласиться этот неравнодушный человек с умолчанием, не побоялся запрета на эту тему и, возможно, наказания по партийной линии. Ведь журналист в эпоху социалистического строя был коммунистом, я так думаю. И освещать закрытую тему тогда было далеко не так просто, как это кому-то может показаться теперь.

Начал он изучать эту закрытую тогда тему о бывших узниках фашизма в начале семидесятых годов. Не хочется ошибиться, но, насколько я помню из газеты с трогательным названием «Судьба», там был указан 1963 год. Больше двадцати лет занимался журналист изучением этой белой страницы в истории Второй мировой войны, или по-другому сказать – Великой Отечественной войны.

Огромную работу проделал он. Опросил великое множество свидетелей, находившихся в рабской неволе, случайно выживших и вернувшихся на Родину. Внимательно читал архивные документы. Немало сил и времени затратил на изучение этого воистину святого дела. Так долго изучал он этот вопрос, что не осталось ничего неточного, случайного. В ходе работы он установил, как много людей оказалось в опале, незаслуженно и заочно обвиненных чуть ли не в предательстве своего народа и своей Родины, как много было мирного населения, и детей в том числе, насильно вывезенного в рабство в разные государства Европы, входившие в гитлеровскую коалицию и воевавшие против Советского Союза.

В том 1988 году, за неделю до скорбной даты 22 июня, во всех центральных газетах была напечатана маленькая заметка. В ней говорилось о том, что в городе Киеве состоится сбор бывших малолетних узников не старше четырнадцати лет на день 9 мая 1945 года. Кроме того, в ней было напечатано обращение инициаторов того сбора к руководителям организаций и предприятий, где работали бывшие малолетние узники, в большинстве случаев скрывавшие трагическую страничку своей биографии, чтобы они, руководители, оказали материальную помощь этой категории людей для поездки в город Киев. Прибытие людей в Киев было запланировано на 21 июня – отъезд на 23

июня. Главное мероприятие приходилось на 22 июня, на скорбную дату начала войны.

Народу на это мероприятие собралось очень много. Люди съехались со всех концов бывшего Советского Союза: с Камчатки и Дальнего Востока, из всех республик Средней Азии, с Кавказа и Закавказья, из всех областей России, Белоруссии, с Украины, из прибалтийских республик. Со слов очевидца, было не менее полутора тысяч человек. Были задействованы самые большие и самые лучшие рестораны и кафе города.

Не передать словами те чувства, которые овладели людьми при встрече. Сколько было выплакано слез от радости и от горя, когда вновь нахлынули воспоминания о трагическом военном детстве! Много обид было высказано съехавшимися со всех сторон нашей большой страны. Редкий случай, когда люди, сами пострадавшие, перед всеми оказались виноваты. Только люди не понимали, в чем их вина.

Много было выступающих. Но желающих выступить было еще больше. Все хотели рассказать что-то свое, наболевшее. Но время, увы, не позволяло! Всего один день был запланирован для выступлений на этом большом слете.

На следующий день для участников сбора была проведена экскурсия по городу, были задействованы для них лучшие концертные залы Киева. Питание было на высшем уровне. Прием был таким теплым и радушным, что не забудется никогда!

На этом мероприятии присутствовали государственные деятели, представители власти из Москвы и Киева, которые видели слезы и слышали выступления дважды невинно пострадавших – в фашистской неволе и от своего Отечества. Перед закрытием этого скорбного мероприятия люди услышали со сцены:

– Простите нас, люди!

Такие слова были произнесены представителями власти. С облегчением приняли эти слова властей о признании своей вины съехавшиеся на слет со всей страны люди.

Жаль, что мне не удалось участвовать в этом важном мероприятии. Никто мне не сказал о нем, хотя наверняка кто-нибудь из моих знакомых читал об этом в газетах. Тогда народ жил, может, и не богато, но в приличном достатке, и газеты выписывали и читали. Не сказали скорее всего потому, что не знали, что это мне нужно, что я тоже из тех. Для всех я тогда была «засекреченной», как многие другие с подобной биографией, и сама не знаю почему. Даже сейчас говорить об этом непросто. Слезы душат. Сорок с лишним лет гробового молчания! Зачем? Кому это надо было?! Даже своим лучшим друзьям я не рассказывала о горькой своей судьбине.

...Как-то в 1982 году, на митинге в честь очередного Дня Победы, перед учащимися выступала преподаватель техникума, которая во время войны находилась на оккупированной территории. Я тогда работала в этом учебном заведении, поэтому и присутствовала на митинге. Преподаватель рассказывала о том, как вели себя оккупанты, солдаты вермахта. Сколько людского страдания было! Судя по выражениям сосредоточенных лиц учащихся, это повествование о войне они принимали как большую беду людскую!

Никогда раньше я не слышала такого яркого и правдивого выступления о войне. Не знаю, как мне удалось сдержаться и не разрыдаться. Никто не знал, что мне пришлось испытать тот лагерный кошмар, в те самые военные годы! А разве не мне надо было рассказать людям о том горе? Эта страничка моей биографии находилась за семью печатями!

Я рассказываю об этом для того, чтобы читателю было ясно, каких усилий-трудов стоило людям держать горе и обиду в себе, не рассказывая об этом даже лучшим друзьям. За что же такое наказание?! В чем вина тех людей?

Все, что было на том слете в городе Киеве, я узнала значительно позже от одной из участниц, бывшей малолетней узницы фашистских концлагерей. Я встретилась с ней во время лечения в одном из местных санаториев-профилакториев. Нас таких в санатории оказалось десять человек, почти из каждого района города Новосибирска. Мы с радостью познакомились друг с другом, общались и обменивались интересной информацией. Эта женщина, Таисия Ивановна, живет в Дзержинском районе Новосибирска, и сегодня она очень больной человек, как большинство из нас.

Может возникнуть вопрос у кого-то из тех, кто прочтет эти строки: «Как случилось, что такое большое мероприятие проводилось не в столице союзного государства, в Москве, а в столице одной из республик Союза, в городе Киеве?»

Место этой встречи было выбрано не случайно. Именно в столицу Украины, город Киев, прибыл первый эшелон с детьми из польского концлагеря Освенцима. По свидетельствам руководителей и воспитателей детских учреждений, куда были расселены эти дети, все они разговаривали на разных языках, но только не на родном, откуда они были вывезены. Они не знали, что такое цветы. Они видели только голую землю. Они были настолько истощены, что еле-еле передвигались. О том, что делали в концлагере с этими детьми, немало сказано, в том числе и во время судебного процесса над нацистскими главарями третьего рейха в Нюрнберге.

До города Киева на то мероприятие, которое было приурочено к 22 июня 1988 года, все участники добирались

по-разному. Ближние – поездом, а некоторые только на самолете могли прибыть вовремя, без опоздания.

Наша землячка Таисия Ивановна должна была лететь самолетом, но билетов не было. Тогда руководство Аэрофлота, понимая важность полета этого необычного авиапассажира, дало ей место рядом с кабиной пилотов самолета. Разумеется, этот необычный авиапассажир должен был привести неопровержимые аргументы, чтобы убедить работников Аэрофлота. В данном случае ей достаточно было показать газету с информацией о предстоящей встрече и свой паспорт. Полет состоялся, и прибыла Таисия Ивановна в Киев без опоздания. Одно огорчало нашу землячку – что никого не встретила она там из города Новосибирска…

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ДО ВОЙНЫ

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

Моя родина – это земля Новгородская, с очень древним городом – Великим Новгородом. Это земля, с которой начиналась Великая Русь. Деревня Черенцово, где я родилась, находилась в восьмидесяти километрах от Великого Новгорода, а еще ближе к нашей деревне был город Старая Русса, тоже очень старый, хотя и небольшой, но очень известный город.

Деревня наша считалась захолустьем, поскольку находилась далеко от железной дороги и в стороне от столбовой дороги на Старую Руссу. До окрестных деревень можно было добраться лишь по простой проселочной дороге. Кругом были почти непроходимые, вязкие болота и небольшие леса, зато сколько в них росло ягод и грибов!

Большинство этих деревень сейчас как населенные пункты исчезли с географической карты даже областного масштаба.

Вот в такой небольшой деревне и началось мое беспечное и босоногое детство.

...У меня такое ощущение, что я помню себя чуть ли не с самого рождения своего. По крайней мере – с трех лет, говорю об этом с полной уверенностью. Моя мама в это время работала в колхозе, а меня оставляла у бабки Марфы, что жила по соседству.

Тогда народ был попроще и, я бы сказала, намного добрее в большинстве своем. Случаи доброты были не единичны, а как правило. Бабка Марфа понимала, что моей мамке оставлять меня, маленькую, было не с кем, а работать ей в колхозе надо было – трудодни вырабатывать, да не только за себя, но еще и за своего мужа. Понимала баба Марфа, что порядки в колхозе суровые, а лучше и точнее сказать, порядка-то как раз и не было. Почему жена должна быть в ответе за своего мужа? Но перед колхозным руководством она была в ответе – почему не удержала мужа дома? Хотя знали: жена не властна над своим мужем. В те времена еще вовсю царил дух власти мужа над женой. Жена да убоится мужа своего.

И муж частенько пользовался этой нормой домостроя. При первой возможности исчезал из дома, бросив жену и детей. Выкручивайся, жена, перед колхозным начальством, как знаешь. И выкручивалась моя мать-бедолага за своего мужа-беглеца, вырабатывала норму за себя и за своего отсутствующего мужа. В противном случае корову не пустят в стадо и огород отберут. А это как раз то, чем и жила семья в нашей деревне, в нашем колхозе. Платой за работу в колхозе были «палочки» в потрепанной тетрадке колхозного бригадира. Палочка означала трудодень – норму выработки.

Мама в течение всей жизни потом очень часто вспоминала, как тогда почти каждый день вырабатывала по три нормы, по три палочки ставил в тетрадь колхозный бригадир. Платой на трудодень были в лучшем случае сто граммов зерна – отходов.

Деревенские бабы, чьи мужья были при них, как правило, сидели дома с детьми. За них работали их мужья. Мужик за свою бабу-женку постоит, заступится перед колхозным начальством. Мою же маму некому было защищать. Вот и работала, проклиная все на свете. Хорошо, что хоть баба Марфа помогала ей, за нами, детьми, присматривала.

Помню, притащит меня мама к этой бабе Марфе, а я не хочу у нее оставаться, и хватаюсь за подол маминой юбки, и тащусь за ней с ревом до самого порога, пока баба Марфа не схватит меня за ручонку и не оттащит от матери, нашлепав по заднему мягкому месту, приговаривая: «Да не реви ты, матка скоро придет». А мне нужна была матка, и все тут.

Помню, как голый зад выставляла в окно, чтоб вылезти и убежать за матерью в поле, коли в дверь не пускают. А не понимала, что через окно могла только вывалиться, а не слезть. В наших деревнях окна в домах делали высоко от земли, не всякий взрослый одолеет такую высоту. Боялась баба Марфа, как бы голову себе не свернул ребенок.

И так изо дня в день, пока дети не подрастали. А там уже каждый деревенский ребенок делал то, что прикажут родители. Что надо было, то и делали, хоть и очень уж не хотелось что-то делать, но надо. Мне-то больше хотелось носиться по деревне.

Мне нравилось любое время года. Летом из речки не вылезали, а зимой – санки. Правда, летом лучше тем, что было что в рот положить – ягоды всякие в лесу и разные фрукты и овощи в своем огороде. А зимой только санки и снежная горка. Но детвора очень любила зиму. Такой веселый гомон стоял там, где мы катались с горки на санках. Бывало, придешь домой, а на рукавах зипуна сосульки застывшего льда висят.

Тогда деревенская ребятня была не та, что сейчас – рукавички, шарфик. Ничего такого тогда и в помине не было. На голове платок у девчонок был, а у пацанов кое-какая шапчонка. Какие-то зипунчики на плечах и добротные валенки на ногах. Обувь зимняя была что надо. Тут уж всякий позавидует. О деревенской бедноте можно долго рассказывать.

Помню, каким хлебом нас мать кормила. Вытаскивала противень из печи, и на нем хлеб лежал, рассыпанный на мелкие крошки. Помню, как я подбегала к ней, когда она еще не успела поставить противень на стол, и горстью еще горячие эти крошки хватала и запихивала себе в рот. Мать очень боялась, как бы у нас не случилось засорение желудка. Она сама такой хлеб давала нам только с молоком.

Что это был за хлеб такой? Муки в нем было мало, ее не хватало даже, чтоб чешуйки, головки льна, иначе говоря, костряк, склеить в массу. Вот такой хлеб крестьяне пекли и ели. Счастлив тот, кто такой хлеб не ел.

Зато когда дед приезжал из Ленинграда, он привозил много батонов, целый чемодан. Для нас это был большой праздник. А еще он привозил кильку и конфеты-подушечки. Много. Как мы дети ждали приезда нашего деда из Ленинграда с такими гостинцами!

Деревенская ребятня любила похвастаться на улице чем-нибудь вкусненьким. Мамка отрезала нам по большому куску батона, намазывала сметаной, и мы бежали на улицу дразнить деревенскую ребятню. Так делали все деревенские дети.

Лето в деревне было незабываемым беспечным временем для всей ребятни. С утра и до вечера мы без устали носились по улице, бродили по лесам, купались в маленькой речушке с красивым названием Снежа. Большой радостью, а может даже и обязанностью, было для нас, деревенской ребятни, ходить за ягодами в лес.

Ягод в наших лесах было видимо-невидимо: клюква, брусника, черника, голубика. Росла и ягода-морошка. Ходили мы в лес за ягодой босиком. А ведь сколько было в этих лесах змей! Но Бог миловал. На моей памяти не было таких, кого покусала бы змея. Мы, деревенские дети, знали, что укус змеи может быть смертель-

ным, и всегда были очень осторожны, чтоб на нее случайно не наступить, а увидев, уходили поскорей и подальше.

Конечно, в такие леса, как наши, нужно ходить только в обуви. Но где ее было взять? Она была недоступна по цене деревенскому жителю. Не было у нас обуви никакой, кроме валенок, а в валенках в мох не пойдешь, так намокнут, что не хватит силы их вытащить изо мха.

С малых лет мы были приучены к разным работам по дому, в огороде и по хозяйству. В семь-восемь лет запросто брали топор в руки и рубили дрова для печки, тем более, что, кроме хвороста, ничего не было, а топить русскую печку надо было каждый день, будь то зима или лето. Только в русской печке готовилась на весь день еда. Тогда ведь не было, как сейчас, ни газовых, ни электрических плит. Люди обходились без всего того, без чего сегодня и дня прожить не могут. А тогда это было обычной деревенской жизнью.

Все трудились в меру своих сил, и даже более того. Не одолеть было взрослым всей нагрузки без помощи детей. Все взрослые жители деревни обязаны были работать на всяких работах в колхозе и вырабатывать каждый день положенные трудодни. И дети впрягались в работу.

А как нам нравилось ходить за речку! Там, за рекой, напротив деревни, начинались заливные луга, где буйно росли высокие травы. Это было место колхозного сенокоса. Терпкий запах скошенных трав наполнял воздух деревенской улицы и говорил о приближающейся осени. Как же нам хотелось, чтобы лето так быстро не кончалось! Но осень неизбежно наступала. В огородах зрели подсолнухи и сверкала кочанами капуста, и в кадушки уже солили огурцы. Ночи становились все прохладнее, а

потом наступали и совсем холодные дни. Смолкал на улице детский гомон. Ребятня теперь уже сидела больше по домам. Улица становилась почти безлюдной. В школе начинались занятия, и дети шли в школу.

Из деревень в города люди стали переселяться только после смерти Сталина. При Сталине из деревень не отпускали, не давали паспортов. Потому и мучился народ, не имея хлеба в достатке, и это при том, что сами его выращивали.

Это потом молодежь стала разъезжаться по разным городам, кто куда. Но самым притягательным городом был Ленинград. В этом городе и сейчас живет много моих родственников. Несмотря на то, что почти вся молодежь поуезжала из деревень, земля не была заброшена. Горожане по разнарядке приезжали в эти деревни на летний сезон и засевали поля, косили травы для колхозного стада. Заготавливали корм на зиму для скота. Скотниками там работали те, кто не захотел уезжать в город.

В хрущевскую оттепель в деревнях стала совсем другая жизнь, чем та, о которой я рассказала выше в этом повествовании. После смерти Сталина деревня уже не знала той нужды, и уж тем более без хлеба крестьяне не жили.

Почему же при Сталине колхозники жили в такой беднотe-нищете, ведь страна еще не испытала той разрухи военной? Никто и глазом не моргнул из высшего руководства страны, чтоб хоть как-то подумать и немного помочь людям избавиться от нищеты. Все пустили на самотек. А ведь позднее нашли способ, как выправить дела в сельском хозяйстве, чтоб люди не голодали, работая на земле.

Думается, там, наверху, не сильно заботились тогда, до войны, что где-то в деревнях, в глубинке, живет народ, забытый всеми, и Богом, и вождем.

Только, бывало, и слышали от мамки:

– Молчите, никому не говорите, что вы есть хотите, а то в тюрьму меня посадят, а вы останетесь одни.

Нельзя было сказать вслух, что жизнь ужасная, что нищета беспросветная. Вшивость была в каждом доме. Мыла-то не было – мылись в деревенской бане щелоком, им же и скудное белье стирали. Что из себя представлял щелок? Заливали горячей водой золу и немного настаивали. Вот и вся хитрость.

Несмотря на нищету деревенской жизни, люди стремились хоть как-то скрасить свою жизнь. Не знаю, с каких времен в тех новгородских местах существовала традиция устраивать по очереди увеселительные мероприятия сначала в одной, потом в другой деревне.

Так и ходили друг к другу в гости. Готовили разного рода угощения. Иначе нельзя было. Какой же праздник без вкусной еды, а там, где мужчины, – и пития? Собирались в какой-нибудь большой деревенской избе, плясали, пели песни и частушки на разный манер. На этих посиделках присматривали и женихов и невест.

Были на посиделках почетные места, их называли красным углом. И не дай Бог, если такое место в красном углу займет девка, которая его не достойна. Ее бесцеремонно попросят встать и уйти, усадив при этом другую, достойную, девицу. А достоинство зависело от знатности рода, из которого была эта девка. Такие посиделки назывались «супрядками», и устраивались они только зимой.

Моя мама хотела, чтоб мы тоже повеселились и порадовались, глядя на молодежь, поэтому приглашала к себе гостей, а потом и мы ходили с ответным визитом в другую деревню на супрядки. Мы, ребятня-голодранцы, сидели на русской печи и глазели оттуда на молодых, как они веселились, пели и плясали под гармошку.

Когда я ходила на супрядки к таким же девчонкам в соседнюю деревню, мне тогда было не меньше восьми лет. Мне эти посиделки очень нравились. Там было весело, тепло на печке, вкусно кормили. А что еще надо? Вот таким запомнилось мне мое раннее детство в деревне.

В первый класс я пошла, когда мне исполнилось восемь лет. Ходила в школу с интересом, но учить уроки было лень. В нашей деревне школы не было, а потому в любую непогоду приходилось ходить пешком в соседнюю деревню Свистуху. Но и в той деревне школа была только начальной. Семилетняя школа находилась в другой деревне.

Чаще всего многие из-за бедности и нужды завершали свое образование на четырех классах. Я тоже проучилась только четыре года. На том и закончились мои школьные годы, закончилось и мое детство. Моя старшая сестра Таиска тоже окончила только начальную школу. Младшая сестра Таня – всего два класса.

КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА...

Наша семья готовилась к переезду в Ленинград, там отцу дали комнату, но наш переезд не состоялся – началась война, и все пошло-поехало. Все наши планы с переездом в город Ленинград разом рухнули. Началось сразу что-то невообразимое.

Обычно вести о происходящих событиях в стране и мире в нашу деревню приходили из других деревень, где было радио или получали газеты. В то роковое воскресенье июня деревня жила обычной жизнью и совсем ничего не подозревала о том, что началась война и уже где-то льется кровь. Злосчастная весть о войне пришла к нам из соседней деревни – там всегда знали обо всем раньше нас.

Весть о начале войны разнеслась быстро по всей округе, по всем деревням. По радио была объявлена всеобщая мобилизация. Надо было видеть, что творилось! Вся деревня шумела, кругом рев, плач, а молодежь – в основном, конечно, парни, не ожидая повесток, с котомками отправились в районный военкомат, на фронт.

Деревня с ревом провожала парней, да всех крепких и красивых. Народ чувствовал, что эта война что-то страшное, потому так сильно были все взволнованы. Мы плакали, чувствуя, что отправят на фронт и нашего отца. И кто мог знать, увидим мы его или нет.

Отец уже бывал на войне, на финской. На финскую из нашей деревни забрали только его одного, поэтому в деревне как-то и не чувствовалось, что где-то идет война с упорными боями и где-то убивают.

Война была недолгой, и весной 1940 года отец вернулся домой. Я первая из нашей семьи увидала и встретила его. А случилось это так. Был весенний апрельский день. До пахотных работ оставалось мало времени, и нужно было успеть вывезти весь навоз на колхозные поля. Я возила навоз с подворий на дальние поля. Когда мне было девять лет, я уже помогала взрослым. В деревне с малых лет приучали детей к труду. Обычно вся ребятня, кто мог держать вожжи и управлять лошадью, работала в колхозе. И вот деревня осталась позади, я повернула телегу с дороги и поехала по полю. И вдруг слышу, что кто-то поет. Слов не разобрать, но песня льется.

Потом вижу, что с другого конца поля идет резвым шагом взрослый человек с котомкой за спиной. Идет и громко-громко поет веселые деревенские частушки. Когда он подошел ближе, я обрадовалась: это был отец. Он был здоров и весел, молод и красив.

Отец недолго был с нами. Вскоре он уехал в Ленинград,

жил там и работал, поэтому среди мобилизованных на войну из нашей деревни его не было. И нам не довелось его провожать на войну вместе с односельчанами. Мы ничего не знали о нем, и это огорчало нас.

Наших красавцев парней мы провожали всей деревней. Наша семья вместе со всеми шла по единственной улице вдоль деревни. Слезы на глазах были у всех: все словно чувствовали, что парни уходят из дома навсегда. Грустно, но никто из них не вернулся обратно. Такое горе постигло жителей не только нашей деревни, но и многие-многие другие деревни, и не только в нашей округе. Каждая несчастная женщина-мать потом надеялась на чудо, а чуда так и не случилось. Бедные матери! Горе и слезы на всю жизнь!

Когда началась война, мне было одиннадцать лет. Нас было трое сестер, и мы жили с мамой. Какая-то пустота стала ощущаться в деревне после проводов мужчин на войну. В полях зрела рожь и колосилась пшеница. Старики и дети продолжали трудиться в поле. Но у всех на сердце было тревожно. Враг приближался к деревне.

В один из дней в начале августа в небе внезапно появились немецкие самолеты. Где-то за деревней послышались глухие разрывы бомб. Налеты стали повторяться. В один из таких налетов немцы стали бомбить нашу деревню. Мы едва успели укрыться.

Наша семья во время таких налетов сидела в окопе, который мама выкопала на нашем огороде. Он служил хоть каким-то укрытием, хоть глаза не видели, как летят самолеты и строчат из пулеметов. Потом бомбы стали разрываться и возле нашего дома. Но дом остался неповрежденным. Несколько домов в деревне загорелись.

В один из таких дней погибла наша кормилица-корова. Ее взрывной волной забросило аж на самую верхушку старого дуба, который рос в нашем огороде. Потом ее сняли

какие-то мужики, но мяса нам никто не дал. Так в одночасье наша семья лишилась кормилицы.

Прошло совсем немного времени, и в нашей деревне появилось очень много красноармейцев. Налеты вражеских самолетов стали повторяться все чаще. Много тогда во время таких налетов погибло людей, жителей нашей деревни. Особенно тех, кто прятался на полях, во ржи. Мы же от бомбежек скрывались в окопе. Едва заслышав гул самолетов, бежали во весь дух в огород и прятались. Помню, как однажды мы сидели в окопе, а в небе кружили немецкие самолеты, было страшно. Младшая сестра Таня стала просить у матери сухарей:

– Мам, дай сухарик.

Мама пригрозила ей, чтоб молчала. Но сестра не унималась:

– Мам, нас убьют, а сухари останутся!

Из самолетов непрестанно строчили пулеметы. На землю лился свинцовый дождь.

Наша деревня жила в очень строгом режиме военного времени. Как-то мы с матерью зашли после бомбежки в свой дом. Нужно было что-то взять. Зажгли лампу. Так нас чуть не расстреляли наши же бойцы как предателей. Мол, противнику выдаете расположение войск. Светом лампы показываете, где находятся войска. Что там говорила мать тому бойцу, не помню, но своими глазами видала, как он, рассвирепев, направил наган на нас. Здорово мы тогда струхнули. Зато потом уже свет никогда не зажигали, шарили впотьмах, если надо было что-нибудь найти.

Как только появились в нашей деревне солдаты, а их была не одна тысяча, деревенский народ понял: надо убегать от врага, но, как выяснилось, и бежать-то некуда. Страх и сильное смятение охватили людей. Испытывая нехорошие предчувствия, несколько семей, чьи дома лежали

в пепле, решили уехать из деревни. Вместе с ними решила уехать и мама. На скорую руку собрав свои нехитрые пожитки, мы поехали на колхозных лошадях в сторону Старой Руссы. Но уехать нам удалось недалеко. Нас остановили наши солдаты и сказали, что дальше ехать нельзя: там уже были немцы.

Пришлось возвращаться. На другой день мы попытались ехать по другой дороге, но и эта попытка окончилась неудачей. Эта дорога тоже была отрезана. Пришлось возвращаться и на этот раз и ждать того, что уготовано судьбой и чего никак не миновать.

За деревней бойцы копали окопы и ждали боеприпасов. Но каково же было их отчаяние и наше удивление, когда вместо ожидаемых боеприпасов в ящиках оказались макароны и сахар. Неразбериха творилась в армии. Отражать атаки немцев было нечем, и красноармейцы бесшумно оставили деревню…

В последние дни августа утренняя тишина была неожиданно нарушена ревом моторов. Потом стала отчетливо слышна громкая, отрывистая и незнакомая речь. В деревню вошли немцы. Вели себя они по-хозяйски. Век не забыть мне этот день, сколько живу, столько помню, а как вспомню, от страха вздрогну. Как только в первый день ступила нога немецкого солдата на нашу родную землю, так они бодро и зашагали по деревне, требуя от жителей «яйки-млеко» и всего, чего хотели. Они ходили с автоматами по деревне и всех жителей выгоняли из укрытий. Наверное, искали наших солдат.

На всю жизнь запомнила я и тот страшный дождливый день в конце августа. Уже было как-то свежо. После дождя глинистая дорога стала очень скользкой. На мне было дядино пальто, которое мама привезла из Ленинграда. Дядя знал нашу деревенскую нищету, тем более что сам он вы-

рос из пальто, оно было ему мало. В тот самый день это пальто было на моих плечах. Полы его аж по земле тащились. Я шлепнулась и выпачкала его в грязи. Чтоб мамка не ругала, я сама замыла грязное место.

В тот момент, когда я избавлялась от грязи на своем пальто, ко мне подошел страшный немец-солдат. Он был страшен тем, что был обвешан всякими солдатскими принадлежностями, каких я не видала на наших солдатах. Особенно мне было страшно видеть автомат, висевший на его плече. Хоть мочило (место, где я замывала пальто) и было рядом с нашим домом, на нашем огороде, я все же сильно испугалась.

Немец мне подал большой кусок сахару, но брать я его не хотела. Не помню, взяла я у него тот сахар или нет. Скорее всего от страха взяла, да и вообще сахар дети очень любят. Потом он жестом скомандовал мне идти. Привел меня к нашему дому и опять жестом показал, чтоб я лезла на сараюшку, на хлев по срубу венцов. Для меня это не составляло большого труда, я запросто вскарабкалась даже в том пальто, которое замывала и которое у меня было просто накинуто на плечи, но не надето.

Когда я залезла туда и выпрямилась, то увидала, что он тоже туда лезет со всем своим тяжелым грузом, который висел на нем. Я смекнула, что надо прыгать вниз, благо там лежало сено, остатки от зимы. Выждала момент, когда он уже поднялся наверх, но еще не выпрямился, я спрыгнула вниз, на сено, и убежала. А пальто осталось на сене.

Представляю разочарование того солдата, когда он понял, как его провела одиннадцатилетняя русская девчонка, которую он и за человека-то не считал, он, солдат вермахта. Солдат со свастикой, он был взбешен тем, что упустил свою добычу, и тем, что обхитрила его какая-то соплячка.

Иначе зачем бы ему надо было стоять и ждать аж до самой темноты у этого места.

А мы с мамой это поняли и следили за ним очень осторожно, лежа в картофельной ботве (она еще не успела пожухнуть и была хорошей маскировкой). Он знал деревенскую бедность, и расчет его был прост: за пальто придут. Вот и стоял, пока не стемнело. А мы пошли с мамой за пальто только утром на следующий день, и тоже с большой опаской, как бы не встретиться с немцем. Пришли и увидели пальто лежащим на сене так, как будто его кто-то специально расстелил. Так оно красиво лежало! Когда я прыгала сверху вниз, оно как парашют, расстелилось на сене. Так я унесла себя от беды, и в этом помогла мне природная интуиция.

Много всего трагического было в эти дни в нашей деревне, да и не только в нашей, но и во всех деревнях поблизости. Столько людей погибло, получило увечья, сколько осталось без крыши над головой!

Уже на второй, а может, и на третий день после того, как деревню оккупировали вражеские войска, через всю деревню два немецких солдата с автоматами вели учительницу. Мою любимую учительницу. Передать словами мое состояние я и сейчас не могу, это невозможно. Я закричала, но деревенские бабы меня схватили и вразумили, а то бы и меня вместе с учительницей увели, наверное, но куда – кто знает?

Звали эту учительницу Тамара Алексеевна. Фамилию забыла, а жаль. Помню, что она очень любила сладкое, а деревенская лавка, так назывался тогда деревенский маленький магазинчик, находилась вдалеке от школы, и во время большой перемены Тамара Алексеевна отряжала кого-нибудь из учеников за конфетами, простыми батончиками. Но для нас, деревенских, и это лакомство было не-

доступно. А как хотелось попробовать эти конфетки! И покупать конфеты она доверяла мне. Я гордилась этим. И как мне тоже хотелось сладенького, но такой возможности у нас тогда не было. Такие конфеты я попробовала многие годы спустя, после войны.

Тамара Алексеевна преподавала в нашей школе три года. Потом началась война. Я любила эту учительницу, несмотря на то, что была она очень строга, а я была не самой прилежной ученицей. Мне очень хотелось иметь хорошие отметки, и они у меня были: «отлично» за поведение и за санитарное состояние. Уши, шею, руки намывала так, что потом весь день горели. А как без мыла? Только так – натирать. Мамка часто меня ругала за то, что я много воды тратила, а ей издалека, из колодца, надо было носить ее.

Уроки учить мне было лень, любила носиться по деревне, как большинство деревенских ребятишек. К детским книгам мы приучены не были. Учеба нам давалась с трудом, потому что некому было помочь. Наши родители в основном были или малограмотные, или совсем безграмотные. А когда трудно и некому помочь, тогда и учиться не интересно. И жизнь наша шла как придется. Деревенская детвора жила без каких бы то ни было запросов.

Тамара Алексеевна была молодая, видимо, только окончила педучилище, а может, пединститут. А тут война. Куда вели эту учительницу тогда, кто бы знал…Но вид у нее был ужасный. Она шла размашистым шагом, все ее существо было устремлено вперед, она ни на кого не обращала внимания, шла с видом отрешенного от всего человека. И красивые ее, слегка вьющиеся черные волосы чуть трогал теплый ветерок.

В памяти моей сохранился нежный и трогательный образ. Хочется верить, что ее тогда отпустили и она продолжила свое благородное дело – учительство.

Вскоре из деревни ушли и немцы, и деревня стала жить своей жизнью. Каждый жил так, как мог. Но размеренная жизнь деревни продолжалась недолго. Мы никак не ожидали увидеть в нашей деревне снова советских солдат. Но пришлось.

Сколько их, пленных, проходило через нашу деревню! Бабы стояли на обочине дороги с ведрами, чтоб напоить этих несчастных. Но охрана была сурова, немцы не давали ни тем, ни другим подойти друг к другу. Бабы плакали от жалости и вытирали слезы концами платков, а те, что шли со свастикой, громко смеялись и подгоняли пленных:

– Шнель, шнель!

А на женщин, которые пытались дать воды, размахивая автоматом, кричали:

– Weg, weg! (прочь).

Наших солдат было очень много. Они шли угрюмые, понурив головы и ни на кого не обращая внимания. Жутко было смотреть, как всего несколько человек спокойно вели тысячи и тысячи пленных. Немцы ехали на лошадях рядом с ними и все время подгоняли: «Быстро, быстро!»

Три дня шли через нашу деревню пленные бойцы. Так много людей мне не доводилось больше видеть. Было больно и страшно видеть все это. Невольно в голове возникали ужасные мысли. Что будет с нами? Не понятно было это даже взрослым людям. По деревне поползли слухи: «Война закончится скоро».

Потом немцы стали заставлять население подвозить снаряды на боевые позиции к городу Старая Русса, где шли упорные бои. Возила снаряды и наша мама.

Старостой в деревне был уже очень старый человек. Были в деревне и молодые мужики, но они все скрывались от немцев. Вот и пришлось деду Поликашке, как звали в деревне старосту, быть главным в деревне. Выглядел он

смешно, и походка у него была какая-то особенная, вприпрыжку, как будто воробей прыгает по дороге. Этот дед Поликашка и обязал маму возить снаряды.

Нам было страшно оставаться без мамы, да и она переживала за нас. И однажды мама решительно объявила деду Поликашке:

– Делайте, что хотите, а я больше не поеду!

Моя мама наотрез отказалась помогать врагу, ведь у нее было трое детей, которые могли остаться сиротами, и к тому же четыре ее брата и муж воевали против немцев. Тогда староста деревни стал угрожать ей расстрелом, а потом донес на нее.

За отказ подвозить снаряды на боевые позиции маму, меня и двух сестер схватили и под прицелом немецких автоматов отправили на железнодорожную станцию Волот, а там погрузили в вагоны-телятники. Это было 1 февраля 1942 года. День этот навсегда остался в моей памяти. Стояла самая суровая зима в моей жизни. Был лютый мороз. Люди плакали от горя, все понимали, что их гонят на верную смерть. Кругом – плач, причитания, вопли и слезы, слезы, слезы…

Поезд тронулся, немного проехал и вскоре остановился, послышались раскаты взрывов. Это прилетели наши самолеты бомбить железную дорогу, потому что она находилась в немецком тылу. В эту минуту у всех на миг появилась надежда, что им удастся вернуться в свои родные деревни, если наши разрушат железнодорожное полотно. Но, к нашему несчастью, самолеты улетели, дорога осталась цела, и поезд вскоре тронулся дальше, на запад, в Германию, увозя нас в плен…

Многое пришлось пережить невольникам в пути. Одетые в лохмотья, голодные, в холодном вагоне, набитом до отказа, они не могли не только присесть или прилечь, не

говоря уже о том, чтобы вздремнуть, но и справить естественные нужды. Из-за этого нашей семье пришлось пережить страшное происшествие. Во время одной из нечастых остановок поезда, когда все высыпали из вагонов по нужде, моя старшая сестра Таисия пролезла под вагоном на другую сторону, где не было людей, и задержалась там. Когда поезд тронулся и стал набирать ход, мы обнаружили, что ее с нами нет.

А в это время мама услышала, как одна женщина громко сказала про какую-то девчонку, что ее зарезало поездом. Мама упала в обморок, а мы с сестрой залились слезами. На следующей остановке, когда люди опять высыпали из вагона на свежий воздух, кто-то вдруг заметил на подножке поезда мертвой хваткой вцепившуюся за поручни и обезумевшую от холода и страха нашу Таисию. Сама сойти с подножки она уже не могла. Жуткий мороз и пронизывающий ветер от движения поезда сковали ее детское тело, которое почти ничем не была защищено от холода. Не помню, как ее сняли с подножки и принесли в вагон еле живую, а там добрые люди делали все, чтобы ее спасти. Помогали все, кто чем мог, отогрели, вернули к жизни.

После этого случая у нашего печального поезда была еще одна остановка. Вагон был битком набит людьми. Если бы это было летом, задохнулись бы от духоты, но это было зимой, стояли лютые морозы, мы коченели от холода. У меня почему-то не отложилось в памяти – кормили нас чем-либо, пока везли, или не кормили совсем.

Помню только, что в Литве нас покормили гороховым супом и дали кусочек хлеба. Далее была санобработка. Жарили в печах нашу одежду и мазали чем-то вонючим голову. После ночлега в каком-то большом помещении, битком набитом людьми, загрузили нас в грузовые машины и повезли.

НА ЧУЖБИНЕ

В ЛАГЕРЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Привезли нас в лагерь. Мама сказала нам, что это лагерь для военнопленных. Так мы оказались в чужой, незнакомой, враждебной стране. Впереди нас ждали новые испытания…

В лагере я своими глазами видела, как в полосатых робах работали, еле шевелясь, полуживые люди. Тот контингент от нашего гражданского населения был отделен одним слоем колючей проволоки. Через такое ограждение запросто можно было перелезть.

Как мы оказались в лагере, так сразу же начался мор от холода, голода и болезней. Мы жили в бараке-землянке длиной не меньше 100 метров. Внутри барака находились нары в два яруса, а посреди печка-буржуйка. Таких бараков в лагере было много. Позже мы узнали, что этот лагерь находился возле селения Богуши, рядом с городом Граево. Оказалось, что это была Польша. Как мы выжили в этом лагере, я не понимаю до сих пор. Питание было таким, что сравнить его было не с чем: 100–150 граммов хлеба пополам с древесными опилками, миска похлебки из чего-то мороженого, то ли турнепса, то ли брюквы – вот и все, что полагалось одному человеку. Люди пухли от голода. Начались страшные болезни. Брюшной тиф, сыпной тиф и туберкулез безжалостно косили людей. Ко всему этому добавились чесотка, экзема, да всего не перечесть.

Никакой помощи людям, разумеется, не оказывалось.

Более того, ослабевших, но еще живых, бросали в готовые ямы, которые быстро наполнялись доверху. Голодные люди были вынуждены, рискуя жизнью, совершать побеги из лагеря в поисках пищи. А выбраться было нелегко и непросто. Лагерь был обнесен двумя рядами колючей проволоки, между ними лежали большие, высотою более двух метров, мотки колючей проволоки. Через каждые 50 метров ограды стояла сторожевая вышка с немецкими автоматчиками и овчарками. Несмотря на усиленную охрану, люди ухитрялись убегать из лагеря. Когда удавалось пройти через ограждения, они бродили по окрестным деревням, побирались, прося что-нибудь поесть. Если повезет, получали от кого-нибудь горбушку, а иногда и палкой по спине. Было все: люди на свете разные.

Попытались как-то и мы с мамой выбраться на промысел. Ночь была на исходе. Бесшумно ползком мы миновали ограждение. Осталось пройти охрану.

Мама продвигалась первой, я – за ней, стараясь не отставать. Вдруг слышу мамин тревожный шепот. Она показала рукой в сторону. Вдалеке виднелся часовой. Он нас еще не видел, но медленно приближался к нам. Мы притаились. Что делать? Возвращаться назад – верная голодная смерть. Сердце учащенно и тревожно забилось. Мысли от страха путались. И все же мама решилась ползти вперед. Ползем осторожно, медленно и неожиданно скатываемся в яму. Оказалось, это была братская могила.

Зимою эти могилы не закапывались, пока не заполнялись трупами до самого верха. Мы сидели на замерзших трупах, не двигаясь. Ждали, когда же уйдет часовой. Долго тянулись минуты. Казалось, целую вечность. Но вот немец стал удаляться. Мы быстро выбрались из ямы-могилы и направились к небольшому лесочку.

Из леса мы шли уже смелее – самое страшное было по-

зади. Подошли к деревне. Начинало светать. Деревня просыпалась, из печных труб поднимался дымок. Робко постучались в первый же дом. Вышел хозяин в преклонных годах и, взглянув на нас, жалко выглядевших, сразу все понял и впустил в дом. В доме было очень тепло. Печь жарко топилась. Немного погревшись, мы пошли дальше. Где-то на нас зарычала злая собака и не пустила во двор, и никто к нам навстречу из дома не вышел. Где-то хозяин, сердито ворча, погнал нас со двора. Но в одном доме нас посадили за стол и дали горячей картошки, политой свекольным отваром. Не забыть, какой вкусной была эта картошка. Не хотелось уходить, а хотелось есть ее еще и еще. Но хозяин торопил нас. Просил, чтоб мы скорее уходили. Может, был обеспокоен, что соседи могут донести на него. Или что-то другое тревожило его, не знаю. И мы пошли дальше.

К середине дня в нашей котомке были куски черствого хлеба и немного картошки. До наступления темноты было еще далеко, но оставаться в деревне больше было нельзя, даже опасно. Нас могли схватить и сдать деревенским властям. Надо было возвращаться в лагерь. Ведь для мамы в лагере остались голодные дочери, а для меня родные сестры. И они нас ждали. Из деревни мы ушли в поле. Там набрели на маленький стог сена, который и стал нашим прибежищем до глубокой ночи.

При подходе к лагерю одна мысль никак не оставляла нас в покое: как незаметно пройти охрану? Вот уже показались огни сторожевых вышек. Было тихо и тревожно. Правда, иногда был слышен собачий лай. Изо всех сил старались мы быть осторожными, но все старания были напрасны – нас поймали. В меня вцепилась огромная овчарка. Я страшно кричала от дикой боли. С трудом ее оторвал от меня охранник-немец. Отобрали все, что мы принесли из деревни. А нас посадили в дощатый холодный барак. Там уже находились другие пойманные узники.

Наутро появились надзиратели и стали избивать всех, кто попался. Крепко досталось моей маме. Больно, очень больно было смотреть, как жестоко избивали ее розгами. Со страхом ждала я своей очереди. Но вот подходит ко мне офицер и... протягивает мне большую круглую булку хлеба и еще – увесистый мешок с горохом. Неожиданно все это было. Я же приготовилась к другому. Очень кстати пришелся этот подарок. Моя мама, часто вспоминая этот случай, говорила, что без хлеба и гороха мы в лагере не выжили бы. Да и как можно было выжить на мизерном куске хлеба с опилками наполовину и маленькой миске похлебки из мерзлой брюквы? Мы просто были обречены на медленную голодную смерть.

Уныло и однообразно тянулись дни. Изредка маму гоняли на кухню чистить картошку для немецких солдат и офицеров. Оттуда мама приносила картофельные очистки, которые были для нас настоящим лакомством. Их разрешалось брать с собою, за них розгами не секли. Но не дай Бог, если заодно возьмешь картошку. Засекут! Мама все же ухитрялась иногда по картофелине прятать в валенки или в платок на шее. Там обыскивать как-то не догадывались.

Обычно при обыске женщин заставляли высоко поднимать подол юбки или платья, задирая их аж до самого пупка. Вот это-то и сыграло с мамой очень злую шутку. После окончания работы, проходя контрольный пост, она предстала перед охранником. Тот приказал задрать подол. Мама растерялась и не решилась сразу поднять платье. Видя ее смущение, немец, уже угрожая, повторил приказ. Мама медлила. Терпение охранника было на пределе. Он рассвирепел, и тогда мама исполнила его приказ и подняла подол

платья... Но он ничего не увидел, кроме обнаженного женского тела и детородного места: она не носила никакого нижнего белья. А немец подумал, что русская женщина нарочно ходила без белья и этой выходкой задумала оскорбить его. Он замахнулся, и его плетка резко взмыла вверх. Не сносить бы маме головы, если бы не переводчик, который вступился за нее и долго объяснял охраннику, что женщина просто выполняла то, о чем ее просили. И больше ничего. Наказывать ее не стали. Все обошлось, славу Богу.

ЖИЗНЬ В НЕВОЛЕ

Наша жизнь в лагере военнопленных была постоянным, тревожным ожиданием смерти. Но в один из весенних дней 1942 года, когда солнце стало светить ярче, нас погрузили в машину и куда-то повезли. По крышам домов, крытым красной черепицей, мы поняли, что попали в Германию.

Привезли нас на биржу труда в г. Лик, где нас забрала для работы в своем хозяйстве пожилая немка. Ее звали фрау Цыбулька. Когда мы ехали в поезде, она покормила нас небольшими бутербродами. Конечно, фрау Цыбулька знала, что мы не один месяц были голодными, и заботливо следила, чтобы мы не переедали. То, что остались живы, мы во многом обязаны ей. Так говорила моя мама, до конца своей долгой жизни вспоминая эту хозяйку добрым словом.

Дом и хозяйство фрау Цыбульки находились в деревне Блюменталь. Это название осталось в моей памяти навсегда. Оказалось, деревня была не так уж далеко от польского селения Богуши, около которого находился концлагерь. Два с лишним года работала вся наша семья у фрау Цыбульки. Хозяйство у нее было довольно большое, много коров и свиней, разной птицы: гуси, индюшки, утки и ку-

Моя фотография для документа.
Германия, Блюменталь, 1943 г., хозяйство фрау Цыбульки

ры. Работать нам приходилось с самого раннего утра и до позднего вечера. Подъем в четыре часа утра, и весь день на ногах. Ни минуты отдыха. И так изо дня в день. Мы с сестрами с нетерпением ждали наступления зимы, когда по-

спать можно было до шести, и это было заметным облегчением.

Даже зимой работа на подворье не убавлялась. Каждый день надо было давать корм животным, поить их, чистить хлев и убирать навоз со двора. Все время в руках было либо ведро, либо вилы, либо лопата, либо что-то еще. А мне было лишь тринадцать лет. С нескрываемой завистью я смотрела на шалости немецких детей. Летом они купались в реке, катались на велосипедах, зимой играли в снежки, они были счастливыми и веселыми, они учились в школе и читали книги. Мое детство было другим, совсем непохожим. Вернее, у меня не было детства, его забрала проклятая война.

Но жизнь продолжалась. Кроме нас в хозяйстве фрау Цыбульки работали двое французских военнопленных. Их жизнь была более вольная, чем у нас. И уж совсем резко она отличалась от жизни наших военнопленных. Французские военнопленные ежемесячно получали большие посылки по линии общества Красный Крест. Там было и масло сливочное, и шоколад, и печенье, и многое другое, чему мы и названия даже не знали. Моя мама иногда, приходя с работы, убирала комнаты, где жили французы, и стирала им белье. За это они угощали ее чем-нибудь вкусненьким. Так впервые в жизни я узнала вкус шоколада. Французы жалели нас и, видимо, желая ободрить нас, всегда говорили:

– Русские победят!

Наверное, им была доступна информация о положении в мире и на фронтах. Мы же этого ничего знать не могли, да и хозяйка наша, разумеется, не считала нужным сообщать нам об этом.

Но вскоре наша обыденная и размеренная жизнь в Блюментале неожиданно прервалась. И причиною стали фран-

цузские военнопленные, точнее молодой, статный парижанин Жорж. С ним стала флиртовать Августа, дочь нашей хозяйки, мать двоих детей: мальчика Манфреда, примерно девяти лет, и пятилетней девочки Вальтралт. Она была вдовой – ее муж погиб на Восточном фронте в начале войны. Но это обстоятельство никак не помешало ей закрутить роман с молодым французом. Ее заигрывания с Жоржем не были от нас секретом, так как все происходило практически у нас на глазах: мы жили рядом с французами и все видели. И, конечно, у Августы родился третий ребенок. Беды в том, что вдова родила, не было. А неприятность была в том, что родила она от француза, от неарийца. Появление на свет ребенка, рожденного без мужа да еще военнопленного француза, являлось большим преступлением. По законам того времени немке запрещалось рожать не от немца. За такое преступление немецкой женщине грозило суровое наказание, такое, как концлагерь.

Чтобы избежать неприятности, фрау Августа и решила избавиться от нашей семьи. Боясь огласки, она настояла на том, чтобы ее мать, фрау Цыбулька, увезла нашу семью обратно в город на биржу труда, где нас забрал новый хозяин. Звали его Отто Дык. Его помянуть хорошими словами трудно. Мне даже страшно вспомнить жизнь у него. Столько лиха досталось нашей семье в этом доме, что не пожелаешь даже и врагу!

Всегда непосильный физический труд, а кормили нас чуть лучше, чем в концлагере. Не помню никакой другой еды, как только кислый, очень кислый и невкусный хлеб и суп-болтанка из перловки, сваренной на чистой воде и без какой-либо приправы. Работать приходилось от темна до темна и много. Даже и теперь не знаю, чем объяснить, что наша семья вынесла все это. Ох и злая же была у хозяина

жена, которую мы звали просто Дычкой. Она лупила нас без жалости, когда хотела, как хотела и чем хотела. Тем, что попадалось ей под руку, тем и лупила. И это было всегда, когда от усталости у нас не было сил уже выполнять ту работу, которую требовала Дычка. Меня она лупила так, что я готова была наброситься на эту зверюгу. Мама очень переживала за нас. Она боялась, что мы можем сорваться и налететь на эту ведьму. А Дычка могла всех нас растерзать, как своих непослушных рабов, и ей за это ничего бы не было. Могла бы отправить нас опять в концлагерь, а из концлагеря второй раз редко кто выходил живым.

Мне было тринадцать с небольшим лет, а работать приходилось наравне со взрослым мужчиной, пленным французом. Кому приходилось убирать сахарную свеклу, тот знает, каких трудов стоит выдернуть ее из земли. Да и уход за посевами свеклы требует много сил. Прополка и рыхление не были легкой работой, если работать без отдыха и без еды весь день. А если я начинала отставать от мужчин, меня подгоняла плеткой Дычка.

Зимой было не легче. Нужно было ухаживать за скотом, давать корм и поить. Никак не забыть того, как, бывало, качаю воду из колонки на скотный двор и не могу подать ее, не хватает моих сил пробить воду по длинной трубе на другой конец большого двора. Стою, совсем обессилев, а рядом уже Дычка с палкой. Она размахивается и бьет, и бьет, и бьет меня, не переставая... Чтобы выполнить эту трудную работу, надо было хоть капельку передохнуть, но делать это было запрещено. Надо было работать и работать без передыху. А не можешь – получи то, что заработала. И, надо сказать, получала сполна. Остановилась на отдых – получай за это. Век не забуду ее издевательств. И лупила она меня за то, что я не была ломовой лошадью, а просто

ребенком и не могла справиться с тяжелой работой, как взрослый человек, хотя такая работа и для взрослого человека была очень тяжелой.

Эта Дычка-зверюга, бывало, только и знала, что за нами наблюдала. И как ей только это не надоедало так тщательно следить за нами? И стоит только остановиться, чтоб перевести дыхание, как она уже тут как тут с палкой в руке и давай колошматить палкой, не глядя, пока не устанет рука. И сколько же на моем теле было синяков от ее побоев! Жить не хотелось. Такое издевательство терпела от нее вся наша семья, мама и сестры.

Когда мы работали у этого хозяина, у нас не было никакого жилья. Мы спали на скотном дворе. Хотя дом был не маленький, но для нас места в нем не было.

В доме, кроме хозяина и злой хозяйки Дычки, жила их дочь с годовалым ребенком. Звали ее Хельма. Муж этой молодой женщины был немецким солдатом, ему пришлось воевать и в России. Но в то время, когда наша семья работала у этого хозяина, ее муж уже был во Франции. Она, эта молодая женщина, была разумнее своей злой матери, и к нам она хорошо относилась.

Иногда она открывала шкаф и показывала свои наряды. Как же я тогда завидовала ей – столько красивых платьев висело в том шкафу. Перебирая их, она говорила, что из Франции муж привез, а что из России. Показала нам и свои украшения, которые тоже ей привез муж, что-то из России, а что-то из Франции. Эти серьги, кольца, броши и многое другое были золотые и такие красивые!

Я с большим любопытством глядела на все это и опять завидовала ей, уже в который раз. Потом она сняла покрывало с кровати и показала, не без гордости, шелковое пуховое одеяло из России. Я так обрадовалась, что такое красивое одеяло из России. Теперь Хельма спала под

этим одеялом. Она сказала, что оно ей очень нравится. Оказывается, у немцев была традиция – спать на перине и под периной, как кочующие цыгане в России. Спать под периной не очень удобно, так как пух сбивается в кучу. А это русское одеяло было простегано, и пух не сбивался. Хельма это оценила и отказалась от своей традиции спать под периной и предпочла ей русское пуховое одеяло.

И еще я с большим удовольствием вспоминаю эту женщину за то, что она позволяла нам в зимние вечера сидеть рядом с ней и наблюдать, как она вяжет на спицах, и научила нас этому красивому ремеслу. Впоследствии нам это очень пригодилось в жизни. Она дала нам спицы и нитки и показала, как держать спицы в руках. Это было очень приятное занятие в долгие зимние вечера. Была у Хельмы и сестра. Она добровольно ушла на фронт сестрой милосердия. Была на Восточном фронте в России. Звали эту молодую и красивую женщину Кристина. Мы ее видели, только когда она приезжала в отпуск. Кристина относилась к нам с пониманием. Знала, кем мы были в доме ее родителей, но не стеснялась беседовать с нами.

Вся наша семья уже неплохо знала немецкий язык, потому вести беседу можно было без особых проблем. Она знала, что мы скучаем по России, и старалась нам немного рассказать о нашей Родине. Ее рассказ мы слушали с замиранием сердца. Кто не испытал ностальгии по родине, тот не знает, что это такое. Через некоторое время Кристина уехала на фронт, а наша семья продолжала все так же работать у их матери, злой Дычки.

К этому времени на Восточном фронте у немецких солдат уже заметно поубавилось эйфории по сравнению с началом войны. Их уже терзали сомнения не только в скорой победе, но и в победе вообще.

Русские не имели права слушать или добывать каким бы то ни было путем информацию о событиях на фронтах. За это или расстрел, или концлагерь. Мы догадывались, как идут дела на Восточном фронте, по настроению семьи, в которой работали. Для этого надо было хоть немножко быть психологами. И, надо сказать, мы и были немножко психологами. Мы чувствовали, что дела на Восточном фронте уже не радуют немецкий народ. Мы догадались, что армия вермахта на востоке терпит поражение. Ведь не случайно дочь нашей хозяйки Хельма передала нам слова мужа, который, уезжая на фронт после короткого отпуска, сказал: «Если Германия не победит, я жить не хочу».

Мы чувствовали, как в их семьях нарастала какая-то тревога, но они пытались скрывать от нас эту тревогу. Прошло немного времени, и немцы уже открыто заговорили об эвакуации. Вдалеке уже были слышны звуки от разрывов бомб и снарядов.

Фронт приближался к границе Восточной Пруссии. Наши хозяева готовились к эвакуации. Какие-то вещи закапывали, прятали на своей усадьбе. Нашу семью хозяин под ружьем заставил гнать скот. Не помню, сколько дней мы гнали этот скот, наверное, не меньше недели. Потом скот погрузили в поезд, а нашу семью – тоже в вагоны-телятники, но не со скотом.

Так мы расстались с нашими хозяевами, со злой хозяйкой Дычкой – без слез, без сожаления. Наша семья радостно вздохнула, потому что надеялась на скорую свою свободу. А пока мы были еще в неволе, и кто знает, что с нами могли еще сделать. Но радостно на душе у нас было уже и оттого, что нет рядом Дычки.

Сколько дней нас везли и где выгрузили, уже не помню. Мы снова работали у какого-то богатого помещика, где погонялой был управляющий. Совсем недолго пришлось работать нашей семье в этом поместье. Уже в который раз нас загнали в вагоны-телятники и куда-то повезли. А привезли, оказывается, в Данию. Помню, что там нас очень вкусно покормили макаронами. Мама часто потом вспоминала Данию, она говорила, что нас должны были загрузить в судно и затопить – для того и везли туда. Но или почему-то раздумали сделать это, или что-то помешало.

Нас снова привезли в Германию, в район города Фленсбурга, что на границе с Данией. И в который раз заставили всех нас страдать! На этот раз нашу семью разлучили. Как же мы все плакали! Но всех нас отправили на разные работы. В это время мы были уже, конечно, не те, что в сорок втором году, когда нашу семью после концлагеря привезли с биржи труда к немецкому бауэру. Тогда мы не знали языка. Теперь уже без малого три года, как мы слышали немецкую речь и, можно сказать, хорошо понимали ее, да и сами уже неплохо разговаривали на их языке. Мама узнала, куда нас отправили на работы, и вскоре дала знать о себе. Я очень обрадовалась, когда узнала, что мама с младшей сестрой находятся недалеко от моего места работы.

Моим хозяином стал человек, может, и не очень старый, но довольно внушительный на вид. Он очищал воду для заправки паровозов, работающих на железной дороге. При его доме имелось небольшое поголовье домашнего скота и птицы. В мою обязанность входило ухаживать за этим подворьем: кормить, поить, доить, убирать навоз. Вся эта работа легла на меня, девчушку, которой не было еще и пятнадцати лет. Но всю эту работу я уже давно умела делать, поэтому моему новому хозяину меня не надо было ничему учить. Кроме того, в мои обязанности входило еще и содержание всего дома в порядке. Мытье всего: посуды, полов и уборка помещения, а лучше сказать, того здания, где находились всякие химические вещества для приготовления воды, пригодной для заправки паровозов.

Сейчас, когда я вспоминаю то время, думаю, а возможно ли все это было сделать одному человеку? Оказывается, можно. И это твоя проблема, каким способом и как все успеть сделать. А не получается днем, есть и ночь. Так и было, работала день и ночь. Для сна времени в той жизни не было.

Моя ночлежка в этом доме находилась на чердаке у слухового окна. Зимой под сырое одеяло не очень-то приятно было залезать. Хоть и разогретой от работы приходила, но пар быстро исчезал, и холод лез во все места.

В двухэтажном особняке для меня места не нашлось. Этот особняк занимали три взрослых человека и один маленький ребенок: муж и жена, мои хозяева, и молодая женщина с ребенком, которая была расквартирована у моих хозяев. Она была жительницей города Гамбурга. Муж у нее был на фронте. Женщины с малыми детьми расселялись в деревнях, где их обязаны были кормить и обслуживать должным образом, как дойче фрау. Такое мы наблюдали и в Восточной Пруссии. Тогда у нашей хозяйки фрау Цыбульки были на обеспечении две семьи – две женщины с детьми. Причем у одной из них был большой мальчик, лет четырнадцати-пятнадцати. Обе семьи были из Берлина. Эти семьи обслуживались полностью за счет сельского жителя, или, точнее сказать, за счет бауэра. Ну, а если еще точнее сказать, то за счет таких, как наша семья. Таких невольников, как наша семья, в то время по всей Германии было уже предоста-

точно. Много было и военнопленных французов, которые также работали у бауэров.

Разлука с семьей меня настолько ранила-убивала, что я даже не стала со своими хозяевами разговаривать по-немецки, говорила по-русски, показывая пальцем в окно, в сторону, где работала моя мама: «Хочу к матке». Моя хозяйка запомнила эти русские слова и частенько потом, издеваясь надо мной, произносила с ехидством: «Хочу к матке».

ПОБЕДА!

Поместье, в котором работала моя мама и младшая сестра, было видно из окна в кухне, где мне каждый день приходилось наводить порядок. Наверное, я не стала бы так убиваться-плакать, если бы знала, что война скоро закончится, а с ней и наши страдания. Война закончилась, а я даже не знала об этом.

А война не только закончилась, но поражение потерпело то государство, на которое работала наша семья. Об окончании войны мне сказала женщина-немка, которая жила в доме моих хозяев и которая приехала из города Гамбурга. Она сказала:

– Der Krieg ist zu Ende. Ihr habt gewonnen.

В переводе это означало: война закончилась, вы победили. Оказалось, мои хозяева скрывали от меня эту новость, не сообщили мне, что я уже не их рабыня. Они старались хоть какую-то, пусть даже самую малость, но продлить свою власть над своей рабыней.

Узнав о Победе, я сразу бросилась к хозяйке. Во всем моем существе вспыхнул гнев за мое украденное и погубленное детство. За то, что не нашлось для меня теплого места в доме, и за ту еду, остатками которой я кормилась, за то, что я не была человеком, а просто рабочим

скотом, роботом. И вот настал день, когда я могу выразить свой гнев и обиду. Надо было в этот момент видеть мое лицо: и радость, и гнев – все смешалось на нем в одно мгновенье!

Я, девочка-подросток, вдруг почувствовала себя сильной и с кулачками набросилась на свою, уже бывшую, хозяйку и крутила перед ее носом своим кулачком. А после этого я бросилась к своей маме, не помня себя от радости. Моя мама еще не знала, что война закончилась, иначе бы она первая ко мне прибежала. А я точно помню, что первая прибежала к маме я. Как же мы радовались тогда! То радостное чувство не в состоянии описать ни один, даже самый талантливый, психоаналитик. Просто нет таких слов.

ДОЛГОЖДАННАЯ СВОБОДА

Освободили нас англо-американские войска. Несказанная радость охватила всех, кто был в неволе. Нестерпимо хотелось вернуться быстрее домой. Скорее домой, только на Родину! Скорее в родную деревню, где остались бабушка с дедушкой. Что с ними? Живы ли они? Что стало с другими родственниками? Ничего не знаем ни о ком. Жив ли мой отец? Что с ним, где он сейчас? Тысяча вопросов, и ни одного ответа. От отца мы не получили ни одного письма. Мы даже не знали, куда он был направлен во время всеобщей мобилизации, когда началась война.

Наконец-то пришла долгожданная свобода, и мы можем беспрепятственно вернуться на Родину, к своим родненьким дедушке и бабушке, которые, если живы, терзаются, не ведая, где мы и что с нами. Мы все по счастливой случайности остались живы и возвращаемся домой. Это чувство радости не передать словами, это можно только про-

чувствовать. Кто не испытал такого – не поймет. Слезы и радость – все в одном порыве чувств. Американцы, а вернее сказать, союзнические войска, не понимали нашей радости возвращения домой.

Они нас откормили и предложили сделать выбор: либо остаться в Германии, либо вернуться в СССР, на Родину, но при этом предупредили:

– Сталин вас расстреляет!

Но мама ответила:

– А за что нас расстреливать? А если и расстреляют – на своей земле и похоронят!

Вернулись мы в родные края уже в конце октября 1945 года. Таким долгим оказался путь домой! Возвращение было непростым. Отправили нас не сразу. По-видимому, американская сторона не торопилась передать нас представителям Советской Армии. А когда передали, то нас погрузили на обычные грузовые машины и повезли на восток. Мы радовались. Ехали недолго, и вот первая остановка в каком-то крупном городе. Нас направили на огромный сборный пункт, где скопилось очень много народу. Думаю, это был немецкий город Росток.

Медленно тянулись дни проверки. В отдельную комнату людей вызывали по очереди и задавали вопросы. Вопросы были одинаковы почти для всех. Надо было назвать свои фамилию, имя, возраст, откуда, из какой области был угнан, где находился в Германии, что делал и чем занимался. С малолетними детьми и пожилыми людьми, казалось, проблем не возникало. Их быстро отпускали. А с молодыми людьми, особенно с парнями, дело обстояло гораздо сложней. Их проверяли, по-видимому, так досконально, выясняя до мелочей их пребывание в Германии, что некоторые выходили сильно красные, пот градом струился по их лицам.

Наконец, вызвали нас. Молодой офицер спокойно и вежливо задавал вопросы, отвечала за всех мама. Что-то записав в журнал, он спросил, чем мы можем подтвердить, что мы – это мы. Я начинаю переглядываться со старшей сестрой. Мама говорит, что у всех нас есть метрики. Какое-то непонятное слово для нас. На глазах офицера мама распарывает подкладку своего неказистого пальто-зипуна и достает изрядно помятые документы – паспорт и свидетельства о рождении.

Офицер был очень поражен тем, что моей маме удалось сохранить документы, пройдя через фашистский концлагерь. Еще бы не поразиться: безграмотная женщина, пройдя фашистский концлагерь, работая у разных хозяев, сумела сохранить метрики – свидетельства о рождении своих детей и свой паспорт. Мама помнила, как ей достались эти документы.

При жизни Сталина у деревенских жителей паспортов не было. Их просто не давали. Так легче было удержать колхозника в своей деревне. Маме выдали паспорт без ведома и помимо воли колхозного начальства. С весны 1941 года наша семья готовилась к поездке в Ленинград к отцу, и маме позарез нужен был паспорт. Без уловки не обошлось. С большим трудом она получила паспорт и метрики за полбарана. Мама знала им цену и готова была на все. Не многие тогда решались сохранять в плену документы, выданные Советской властью, с советским гербом. Оккупационный режим на захваченной им территории обеспечивал местное население своими документами. Немалая хитрость была проявлена моей мамой, чтоб сохранить эти документы. Без веры в то, что мы вернемся домой, без веры в нашу Победу сохранять документы, рискуя жизнью своих детей, не стал бы никто.

Трудно сейчас представить, какая была проявлена изобретательность моей мамой! Так замаскировать документы в своем зипуне! Подумать только: русская безграмотная женщина обхитрила обслугу режима третьего рейха. Так были сохранены советские документы. Более трех лет путешествовал советский паспорт с нами почти по всей Европе.

Несколько минут офицер разглядывал документы и не без удивления сказал: «Да-а-а...»

Мама стояла с нами и была горда, что документы пригодились и подтвердили ее слова. Наконец, проверка закончена. Позже, много лет спустя, я узнала, что это был фильтрационный пункт. У нас все было в порядке – никаких компрометирующих обстоятельств в нашем деле не нашлось.

Через какое-то время нас повезли дальше на восток, к границе СССР. По дороге было еще несколько остановок, снова были проверки взрослых на виновность или невиновность. Но все ближе и ближе родная земля. Мы считали, сколько дней осталось ехать.

Но вот опять остановка. На этот раз продолжительная и не связанная с проверкой.

УБОРКА УРОЖАЯ НА ПОКИНУТЫХ НЕМЕЦКИХ ЗЕМЛЯХ

Был уже август, конец лета. В полях стояли высокие, как лес, зрелые хлеба. Но на полях была тишина – никто не убирал хлеб.

Говорили, что эти поля принадлежали немцам. Сами же немцы бросали свои дома и все, что у них было, и убегали от наших войск, боясь возмездия.

Не помню, как назывались эти места. Может, это была пограничная с Польшей территория Германии, которая потом отошла к Польше. В общем, нигде, ни в каких документах это не отражено, а память не сохранила, да это не так уж и важно. Главное было в другом: всем хотелось скорей приехать домой. Три с половиной года в неволе – и никакой информации! Готовы на крыльях лететь, лишь бы поскорее оказаться дома у себя, на Родине. Увидеть и обнять своих дорогих. Мы не знали, жив ли кто, не могли даже письмо написать, у нас ничего не было: ни денег на конверт, ни бумаги, да и работала ли почта в тех местах – не известно. Жили в полном неведении.

Позади у нас было несколько фильтрационных пунктов – лагерей, в которых все совершеннолетнее, взрослое население подвергалось проверкам на благонадежность. Не знаю, всех ли, кто возвращался домой, отправляли на уборку урожая, но нашей семье на уборке урожая поработать пришлось.

Работалось легко и споро – был хороший резон: чем быстрее закончим уборку, тем скорее вернемся домой. А до дома уже – рукой подать.

Закончилась уборка на исходе сентября. Опять дорога. Когда же ей будет конец? Едем. Ночью въезжаем в какой-то город, где мы должны пройти последнюю проверку. Оказалось, что это город Гродно. Значит, мы уже в СССР. Кругом до боли родная речь. Волнение нарастает: ведь скоро будем дома.

Как мы ни спешили, как мы ни торопились, дорога домой оказалась долгой. Приехали мы на родину, в свои края, уже поздней осенью. Погода была неприятная: то дождь, то снег сыпал. Межсезонье, как иногда говорят в народе, – не зима и не осень, а что-то среднее. Такая по-

года, как правило, очень портит настроение, особенно в пути.

Ехали не в телятниках, как это было прежде, когда нас везли на запад, а в пассажирских вагонах. Народ пошустрей да пограмотней, чем наша семья, говорил, что мы проехали польскую границу. Мать безграмотная, а мы, ее дети, как бы еще не оперившиеся до конца, ничего не знали, ничего не понимали. Знали одно: «Хочу домой, и все!»

Теперь мы твердо знали, что едем домой. Помню, привезли нас на станцию Бологое, которая находится между Ленинградом и Москвой, узловая станция. Эту станцию я уже знала и запомнила. Она совсем не далеко от нашего города Старая Русса. А от Старой Руссы наша деревня совсем рядом – рукой подать. Мы уже почти дома! Но еще не дома! Когда, когда же наступит то счастливое мгновение, когда мы увидим своих родненьких бабушку и дедушку, а мама наша – своих мать и отца, уже таких старих! Что там с ними? Но пока мы еще в пути.

Как только мы вышли из вагона на станции Бологое, я, помню, упала на землю и целовала ее, обливаясь слезами. На этой станции нам пришлось еще долго ждать, не один час, пока мы смогли ехать дальше. Оставалась самая последняя часть нашего длинного пути – дороги домой.

Когда мы сидели на вокзале в ожидании поезда, рядом со мной оказался паренек лет четырнадцати-пятнадцати, и на груди у него был орден, только не знаю какой. Я тогда совсем не разбиралась в наградах, да мне совсем неважно, какой это был орден. Важно то, какое паренек произвел на меня впечатление. Я его готова была расцеловать, как своего освободителя! Не помню, какие слова благодарности я ему сказала, и сказала ли вообще, может, даже и постеснялась. Я тогда была уже достаточно большой девочкой,

мне уже было пятнадцать лет. Думаю, я уже стеснялась открыто выражать свои чувства, даже если они были такие светлые!

В тот миг я испытала к этому подростку чувство такой глубокой благодарности, и мне было совсем не важно, где он заслужил награды. В моих глазах он был и навсегда остался моим освободителем! И все люди мне казались такими родными и близкими, что я готова была целовать всех, и больших и маленьких, молодых и стареньких, бабушек и дедушек.

ЖИЗНЬ НА РОДИНЕ

ПОСЛЕВОЕННАЯ РОССИЯ

Впервые на станции Бологое я увидала до боли жуткую и жалкую картину – инвалидов на деревянных колясках, самоделках с деревянными колесиками, совершенно безногих молодых мужчин, которые просили милостыню у людей, находившихся в зале ожидания. Эта картина меня просто убила. Потом я привыкла к ней, таких несчастных было столько, что сил уже не хватало жалеть их.

Страна была разрушена, не хватало даже самого необходимого для обустройства вернувшихся с войны инвалидов. Все эти чувства жалости к людям и нежности к своей земле, к своей Родине были настолько сильны, что не выразить их словами. Слова просто бессильны. Думаю, другие тоже испытали эти же чувства.

Родина! До боли любимая Родина, Россия! Никакое благо не заменит чувства любви к своей земле, к своей Отчизне! В неволе я, к сожалению, не могла читать произведения наших поэтов и писателей о войне, но позднее мне понравились строки из стихотворения Александра Трифоновича Твардовского, которые были созвучны моему тогдашнему настроению:

Земля!
Все краше и видней
Она вокруг лежит.
И лучше счастья нет, – на ней
До самой смерти жить.

А. Твардовский

Наша семья еще в пути. После жестокого, не по своей воле странствия по ненавистным для нас городам и весям чужого государства мы ехали в деревню Михалково, где жили мамины родители.

Еще совсем немного, каких-то несколько часов терпения, и мы будем в отчем доме моей мамы, в доме наших бабушки Дуни и дедушки Василия, в котором они жили вместе с семьей сына Леши. Дядя Леша был на фронте, воевал в танковых войсках и был сильно контужен.

Мы приближаемся к городу Старая Русса. Весь город в руинах. Нет ни одного дома, который бы не пострадал от войны. Да и как они могли уцелеть, если бои шли день и ночь и не один год. Но эти подробности мы узнали потом, когда приехали домой.

Наконец, наша семья подъехала к маминой родной деревне. Поезд остановился, очень короткая остановка, всего одна минута, и вся наша дружная семейка уже на насыпи железнодорожного полотна. Тут просто разъезд, и люди не выходили, а выпрыгивали из вагона. Мы уже подросшие дети, а мама еще не стара, и для нас не было большой сложности выпрыгнуть из вагона. Вещей у нас никаких не было, разве что узелок маленький, который мне тогда удалось по простой случайности заиметь. С этим маленьким узелочком наша семья и направилась в ту деревню, где жили мамины родственники – четыре брата, ее мать и отец, а наши бабушка и дедушка.

Сейчас, когда я вспоминаю те годы, могу только

предположить, что пережили бабушка и дедушка. Как они могли вынести все это? Остается только догадываться. Сколько было пролито слез, сколько тяжких дум и сколько бессонных ночей пережито! Ведь они не знали, без малого четыре года, где мы и что с нами. И вдруг на пороге их дома появляется вся наша семья! Но истинную радость, как мне тогда показалось, испытали только дедушка и бабушка. Для всех остальных членов семьи мы были обузой. Ведь мы тоже хотели кушать, и нас надо было кормить… А кормить- то как раз было и нечем. Они сами еле-еле сводили концы с концами. А нас ведь было четыре человека! Мы все это видели и понимали их. Им тоже досталось. Нельзя было их за это осуждать. Жаль, конечно, что в этой напряженной обстановке некоторые из родственников не смогли удержаться от обидных слов. Один из братьев сказал маме, «утешил» нас:

– Зачем вы вернулись? Вы же с голоду умрете.

– Мы ехали домой ! Умирать так умирать! – так ответила сестра своему брату, и больше ее ноги не было в его доме.

Этот мамин брат, дядя Миша, был на фронте и вернулся домой инвалидом без ноги, но работал в колхозе кузнецом. Ему в сравнении с другими колхозниками платили достойно. В деревне его семья считалась состоятельной, они не голодали, как остальные жители деревни.

Моя мама была очень обижена на этого своего брата и ни разу не зашла в его дом хотя бы щей похлебать, а ведь в этом была большая нужда. Пожив какое-то время у своих родителей, мама перебралась с нами к своей сестре Насте, в другую деревню – Раглицы. Тут нас приняли, как и следовало ожидать, может, и не с радостью, но все же с пониманием и сочувствием. Какая радость людям от того, что к

ним пришли жить четыре человека – целая семья, и всех надо чем-то накормить.

Эта семья была очень большая, восемь человек, и без нас забот хватало. Но они не могли нас не принять – у этой семьи была другая мораль. Им пришлось изведать то же, что и нам, – концлагерь и тот же рабский труд, как всем невольникам с востока. Потому они делились с нами своими последними крошками.

Эта семья вернулась на Родину, домой, намного раньше, чем мы. Они работали в Восточной Пруссии, их освобождали наши войска, и они сразу же приехали домой. Они успели засадить огород, а это уже кое-что, с голоду не умрешь.

Один из маминых братьев, дядя Ваня, жил в той же деревне Михалково, что и вся мамина родня. Он посоветовал маме ехать в Латвию:

– Многие уехали туда. Там ваше спасение от голода.

И он дал ей адрес жительницы нашей деревни Тоньки Буровой. Тонькой ее звали в деревне, как и всех. Не Антонина, как положено, а просто Тонька, и все тут. Эта тетя Тоня во время войны была с детьми и мужем эвакуирована на Урал. Ее муж работал охранником в тюрьме. Вместе с тюрьмой их переправили на Урал в Молотовскую (теперь Пермскую) область. Когда закончилась война, муж бросил ее и детей. Ей ничего не оставалось, как только вернуться к себе на родину. Увидев, что произошло с ее деревней за время войны, она была в отчаянии. Не знаю, какими судьбами она нашла дорогу в Латвию, но это был верный путь – путь спасения от голода. Тетя Тоня приехала на Родину с востока, а наша семья с запада, но для спасения от голодной смерти нам всем была одна дорога – в Латвию.

А маминого брата дядю Ваню, который дал маме ад-

рес тети Тони, я назвала бы счастливчиком, потому что его трижды вели на расстрел немцы как русского солдата-коммуниста, но каждый раз что-то мешало привести приказ в исполнение. Один раз, когда его вели на расстрел, началась бомбежка. Бомбили наши самолеты, немцы разбежались, и дядя Ваня остался жив. Произошло это все недалеко от родной деревни, где его схватили немцы. Может, и в другие разы уцелел потому, что тоже были бомбежки, кто знает. Дядя Ваня, вырвавшись из плена и во второй, и в третий раз, потом продолжал воевать и дошел до Берлина. А оттуда он домой возвратился с огромным немецким чемоданом, битком набитым красивыми шелками. Это стало еще одним укором нам.

Мамины братья осуждали маму за то, что она приехала из Германии ни с чем, как говорится, гол, как сокол, с пустыми руками. А многие как раз ехали оттуда с большим, на зависть односельчанам, трофейным грузом.

Мамины родители оказались на редкость счастливыми людьми. Они никого не потеряли в той жестокой войне. Четыре сына вернулись домой живыми, пусть инвалидами, но все-таки живыми. Трое сыновей были комиссованы и жили на Урале почти до конца войны, пока не были освобождены от немецких захватчиков их деревни, где были их семьи и их родина, земля Новгородская.

В БАТРАКАХ В ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

Зима 1946 года была очень холодной. Был морозный и обильно снежный январь. Мы с трудом втискиваемся в вагон поезда, который идет до Пскова. Народу много. Не то что сидеть, стоять было невозможно. И куда только народ ехал? Давка, шум, крик и стоны! И столько неразберихи!

Кому-то плохо с сердцем, какому-то инвалиду защемили деревянную культышку-ногу – не может стоять на одной ноге и орет благим матом. Чей-то бедный ребенок из последних сил плачет от боли.

Мне тоже больно, давят со всех сторон, но приходится терпеть. Уже не маленькая. Хотя и закончилась война, и нет налетов вражеских самолетов, не слышно разрыва артиллерийских снарядов, но мирная жизнь далека от тихой и спокойной.

Стою и слышу, как гудит толпа: кто-то поднял шум из-за пропажи припасов, кому-то что-то раздавили, и он громко ругается, кому-то нужно пройти через вагон, кто-то ищет кого-то и не может найти. И чего только не услышишь! А я в это самое время, хоть тоже испытывала большие неудобства, радовалась тому, что мы не идем пешком, а все-таки едем на поезде. И едем туда, где, возможно, наше спасение от голода. Ну, а что ждет нас там на самом деле, никто не знает! Радовалась еще и тому, что я могу выйти из поезда, когда захочу, и никто меня не остановит. Никто не будет кричать и направлять на меня автомат:

– Шнель руссише швайн, шнель!

Мы, наша семья, свободны, и это такое чудное благо! А колеса стучат и стучат на стыках рельсов. Поезд везет нас в новую и неизвестную жизнь. Не хочется думать ни о чем плохом. И как же хорошо быть в спокойном, благостном настроении, хотя впереди столько неизвестного и, возможно, не очень приятного. Кто там нас ждет? Зачем мы – наша семья – нужны чужим людям? Нас ведь четыре человека. Надо где-то спать, что-то есть, а у нас ничего нет.

Вот и Псков. Впереди еще сто километров по Рижскому шоссе и две границы – эстонская и латвийская. Все это и предстояло пройти, чтобы попасть на хутор, где жила наша

знакомая тетя Тоня. Не теряя времени, выходим на Рижское шоссе и начинаем свой поход.

Шли только днем, ночью пытались устроиться на ночлег, чтобы хоть как-нибудь отдохнуть. Просились у местных жителей на ночлег, но с большим трудом удавалось устроиться в теплом месте. В первый день мы еще не дошли до эстонской границы, хотя она от города Пскова примерно в 15 километрах.

В русской деревне нас хоть и не сразу, но все же приютили, покормили и, конечно, искренно посочувствовали. При этом нам пришлось рассказать о себе, что было совсем не просто. Люди хотели знать, почему наша семья оказалась в таком безвыходном положении. Одним словом, разговор длился весь вечер. А утром, отблагодарив за все доброе хозяев, отправляемся в путь. Перед нами – дальняя дорога, а зимний день очень короткий. Январь, и стоят лютые морозы. Надежды на то, что нас кто-то подвезет на машине, нет никакой. Машин на дороге мало, и никто на нашу просьбу подвезти не реагировал. Наверное, мы для них были не интересны. Все за свою услугу хотят материальное вознаграждение получить, а у нас был вид очень бедных людей. Шоферы понимали, что платить нам наверняка нечем. А зачем вести бесплатно? Но мы молоды, ножки наши, слава Богу, нас несут, и так потихоньку движемся вперед, отсчитывая столбы верстовые и замечая, сколько километров отшагали за день.

Когда наступали сумерки, начинались проблемы с ночлегом. Мы пересекли нашу границу и уже немало прошли по территории Эстонии. На этом участке нашего пути получить ночлежку стало еще сложнее. Эстонцы с нами совсем не хотели разговаривать. Русское слово – и дверь закрывалась. Мы ходили по избам до тех пор, пока случайно не набредали на двор, где жили русские. Те, конечно, знали, что эстонцы русских не любят, и тоже неохотно пускали на ночлег.

Вторую ночь мы тоже ночевали в тепле, нас пустили на ночлег. Два дня уже шагали мы по Рижскому тракту, уже стала чувствоваться усталость. А впереди еще длинная дорога. Мы опять стали настойчиво просить остановиться грузовые машины, а тогда только такие и ходили по дорогам, легковых даже и не видали. Но машины, как и прежде, проезжали мимо нас, не останавливаясь.

Кто-то из нас догадался вытащить из нашей котомки шелковые чулки и ими, как флажком, потрясти перед приближающейся машиной. И совсем недолго нам пришлось махать чулками, машина остановилась. Рассчитались тем, чем и останавливали эту машину. Не знаю, сколько мы проехали, но запомнилось – не долго. Еще не стемнело, и мы продолжили свой путь, пока были силы.

С ночлегом становилось все труднее, по мере удаления от русской границы домов, где бы жили русские семьи, становилось все меньше. И так никто из эстонцев нас, русских, и не пустил на ночлег. Ничего не оставалось, как притулиться хоть куда-нибудь: в сарай, в баню, лишь бы только не околеть, не замерзнуть совсем. Не себя жалели, правда, – жалели бабушку и дедушку, которые будут очень страдать, если с нами что-то случится. И сколько же им, бедным старичкам, приходится страдать в своей жизни! И откуда взять силушку, чтоб справиться со всем этим несчастьем, с человеческим страданием, принесенным войной? Они очень волновались, когда мы отправлялись в неведомые края, знали, что никто нас там не ждет. Так размышляя, мы двигались вперед.

Сил хватало только на то, чтобы не упасть от голодного обморока. Но шли с верой, что одолеем эти трудно-

сти и, наконец, придем к тете Тоне. Мы уже знали, сколько времени нам предстоит еще находиться в пути. У нас уже сложился определенный темп ходьбы, мы стараемся выдерживать определенную скорость, чтобы каждый день проходить заданный участок пути.

Чем дальше от русской границы, тем все сложнее с ночлегом, потому ночевали где придется, в лучшем случае это была холодная баня. Но чаще всего бани закрывались на замок, и тогда нашей ночлежкой был стог сена. Иногда попадался сарай с сеном, это уже немножко комфортней, ветер хоть потише. И на всем пути, хоть и знали, что эстонцы не пускают на ночлег, все равно просились у одного, другого, третьего дома.

Эстония – сельская местность, в основном застроена хуторами. На хуторе обычно один дом, на некоторых – один-два дома. Но больше, чем три дома, мы не видали. И еще один не очень приятный момент. Хутора чаще всего находятся вдали от дороги. Еле добредешь до него, а тут даже и разговаривать-то не хотят, не только пустить на ночлег. Но на то ты и человек, чтоб бороться за свою жизнь, если хочешь выжить.

Наше путешествие продолжалось не менее восьми дней, пока мы не добрались до того хутора Цепиши, где проживала наша Тонька Бурова. Но это была уже Латвия, а не Эстония. Наконец-то, слава Богу, добрались мы до нашей тети Тони. Встретила она нас доброжелательно и, как нам показалось, с какой-то даже радостью. Покормила и приютила. Выспались мы у нее как следует! Спали два дня беспробудным сном. Сытые и отогревшиеся, стали рассуждать о нашем обустройстве.

Тетя Тоня сказала, что очень большой наплыв русских сюда из разных областей России, потому стало трудней найти работу поденную. Приезжают даже из дальних областей России, таких, как Брянская, Смоленская, не говоря уже о таких ближних, как Псковская, Новгородская, Ленинградская области.

Раньше за работу натурой платили: мукой, мясом, маслом и другими продуктами, а когда приехала наша семья, это было уже начало сорок шестого года, ситуация с работой резко изменилась. За работу уже не платили натурой, а только кормили. И тут нашей семье не повезло, уже в какой раз в жизни ! Хоть вой от отчаяния, а что толку с того, жить-то как-то надо.

Мы все терпели. А нередко даже радовались тому, что мы хоть свободны сейчас. А ведь года еще не прошло с тех пор, как стали свободными гражданами. Все перетерпим, все переживем. Не может быть, чтоб жизнь не наладилась. Только терпение, терпение и еще терпение! Вот так жили и терпели изо дня в день.

Тетя Тоня занимала комнатушку при бане. Ей эту комнатушку дал из жалости к ней, когда она, как и наша семья, приехала сюда спасаться от голода, русский человек из города Пскова Федор Иванович Зуев, направленный сюда, в Латвию, для организации колхозов. Он был членом партии и выполнял партийное поручение. Степенный, уже немолодой, семейный, имел четверых уже взрослых детей, он понимал, как трудно пережить людям эту послевоенную разруху, голод. Понимал и старался помочь, чем только мог, таким несчастным, как наша семья.

Он никогда не делал замечаний тете Тоне, если в ее комнатушку чуть больше восьми квадратных метров набивалось человек двадцать. Тогда приходилось занимать парную, чтоб хоть как-то перекантоваться, лишь бы не на улице. Сам Федор Иванович с семьей занимал часть дома, хозяин которого убежал на Запад вместе с немцами и бросил свое хозяйство. Федор Иванович занимал пост секре-

таря сельского Совета. Ему была выделена земля – 5 гектаров. Он имел две коровы, свиней, тем и кормился со своей семьей. Иногда семья Федора Ивановича помогала нашей семье продуктами. Они знали, что мы пережили в эту войну, и искренне сочувствовали нам.

Постепенно наша семья немножко оклемалась от дорожной передряги и была озабочена поиском работы. Тетя Тоня прожила на этом хуторе больше чем полгода, познакомилась с местными жителями. Они приглашали ее на поденную работу и что-то платили. К русским, которые жили на хуторе постоянно, латыши относились с большим доверием, чем к новым людям, которых они не знали. Потому у тети Тони всегда было что покушать.

Она брала нас с собой на работу, знакомила с местными жителями. Жизнь наша потихонечку налаживалась. У нас стали появляться свои знакомые, мы уже сами могли найти работу. Молва быстро разносится, и вскоре о нас уже знали в округе, какие мы есть. Маму стали приглашать на разные работы. Зимой это была в основном работа со льном, теребить его, мять, доводить до технической готовности волокна. Кроме этого, заготавливали дрова в лесу. Летом была другая страда: заготовка сена для скота, уборка урожая в полях и огородах.

Не один месяц нам пришлось стеснять нашу тетю Тоню, которая и сама-то жила в условиях, далеких от нормальных. Кроме нас, к ней из деревни с Новгородчины приезжали ее родственники, да порой не по одному, а по нескольку человек сразу. А у нее самой было двое детей, парнишке 15 лет и дочке 12 лет, и все ютились в этой комнатушке-клетушке. Сейчас и представить невозможно, что так люди жили, так помогали друг другу выжить.

Мои сестры пошли батрачить к хозяевам. Там у них были и стол, и ночлег. Я сказала маме, что ни за что не буду

батрачить у хозяев, что в Германии набатрачилась в невольниках. Хочу быть свободным человеком. Но свобода в данном случае имела и свои минусы. Не найдешь поденную работу – будешь сидеть голодным. И сколько раз бывало такое! Твой выбор: хочешь быть сытой – батрачь и получишь каждый день пищу, не хочешь – как получится. Никто кормить тебя не будет, да и не должен. Зарабатывай еду сама.

И сколько же мне пришлось прошагать по хуторам в поисках работы, чтоб получить за это хоть какую-то еду. Как вспомню, даже сейчас дурно становится. Не приведи Господь испытать вновь то, что пришлось испытать людям в те ужасные военные и послевоенные годы.

Как же я завидовала людям этих прибалтийских республик! Они никогда не знали голода, ни при гитлеровском режиме, ни при Советской власти. Как же им удается так умело заставлять уважать себя? Никто этот народ не обижал. Я не видала ни одного разрушенного хутора. Не как в России, где не одна деревня лежала в руинах. Мы же, русские, не умеем защищать себя и свое достоинство, потому к нам так и относятся. У меня большая обида за свою незащищенность как гражданина большого государства.

Как же мне было обидно, что я вынуждена батрачить на народ, который сочувствовал больше немцам и палец об палец не ударил за свою благополучную жизнь. А ведь считалось, что я гражданка государства, сломившего фашистский режим. Им война не была помехой. Разрухи на их территории не было. Их дети, мои сверстники, учились, не зная нужды. Как же было обидно, и я это особенно остро чувствовала, что они учатся, а я в это время работаю на их родителей. Я чувствовала их надменный взгляд, когда они приезжали на каникулы и ви-

дели меня, их ровесницу, работающую в их доме, забитую, нуждающуюся, полураздетую! Никому не желаю испытать такое!

Прожили мы в Латвии больше года, все у той же тети Тони, прежде чем нам было предоставлено жилье местными властями в покинутом доме на одном из хуторов. Но посеять что-либо из овощей на огороде, несмотря на пустующие земли, мы боялись. Не один раз кто-то подкидывал листовки к дому с предупреждением: «Русские, убирайтесь! Землю не трогать, она не ваша!»

Они были настолько циничны, их не смущало то, что мы можем заявить в соответствующие органы. Мы удивлялись тому, насколько они уверены в том, что их за это никто не накажет! Мы, русские, удивлялись, как они себя вели по отношению к той власти, которая была у них в то время. Но больше всего мы завидовали им, что у них все так славно получается. Два года мы прожили в этом доме из трех лет, проведенных в Латвии. Мы жили в двадцати метрах от эстонской границы, от полосатого пограничного столба.

Нам пришлось общаться и с эстонцами и работать у них, как и у латышей. Латыши в большинстве своем знали русский язык лучше, чем эстонцы, и были чуть добрее к нам, русским.

Я понимала: надо хоть немного, но знать язык, на котором разговаривает местное население. Латыши с бо́льшим вниманием относились к тем, кто хоть немного знает их язык. За полгода я выучила латышский язык и неплохо разговаривала. Конечно, знание этого языка ограничивалось рамками бытового уровня, но все же я чувствовала себя гораздо увереннее. Знала я только латышский язык. Он немного проще в произношении, чем эстонский. Из эстонского языка я знала только отдельные слова.

Могла ли я подумать до войны, живя в своей деревне, о том, что нашей семье придется жить в какой-то Латвии? О самом существовании такого государства в нашей деревне никто не слышал. А нашей семье пришлось пятки отбивать, топая по дорогам, и не только по столбовым, но и проселочным тоже этого государства.

Любопытное наблюдение: мы заметили, у них не бывает засушливого лета, дожди идут достаточно часто, но это не вредит сельскохозяйственным угодьям, поскольку в Прибалтике супесчаные почвы. Лишняя влага уходит в песок. Потому они всегда были с хлебом и с полным запасом кормов для своего подворья.

НАШЕЛСЯ ОТЕЦ...

Когда наша семья получила жилье, а лучше сказать, угол в доме и прописку в нем, мы стали разыскивать своего отца через государственную службу розыска. Прошло немало времени, прежде чем мы получили адрес о месте его проживания. А в это время местные власти забеспокоились о нас. Они понимали: на хуторе, где мы жили, нет школ, где можно было бы учиться. Они предложили маме по их направлению отправить нас на учебу в город Ригу. Мама не согласилась. Она уже приняла решение переезжать всей семьей к отцу, в город Орел.

Это было в сорок восьмом году У нашей семьи тогда не было достаточно средств, чтоб уехать сразу всем вместе. Мама и младшая сестра Татьяна поехали первыми к отцу в город Орел, а мы со старшей сестрой Таисией пока остались там, в Латвии, ждать, когда пришлют из Орла денег на дорогу.

Ждать нам пришлось долго, не меньше четырех-пяти

месяцев, прежде чем мы могли поехать туда, где мы все будем уже вместе и почувствуем себя необыкновенно счастливой семьей. Признаться, таких семей, как наша, было мало, чтоб вот так, после такой военной передряги, все остались живыми, здоровыми и....

Я не закончила фразу, не могла, не хватило сил. Скажу только, что счастливой семьи-то и не получилось. Зря мы ехали к отцу. Он жил с другой семьей. А маме сказал, что не хочет жить больше с нами, поскольку мы были угнаны в Германию. До сих пор считаю, это была лишь только отговорка.

Трудно было передать словами наше горе, страдание... Предательство родного отца! Пережить такое не дай Бог никому. А сколько же мы там, на далекой чужбине, в неволе, в фашистской Германии, молились Богу, чтоб он остался жив! Сколько земных поклонов били челом с просьбой о сохранении жизни нашему отцу. И кто знает, может, как раз нашими-то молитвами он и остался жив.

Жить с нами он отказался из-за того, что нас угоняли в Германию. Это было еще одной раной, нанесенной войной. Так война продолжала наносить нам свои безжалостные удары и в мирные дни.

Наш отец не мог даже представить, что пришлось нам пережить в неволе, что никакой нашей вины нет в том, что нас угнали в плен. Угоняли многих, не только нас одних. Сам он не знал ни голода, ни холода, не месил грязь, не тонул в болотах, а потому у него не было ни капли сочувствия к нам.

Много бессонных ночей мы провели в слезах. Опять нищета! Мы остались без хлеба и без крыши над головой.

Нашей семье тяжело было переживать предательство отца еще и потому, что город Орел для нашей семьи был чужим городом. У нас там никого не было, ни родных, ни

знакомых. Где было жить? Как расплачиваться за жилье? Жаль, очень жаль, что мама утаила от нас, что отец живет с другой женщиной. Мы со старшей сестрой, пожалуй, приняли бы другое решение и не поехали туда! Зачем нам страдать, глядя на него, счастливого? Пусть бы жил он так, как хотел, зачем беспокоить человека, у которого отсутствует святость!

Мама хотела, чтоб ее дети, наконец-то, испытали радость от общения с отцом. Не получилось! Не захотел расставаться он со своей сожительницей... Бедная моя мама, как она только вынесла это? Ей пришлось жить с младшей сестрой у него дома, в одной комнатушке вместе с ними. Мама спала на полу у кровати, где ее законный муж спал с другой женщиной!

Сколько надо было иметь терпения, чтоб это издевательство вынести! Мама надеялась на то, что, может, он опомнится, и потому не сообщала нам в Латвию, что отец живет с другой женщиной и что наша семья ему уже не нужна.

Материальное положение нашей семьи с переездом в город Орел значительно ухудшилось. У нас не было жилья. За частное жилье платить было нечем. Но нашлись добрые люди, которые помогли и обогрели нас.

С работой тогда было тяжело, требовались только грузчики на железной дороге, и то не постоянно, а когда надо было загружать или разгружать вагоны. Хорошо, если это были фрукты или овощи, хоть немного домой принесешь подобранное с полу.

Очень мне не нравилась погрузка или разгрузка каменного угля – домой приходишь как негр, весь черный, а помыться-то негде!

Тот, кто не работал в те годы, тот и представить себе не может, какие были условия труда! Охрана труда – в твоих

руках. Хочешь быть живой и здоровой – не лезь, куда не надо! Проще сказать, такого понятия, как техника безопасности на производстве, не было. Тогда ответственности никто не нес.

Одно было отрадно, что я могла учиться. Правда, это уже была вечерняя школа. В обычной школе мне так и не пришлось учиться. Возраст был уже не тот, чтоб учиться, как все, днем. Пришлось начинать с пятого класса. Очень большой был перерыв в учебе, восемь лет, а потому учиться было не легко. Очень хотелось учиться, и потому работала над школьными заданиями очень прилежно.

Для нас в Орле была очень трудная в материальном плане жизнь. Но так жили все. Несказанная нищета. Мало кто жил в достатке, не испытывая нужды. Но как бы ни было тяжело материально, у меня было одно желание – учиться, и я училась. Мне очень трудно было учиться, но я понимала, что учиться надо. У меня не было большого запаса знаний с тех детских лет учебы в школе, а тут еще такой большой перерыв в учебе.

Многие, кто вместе со мной учился в вечерней школе, бросили учебу. Пошли работать. Я мужественно выносила эту нагрузку и, как бы ни было трудно, продолжала обучение. Окончив семь классов, я сразу подала заявление и документы в техникум.

В тот год, когда я окончила школу, в Орле открыли новый техникум – гидромелиоративный. К счастью, я выдержала экзамен и была зачислена на первый курс. С моей слабой школьной подготовкой я не могла рассчитывать на какие-то престижные, модные специальности, потому радовалась даже такой возможности, лишь бы учиться. У этого учебного заведения было одно преимущество: всем давали стипендию, кто не имел двоек.

Для меня это было просто спасение. Сто сорок рублей на первом курсе, а на всех последующих прибавляли по двадцать рублей, на четвертом, последнем курсе я получала двести рублей.

В пятидесятые годы у нас в стране широко развивалась гидроэнергетика. Строились большие и малые гидроэлектростанции, осваивалось много заболоченных земель, а в зоне засушливого климата создавались оросительные системы. Специалистов с таким направлением было мало, потому и стали открывать средние специальные заведения такого профиля.

Не знаю почему, но орловчане к этой профессии относились с каким-то пренебрежением. Может, от того, что нужно было работать где-то на периферии, возможно, даже в сельской местности. Городским не хотелось уезжать из города. А ведь тогда, да и в другие годы, тоже нужно было отработать положенный срок по распределению. Мне нравилась эта профессия, хотя уезжать по окончании учебы из города тоже не хотелось. Но открутиться от положенного срока отработки мало кому удавалось.

Мне очень нравилась моя профессия, но жизнь сложилась так, что работать по этой специальности мне долго не пришлось. А все потому, что работа находилась, как правило, в стороне от города.

Когда мы, выпускники Орловского гидромелиоративного техникума, приехали в город Махачкалу по распределению нашего ведомства, нас, молодых и неопытных, не с радостью и не с большим желанием приняли на работу. То учреждение, куда направлялись молодые специалисты, обычно ставило их на такую должность, что не интересно было работать. Ответственную работу вели практики с солидным стажем. Молодым не доверяли.

МАДЖАЛИС

Когда я впервые появилась на Кавказе в селе Маджалис, мне было двадцать пять лет. Это были пятидесятые годы теперь уже прошлого столетия. Мало кто знал это горное село районного значения в республике Дагестан. И мало кто из жителей европейской части России знал эту республику – Дагестан.

Горное село Маджалис находится в живописнейшем месте, в узком ущелье между двумя отвесными скалами, куда с трудом проникают лучи солнца. Отвесные скалы покрыты разнообразной растительностью. На краю села протекает бурная горная река, вплотную прижавшись к отвесной скале, с шумом несутся ее воды. На высоких скалистых берегах реки, говорили люди, растут грецкие орехи и лещина, орехи фундук, а также дикие сорта яблок, слив, всего не перечислить. В другой стороне села были расположены жилые дома – хижины с плоскими крышами, в традициях национальной культуры прошлых столетий.

Виноград в те годы в этом селе не выращивали. Население этих мест в сезон сбора урожая винограда спускалось в долины.

Помнится, народ этот – кумыки – мусульмане с сильными многовековыми традициями, как и многие другие народы Кавказа.

Климат там очень отличается от климата равнины Каспийского моря, хотя расстояние совсем небольшое, около сорока километров. Летом не бывает большой жары, а зимой не бывает морозов. Разве что чуть-чуть. Климат что надо. Много там всего любопытного и интересного. Но все это новое и даже интересное меня тогда не только радовало, но и угнетало. Меня пугали мужчины-кумыки, одетые в бурки, а на голове у них даже летом были черные и белые из овчины папахи. У каждого мужчины на поясе висел кинжал. Очень своеобразная была одежда у женщин. Теплой одежды у них не было. В холодное время года они надевали на себя сразу несколько платьев. На голове всегда был платок внушительных размеров, расцветка его и рисунок были выдержаны в национальных многовековых традициях. Обычная картина для тех мест: женщина, идущая по улице с большим кувшином воды или с большим мешком на спине, сопровождаемая мужчиной, который шел непременно впереди и налегке, гордо неся свое крепкое мужское тело.

Меня пугало все это. Я считала себя в ссылке. Меня предупредили, чтоб на базар одна, без мужчины, не ходила. Опасно. Утащат джигиты в горы, и никто никогда не найдет. Вот такое у меня было начало трудовой деятельности, как молодого специалиста-гидротехника. Недолго меня там держало мое начальство в тех красивых и до тошноты противных мне местах.

В СОВХОЗЕ

Я добилась того, что меня отпустили раньше, и устроилась на работу в другое ведомство. Поняли мои начальники, которые находились в городе Дербенте, что там от меня никакой пользы для дела не будет, и спустили меня с гор на равнину. На станции Мамедкала уклад жизни был совсем другим. Тут проживало много русского населения и людей разных национальностей. Тут все было по-другому. Звучала русская речь. Жители Кавказа при общении друг с другом пользовались русским языком.

На новом месте работы у меня была высокая должность, и соответственно – высокая ставка. Хозяйство это занима-

Дагестан, Махачкала, 1961 г.

лось выращиванием винограда, в основном винных сортов, и переработкой винограда, как выращенного на своих землях, так и того, который привозили из хозяйств, не имевших своих перерабатывающих заводов. Совхоз этот, виноградарско-винодельческий, имел очень хорошие экономические показатели, за что был удостоен права постоянного участника ВДНХ.

Как бы мне ни нравилось работать в этом хозяйстве, но пришлось оставить работу и переехать в город Махачкала. Это было связано с тем, что я вышла замуж.

Мой муж был физиком и работал в Дагестанском филиале Академии наук.

Вот так мне пришлось оставить работу, которая мне очень нравилась и которая, можно сказать, выбила из меня дух послушного раба прошлой моей жизни, сделала человеком, достойным уважения. Я могла свободно разговаривать с человеком любого ранга и чувствовала себя уверенной в своих силах и возможностях. С моими друзьями и бывшими коллегами по работе из того хозяйства я продолжала поддерживать контакты. Этот виноградарско-винодельческий совхоз достиг больших высот и был преобразован в научно-исследовательский институт по виноградарству и виноделию.

Многие специалисты его защитили кандидатские и докторские диссертации. Директор этого хозяйства был избран академиком ВАСХНИЛ. И мне очень приятно сознаться в том, что он, будучи студентом-выпускником, оказывал мне знаки внимания как девушке и как весьма уважаемому молодому специалисту – гидротехнику. Он приезжал на каникулы к своему брату. А брат тогда был директором в этом хозяйстве. Редко такое бывает, но все-таки бывает – младший брат принял дела у старшего брата, как только он защитил диплом и стал ученым-виногра-

Дагестан, в виноградарском совхозе вблизи Дербента, 1957 г.

дарем и виноделом. Старший брат получил повышение. Получилось так, что в этом хозяйстве правила династия двух братьев. Мне очень приятно вспомнить это хозяйство еще и потому, что первая запись в трудовой книжке о моей трудовой деятельности была сделана в этом хозяйстве. Разве можно забыть такое?

Моя мама, живя в городе Орле, получала посылки с виноградом весом не меньше 10 килограммов через каждые

два-три дня целых два месяца, пока шел сбор винограда. И какого винограда! Такого в магазине не купишь. Я сама на виноградной плантации срезала ту гроздь, которая мне нравилась. Вот уж воистину я создала для своей семьи райскую жизнь. Думаю, мама впервые в своей жизни узнала вкус винограда.

А когда я приезжала в отпуск, то привозила бочонок виноградного вина – муската. Бочонок для вина мне сделали на заводе рабочие – бондари. Такой бочонок, емкостью в двадцать пять литров, не всякий поднимет, не то чтоб унести. Железнодорожная станция тут была совсем рядом, а потому больших проблем, как увезти этот груз своим родственникам, не было.

Работая, я продолжала учиться заочно на строительном факультете Грозненского нефтяного института. Окончив институт, получила профессию инженера-строителя.

МОЯ НОВАЯ РОДИНА – СИБИРЬ

АКАДЕМГОРОДОК

Мы с мужем приехали в Сибирь в разные годы: сначала – мой муж, а потом уже и я. По правде сказать, я боялась Сибири. Это ведь так далеко от Москвы, а от Махачкалы, откуда я приехала с семьей, еще дальше.

Недавно наш Академгородок праздновал свое пятидесятилетие. Много было ученых из разных городов российских. Приехали на это мероприятие и гости из ближнего и дальнего зарубежья. Научные контакты сложились и существуют с самого основания этого, теперь уже большого, научного центра Сибири. Не будет большим преувеличением сказать – и России.

Не раз с трибуны из уст именитых докладчиков – академиков и профессоров я слышала, что не много найдется мест на земле, где бы так были сконцентрированы научные заведения. Более ста проблемных институтов насчитывает Сибирское отделение Академии наук. Что касается научных тем-разработок, то их мерено-немерено. Большое поле деятельности для научной фантазии.

Я – человек, далекий от науки, всего-навсего инженер-строитель, но я не стыдилась этого, а порой даже и гордилась самой мирной и созидательной своей профессией. Помню, на одном банкете по случаю сдачи главного корпуса Института теоретической и прикладной механики директор его, академик Владимир Васильевич Струминский, сказал такие лестные слова: «Мне нравится профессия

строителя, кирпичик положил, и сразу видна работа, не то что в науке».

Моя работа нравилась мне тем, что я не была зависима от капризов ученых. Не связана никакими обстоятельствами, темами и прочими условностями. Мне кажется, что порой я со своей работой была не менее нужной, чем научный сотрудник, которого, может, тот же академик и в глаза не видел, а без строителей и академик не мог обойтись.

Не так много у нас в государстве было таких почетных людей, как академики. Встреча с таким именитым человеком – всегда радость. Мне повезло: в силу моей профессии со многими академиками работала в прямом контакте. И это не означало – на короткой ноге. К такому человеку люди в большинстве своем относятся с большим уважением, и я не являюсь исключением.

Хочется рассказать один курьезный случай о себе. Когда мы семьей приехали сюда, в Академгородок, с Кавказа на постоянное место жительства, мужа и меня пригласили в гости к члену-корреспонденту Стрелкову Георгию Константиновичу, в Золотую долину, где в коттеджах живут в основном академики и члены-корреспонденты.

Визит к такой важной персоне оказался для меня делом непростым. Я не знала, как одеться, чтоб выглядеть достойно, боялась, что буду смотреться Золушкой. Перебрав весь свой гардероб, выяснила, что мне особенно нечего надеть. К тому времени я не успела еще забарахлиться. Примерила платье с люрексом. Тогда это был писк моды. Решила, что пойдет, но когда появилась в гостях в таком пышном наряде, то на фоне других людей, одетых обыкновенно и просто, – кто в брюки и фланелевую рубашку, кто в хэбэшное трико – я почувствовала себя не в своей тарелке. Не могу объяснить тогдашнего своего смущения. Хоте-

ла выглядеть хорошо, но это хорошо оказалось неуместным. Так я пострадала от незнания этикета, условностей, принятых в Академгородке на тот момент. Никуда от этого не денешься. Такими смешными были мой первый визит и мое знакомство с ученой знатью Академгородка.

Конечно, каждый считает за честь побывать в таком доме. Мы, простые люди, признаем превосходство таких людей, их достоинства и неординарность. Много полезного и интересного узнала я в этой среде, не только о науке и ученых, но и о жизни вообще, в том числе о том, как надо одеваться.

РАБОТА В ИНСТИТУТЕ МЕХАНИКИ

Когда меня пригласили на работу в Институт теоретической и прикладной механики Сибирского отделения Академии наук СССР, я чувствовала себя уже вполне акклиматизировавшейся сибирячкой. В первые годы я боялась холода так, что вызывало смех у сибиряков. Помню, все женщины надевают платья с декольте, а я – теплую кофту. Но все это было четыре года назад.

В ИТПМ я пришла сформировавшимся специалистом. У меня к тому времени был большой практический опыт, который я приобрела уже в Сибири, работая старшим инженером в аппарате управления Спецэлеваторстроя. В этой организации мне приходилось осуществлять контроль за качеством работ. В те годы элеваторы были самыми высокими сооружениями и возводились с помощью подвижной опалубки. Не буду вдаваться в специфику строительства, скажу лишь, что очень рада была приобрести такую замечательную практику. Теперь я не то что прежде, могу спорить и доказывать, если это нужно для дела, а случаи такие бывали, и нередко.

Очень мне нравилось работать в этом учреждении, хоть и приходилось часто ездить в командировки. В то время у меня уже был маленький ребенок, ему нужно было внимание, но что поделаешь? Надо было выбирать: уделять больше внимания семье, ребенку или работе, к которой «прикипел». Было, правда, еще одно неудобство: жили мы в Академгородке, а на работу я ездила в центр города Новосибирска, на улицу Потанинскую. Пришлось искать работу ближе к дому. Но, скажу прямо, большого выбора с работой у меня тогда не было. Сибакадемстрой вел строительство в Академгородке, это была единственная строительная организация в Академгородке, штатное расписание там было заполнено, вакансий не было.

К счастью, в это время в Академгородок приехал очень энергичный человек, академик Владимир Васильевич Струминский. Он приехал из Москвы, где работал в ЦАГИ. В Академгородке он стал директором Института теоретической и прикладной механики. Появление в институте такой фигуры, как В.В. Струминский, – явление весьма значимое. Я была всего лишь инженером-строителем, человеком, далеким от науки, но чувствовала, как работа в научной среде института кипела.

В это время институт начал бурно развиваться. Нужно было строить Главный административный корпус, которого раньше не было (хотя другие институты Академгородка уже построили свои Главные корпуса), катастрофически не хватало площадей для рабочих мест. Но в штатном расписании институтов инженеры-строители не предусматривались. Вопросами капитального строительства занималось управление капитального строительства. А без инженеров-строителей – какое развитие? Но Струминский нашел выход, он пригласил меня на ставку

«инженер». Дело сдвинулось с мертвой точки, строительство оживилось. Главный корпус был построен за небывало короткий срок, всего за два года. Проектирование и строительство шли одновременно. В моей практике такого не было – ни до, ни после. Мне пришлась по душе такая работа, я чувствовала себя «на седьмом небе». Такая энергетика царила в этом институте! Те, кто не любил шустро шевелиться, думаю, тому не место было там. Работа в институте кипела, скучать было некогда.

В момент моего появления в институте работали над большой бесшумной аэродинамической трубой и малой, очень шумной. Нужно было реконструировать помещения. Все это надо было сделать очень быстро, но Сибакадемстрой был очень загруженной организацией. Все институты нуждались в площадях, в реконструкции помещений под какие-то новые темы и в расширении площадей под уже начатые научные исследования.

В те годы наука в Сибири развивалась интенсивно. Была большая потребность в новых лабораторных корпусах, но Сибакадемстрой подчинялся не Академии наук, другому ведомству, может, это и не столь важно, но все же мне хочется упомянуть то ведомство – Министерство среднего машиностроения. Эта строительная организация в своем ведомстве занимала лидирующие позиции. Вести деловые разговоры с этой организацией было, ой, как не просто! Не принято, но стоило, как мне кажется, выражать благодарность и тем, кто помогал добиваться таких высоких производственных показателей. Эта организация пользовалась безотказно всем, что ей только нужно было. Институты выделяли ей столько рабочей силы, сколько она запрашивала. Нередко бывало, что снабжали даже всевозможными материалами, какими располагал тот или иной институт.

Все это делалось ради науки, во имя науки и скорейшего технического прогресса в нашем государстве, в СССР. Сейчас, когда я говорю об этом, многих из тех великих людей-ученых давно с нами нет, хочется вспомнить их с превеликой благодарностью за их служение Отечеству и своему народу. Мне особенно хочется в этой связи сказать об академике В.В. Струминском. Сколько в нем было энтузиазма и энергии! Этот человек мог раскрутить самого ленивого, самого флегматичного, заставить работать его, и тот в конце концов работал даже с радостью. У меня и по сей день сохранилось то ощущение трудового праздника!

Люди в массе своей, чего греха таить, беспечные и ленивые. Но работать-то все равно нужно всем, так уж лучше с радостью, чем с насилием над собою. И такую радость люди имели благодаря вот такому талантливому руководителю. Владимир Васильевич был уже немолодым, его возраст приближался к пенсионному, но в нем было столько энергии! Он не умел просто ходить, как все, он шел-летел, он «раскачивал» всех и вся. Его боялись, уважали и обожали!

В институте царил дух трудового энтузиазма! Благодаря Струминскому институт стал очень быстро развиваться, и особенно в области аэро- и газодинамики. Кому-то из важных персон стало не очень уютно жить с этим весьма энергичным человеком. На следующий срок этот академик уже не был избран директором института. Большой коллектив научного учреждения остался без лидера, без организатора. Так и хочется сказать: отняли «первую скрипку в оркестре». А ведь государство под научные разработки, на строительство экспериментальной базы этого руководителя уже потратило не один миллион. И дело государственной важности было приос-

тановлено, «заморожено», материалы растаскивались. Разве развитие самолетостроения и аэрокосмонавтики было лишним для такого огромного государства, как Советский Союз? И куда было деваться тем бедолагам, которые уже имели большие научные наработки в той области? Но об этом они уже рассказали сами, а может, еще расскажут в своих мемуарах.

Не могу не сказать и об Алексее Алексеевиче Курдине, заместителе директора по научной части, который так много делал для развития тех направлений, которыми занимались академик Струминский и коллектив института. Алексей Алексеевич был правой рукой академика Струминского в обеспечении финансами строительства экспериментальной базы института.

Алексей Алексеевич Курдин был полковником в отставке, кадровым офицером. Пользовался большим авторитетом как среди научных сотрудников института, так и за его пределами. Его эрудиция, культура общения и очень приятные внешние данные позволяли ему вести большие деловые разговоры в таких государственных учреждениях, как Совет Министров СССР, Госплан СССР, а также в президиуме Академии наук СССР. Умение красиво держаться и приводить неоспоримые аргументы в вопросах целесообразности использования государственных средств на развитие того научного направления, которое было выбрано дирекцией института, помогало ему убеждать оппонентов во всех этих высоких инстанциях, что данное направление необходимо не только для развития науки, но и для обеспечения государственной безопасности страны.

Я рассказала немного об этом очень симпатичном человеке еще и потому, что он был моим непосредственным начальником. Работать с ним было приятно.

Он хорошо ориентировался в любой сложной ситуации и не ставил перед своими подчиненными непосильных задач. Когда нужно было, включался сам, чтоб зря не терять времени. В этом случае выигрывали все, а главное – не страдало дело. Мне повезло, что я работала с такими людьми, как Курдин и академик Струминский. Это было просто здорово! От работы хоть и уставали, но в то же время получали радость, потому что труд наш был замечен и по достоинству оценен, а это стоило немалого.

Но всегда в жизни получается так, что и хорошее, и плохое имеют начало и конец. С приходом нового директора в этот институт все приутихло. Жизнь перестала бурлить. Начатое строительство было остановлено и передано в хозяйство, которое совсем не занималось наукой. Мне стало скучно работать. После ухода академика Струминского из института я решила тоже оставить этот институт. Не одно место работы я поменяла потом, но так чтоб я получала радость от своего труда – так не получилось. Слава Богу, что в какой-то период работа мне была в радость.

Мне, человеку, не обладающему какой-либо информацией, не понятно, как можно было начать, а потом вскоре свернуть проекты, в которые уже столько было вложено государственных средств. Многомиллионные затраты на создание экспериментальной базы аэродинамических исследований в городе Новосибирске прошли через все высокие инстанции. Очевидно, «наверху» каким-то умным мужам неуютно стало созерцать создание грандиозного экспериментального центра где-то «там», в Сибири, не в Москве, вот и запустили «машину торможения». Уже не один миллион был вложен в строительство нового аэродинамического центра, и, несмотря на

это, стройка была остановлена. Построенный корпус № 8 не один год сиротливо стоял в ожидании своего хозяина, растаскивался дачниками-огородниками, находящимися поблизости от этого объекта.

Не могу говорить об этом спокойно даже сейчас, четыре десятилетия спустя. Эта экспериментальная база была нужна не только городу Новосибирску, но и государству тоже, я это понимала. И мне было очень жаль, что это строительство было «заморожено» из-за чьей-то чиновничьей амбиции. Город Новосибирск, таким образом, не стал крупнейшим центром важных аэрокосмических разработок и уникальных экспериментальных исследований.

Тогда как раз строился водопроводный коллектор с очень большим диаметром труб, как мне помнится, не менее 100 сантиметров в диаметре. Этот коллектор должен был обеспечивать весь аэродинамический центр водой. И надо же было такому случиться, что на пути этого водовода росли пять неказистых маленьких березок, каждая из которых толщиной с мужской кулак.

Приходится говорить об этих березках очень уважительно и подробно: они меня тогда чуть на тот свет не отправили. Чтобы убрать эти березки, надо было получить согласие соответствующих органов. А их было столько! С кого начинать и кем заканчивать, было не ясно. И к кому меня только не направляли! Не буду рассказывать обо всех, скажу только о последней инстанции – облисполкоме. Самое интересное и, может, самое любопытное, что меня поразило тогда, так это то, что мне пришлось разговаривать с человеком очень внушительного возраста! Ему было по виду не меньше 85–90 лет отроду!

Когда этот человек очень внушительного телосложения и не менее внушительного возраста извлек внушительного размера «талмуд» из своего стола, я обомлела раньше, чем он успел его раскрыть! Это была книга-документ, гроссбух огромных размеров, с огромным гербом Советского Союза на обложке. И эта внушительная книга, как мне было сказано этим очень авторитетным человеком, называлась «Отчет землепользования Новосибирской области».

Меня не меньше поразил и сам документ. Когда этот человек перелистывал одну за другой страницы фолианта, я увидала, каким изумительно красивым, каллиграфическим почерком была заполнена эта книга-отчет! Буковка к буковке и размером чуть больше бисеринки! Я совершенно утвердилась в своем мнении, что эту книгу заполнять, а может, и вести ее доверено только этому весьма почтенному человеку!

Времени на решение проблемы мной было затрачено не меньше чем полгода (а сколько километров изъезжено было за это время по всяким инстанциям!). Зато я узнала, к кому надо обращаться и кто должен обращаться, чтоб решить этот вопрос, который и яйца-то выеденного не стоил!

Тогда, более тридцати лет тому назад, я в силу своей должностной обязанности, как куратор, обязана была получить разрешение на вырубку тех берез, пройдя все инстанции: лесхозы, зеленхозы, районные, городские и областные, чтобы строительство могло продолжаться.

Мне пришлось доложить высокому начальству об этой весьма затянувшейся проблеме с березками, рассказать обо всем в мельчайших подробностях, о том, какие мне пришлось посетить инстанции. Ну, доложила, и что? Результат-то был нулевой…

Казалось бы, что тут хитрого? Один взмах топора – и

деревце, как миленькое, лежало бы на земле. Только пенечек от него остался бы. Пять взмахов хорошо отточенного топорика при хорошей мужской силе в руках, и лежали бы они все рядышком, шевеля на ветру своими тоненькими веточками! Но закон есть закон, и нарушать его никому не позволено!

Решение этого вопроса взял на себя академик В.В. Струминский. И решился он в течение одной встречи академика с первыми лицами области.

Когда в облисполкоме я получала разрешение на вырубку тех пяти березок, я задала вопрос чиновнику: «А кому нужна такая безумная процедура?» Ответ был таков: «Только таким образом мы сохраняем зеленые насаждения, а застройщик находит новое проектное решение».

Об этих березках я рассказала лишь для того, чтобы сравнить ситуацию с сегодняшним днем, когда вырубаются целые гектары красивого леса, да не «где-нибудь там», на отдаленном поле, где стояли те пять чахленьких березок, мешавших строительству аэродинамической экспериментальной базы в районе ОбьГЭС, в левобережье Советского района, а в самом Академгородке, где всегда сохранялись и тщательно оберегались окружающие его многолетние деревья. Тем и стал знаменит Академгородок, максимально сохранивший во время строительства обширные лесные массивы, которые придали ему особенную красоту и прелесть. Сохранять деревья, особенно многолетние, – долг каждого гражданина.

Вспоминая пережитое, хочу добавить, что была тогда в интересном положении и срок беременности был немалый. Когда я показалась врачу, то получила хорошую вздрючку как недисциплинированная и безответственная будущая мама.

Недолго мне пришлось хлопотать на работе, врачи уложили меня в больницу на сохранение моей жизни, да и ребенка тоже. Жизнь моя была на грани... Слава Богу спасли и меня, и моего ребенка.

О КОПТЮГЕ

Мне нравилась моя работа в Институте теоретической и прикладной механики, но с уходом из этого института академика Владимира Васильевича Струминского мне тоже пришлось поменять место работы. И этим местом оказался Институт органической химии. Признаюсь, работа в этом институте меня не устраивала. Не было того романтизма, к которому я привыкла. Тут надо было тихо и спокойно вести простое дело: делать косметические ремонты в лабораториях и выполнять множество всяких мелких работ, которые обеспечивали нормальную работу в научных лабораториях. Все мелкие ремонтно-строительные дела лежали на моей ответственности.

Одно меня устраивало в этом институте: было очень приятно выполнять поручения таких известных людей, как академик Николай Николаевич Ворожцов и член-корреспондент Валентин Афанасьевич Коптюг, еще очень молодой в семидесятые годы, но очень уважаемый всеми человек. В тридцать с небольшим лет он был избран членом Академии наук, а для этого надо было уже многоемногое сделать в области науки. Тогда он возглавлял один из отделов института.

Мне в соответствии с должностной инструкцией приходилось выполнять много разных работ в его отделе. Я, как и многие другие, с большой ответственностью относилась к его заявкам. Помнится, однажды он обратился ко мне с личной просьбой: ему нужен был краскопульт, он делал

ремонт в своей квартире. Я предложила ему услугу, которая и заняла бы всего ничего: один-два часа для маляра – это плевое дело. Но он отказался:

– Мы с Ириной лучше сами сделаем.

Так было отклонено мое предложение. Он не хотел даже такой мизерной услугой воспользоваться за счет института. Такая у него мораль. Все сделать самому. Таким он остался до конца своих дней. Работая на самых высоких должностях и имея звание академика, никогда не забывал о людях рангом пониже. Защищал интересы своих подопечных. Находил время на все доброе, что приносило людям радость. Таким он остался в моей памяти и памяти многих-многих людей, теперь уже давних пенсионеров, которых он никогда не забывал поздравить с какой-то знаменательной датой-праздником, уже будучи Председателем Сибирского отделения Академии наук – ответственным, чистым, добрым.

РАБОТА В ИНСТИТУТЕ КАТАЛИЗА

Несколько лет мне пришлось работать и в Институте катализа.

Известность любого института определяется научным направлением и личностью руководителя. Для Института катализа оба эти обстоятельства оказались исключительными. По своей научной направленности институт является единственным в своем роде не только у нас в стране, но и во всем мире. А основателем и первым директором института стал выдающийся ученый, Герой Социалистического Труда академик Георгий Константинович Боресков.

Я устроилась на работу в Институт катализа как раз в то время, когда после большого пожара в Институте органической химии было принято решение о срочной замене во всех институтах пожароопасных конструкций на несгораемые.

Работа была сложная и большая, особенно если учесть, что в институте на тот момент не было ни лимитов на необходимые материалы, ни ставок в штатном расписании. Каждый институт выкручивался, как мог. Вот тут-то и мне пришлось изрядно «покрутиться», чтоб, не нарушая ритма работы научных лабораторий, вовремя обеспечить надлежащую пожарную безопасность.

А научная работа в институте шла полным ходом, ощущалась особая атмосфера деловой активности. И было от чего! Глубина замысла, тщательность и отлаженность научного эксперимента дали удивительные результаты в области катализа. Разумеется, во всем этом проявилась директорская воля академика Г.К. Борескова.

Не могу сказать ничего другого, как только выразить свое мнение: очень повезло коллективу института, что им руководил ученый с мировым именем академик Г.К. Боресков.

Основы исследований, которые заложил Георгий Константинович, позволили его ученикам успешно продолжить работу по созданию новых перспективных катализаторов.

Преемником Г.К. Борескова на посту директора стал талантливый ученик Кирилл Ильич Замараев, вскоре ставший академиком. Авторитет института в области катализа продолжал расти, на его базе возник Международный центр по исследованию катализаторов, который возглавил К. И. Замараев. Это было уже актом международного признания итогов работы Института катализа.

Сейчас институт возглавляет тоже талантливый и верный ученик Г.К. Борескова академик Валентин Николаевич Пармон, коллега и большой друг К.И. Замараева.

В институте сохраняется заданное направление научных исследований. Достижения института постоянно приумножаются.

Завидую тем ученым, кому довелось работать под руководством и в содружестве таких замечательных и достойных уважения людей, которых я упомянула с искренним уважением.

И хотя минуло много лет с той поры, как я перестала работать в институте, и многое изменилось, но институт продолжает оставаться на передовых позициях в науке и по сей день.

ПОЛУЧЕНИЕ УДОСТОВЕРЕНИЯ МАЛОЛЕТНЕГО УЗНИКА

Когда наше, тогда еще советское, правительство, в 1988 году признало детей, вывезенных в неволю, пострадавшими от фашизма, очень многие не могли доказать этот факт своей биографии. Если кто и имел какие-то документы, справки, подтверждающие факт нахождения в неволе, думаю, все ликвидировали их, чтоб не иметь в жизни лишних неприятностей. В конце 80-х советское правительство с очень большим вниманием относилось к этой категории людей, видимо, признав свою вину. Но немногие про это знали, и потому большинство продолжало скрывать свое трагическое прошлое.

Я только в 1993 году услышала по радио об этом и сразу обратилась с просьбой в органы ФСБ, и мне была дана справка из государственного архива, подтверждающая факт моего невольничества. Служба, занимавшаяся оформлением документов, не сразу признала этот документ, так как в верхней части справки было написано: «секретно».

Это вызвало недоверие к документу, а мне было сказа-

РСФСР
Исполнительный комитет
Новгородского областного
Совета народных депутатов
АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
Новгородской области
"__" ________ 19__ г.
№ ______
173026, г. Новгород
ул. Мусы Джалиля, дом 31
телефон № 7-52-94

г.Новосибирск,
МИНИСТЕРСТВУ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УПРАВЛЕНИЕ ПО НОВОСИБИРСКОЙ
ОБЛАСТИ
Отдел по СО РАН
т. Новикову

Копия: Начальнику УМБРФ по Новгородской области
г.Новгород
на № 1826 от 01.06.1993.

На Ваш номер 20/4-2067 от 26.05.93

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Д-21814 от 17.11.93г.

В феврале 1942 г. семья Дмитриевых, в составе: мать – Дмитриева Анна, 1904 г.р., дети Дмитриева Пелагея Ивановна, 1929 г.р., Таисия Ивановна, 1927 г.р., Татьяна Ивановна, 1932 г.р., насильно была вывезена немецкими войсками с территории д.Черныцово, Волотовского района, Новгородской области.

С марта 1942 г. по август 1942 г. семья находилась в лагере пленных "Богусы" Польша г.Граево, затем с сентября 1942 г. по май 1945 г. работала у помещика по фамилии Бойзен, Германия г. Фленсбург.

В 1945 г. в мае месяце освобождена частями Английской Армии. Фильтрацию прошли с 9-19 октября 1945 г. лагерь 164 Дойч-Кроне, Польша.

Компромат в деле не обнаружен.

Основание: Р-4541, дд. 13947,13943, оп.1

Директор архива Т.Б.Чуйкова

Зав. отделом использования документов И.Д.Савинова

Копия архивной справки, подтверждающей насильственный угон в Германию

но: «Как это Вам выдали документ, на котором стоит гриф «секретно»? Пришлось вмешаться работнику ФСБ, который получил из архива этот документ. Не все так просто, как кому-то может показаться. Не одному человеку я потом помогла получить из архива документы, подтверждающие факт **насильственного** угона из СССР. Сама же я, изучая содержание справки, подумала: «Кому понадобилось делать эту информацию секретной?» И что тут секретного, в этой справке? Этот вопрос до сих пор вызывает у меня удивление. Кто же не знает из нашей истории, что миллионы порабощенных граждан Советского Союза были фашистами вывезены в разные государства Европы?

Зачем надо было терзать людей, и без того вдоволь настрадавшихся в неволе? Когда они вернулись домой, то почему-то опять оказались перед кем-то виноватыми... Разве не понятно, что провинившиеся перед своим Отечеством, перед своим народом вряд ли вернулись бы на свою Родину? Неужели все миллионы невольников были предателями и шпионами? Не верится в это. Кто не знал тогда железного кулака Сталина? Наверное, таких в то время в СССР не было. Сколько же человек должен вытерпеть, сколько перенести страданий? Наверное, судьба его такая – быть всегда без вины виноватым.

Меня до сих пор терзает мысль, за что я так наказана? Мне не зачтены были эти годы (три с половиной года в неволе), в том числе и концлагерь, при начислении пенсии. К тому же с меня была снята надбавка к пенсии, как труженику тыла. Под тем предлогом, что наша местность была быстро занята оккупантами, и я не отработала необходимые для начисления надбавки шесть военных месяцев.

Про все знают, даже когда была оккупирована наша местность, но только не знают о том, а кто же кормил тех солдат, которые вели бои с врагом в ночное и всякое другое время, уничтожая вражеские военные снаряжения и технику. Разве в военных архивах отсутствуют сведения, что в районе города Старая Русса проходила линия фронта, и не один год, а в течение всего периода, пока не погнали захватчиков назад, откуда они пришли? Где же брали провизию те солдаты, которые вели борьбу с захватчиками, как не у жителей деревень?

Не завидная моя судьба! Не засчитывается и то, что, рискуя своей жизнью, мы кормили наших солдат, приходивших из леса. Разве оккупанты за это не наказывали гражданское население? Повезло хоть в этом. Разве не могло наше правительство хотя бы детей эвакуировать из нашей местности, как эвакуировали их из блокадного Ленинграда? И тогда не пришлось бы мне испытать то тягостное чувство вины неизвестно за что и перед кем. Меня, надеюсь, кормили бы, как всех, и училась бы я в школе, как все дети.

И как же обидно, что посмели обвинять меня в том, в чем нет моей вины! Может быть, пришла пора хоть немножко, хоть чуть-чуть ради справедливости посочувствовать глубоко обиженным, ни в чем не повинным людям, которые столько вынесли страданий и пережили столько мучений?

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА НА УЛИЦЕ

Настали трудные 90-е годы. Цены взлетели вверх выше некуда. Я уже на пенсии немало лет. Пенсия – одни крохи, и та месяцами не выплачивалась. Пришлось подрабатывать: чистить газоны, подрезать, формировать кусты, за-

ниматься работой, связанной с дворовым и уличным благоустройством.

И вот как-то в один из таких дней шла я из дома на свой участок работы. Помнится, было это летом – в августе. Была теплая, солнечная погода. В огородах уже появилось много разных овощей. Стало немного легче сводить концы с концами, но это никак не избавляло от необходимости выполнять любую работу, чтобы как-то выжить.

В тот день я, как обычно, спешила на работу. День, правда, был воскресный – выходной, но не для меня. Выходных мне не давали, надо было успеть сделать работу к определенному сроку, хоть и очень малые деньги за это платили. Жить-то ведь как-то надо! Лучше хоть что-то, чем совсем ничего.

В том месте, где мне надо было перейти улицу, я остановилась. Вдруг слышу немецкую речь. Это как-то непроизвольно заставило меня замедлить шаг. Навстречу мне шли две уже немолодые женщины. Мне вдруг захотелось к ним подойти. Не знаю, как это получилось (я ведь понимала, конечно, что останавливать на улице посторонних не очень красиво, но в тот момент, похоже, об этом забыла), но я подошла к ним.

Они не очень смутились и совсем не обиделись, думаю, скорей обрадовались. Поняли, что мне от них что-то нужно, и очень мило раскланялись. Я поняла, что они куда-то торопились. Пригласили меня к себе домой, назвав свой адрес, извинились, что не могут уделить мне внимание.

Я очень обрадовалась, что они пригласили меня домой. Пришла к ним, как договорились, в назначенное время. Думаю, длинный разговор вести лучше дома, чем на улице. А у меня как раз и был такой разговор.

Эти милые дамы по-русски говорить не умели и знали только отдельные слова. Я хоть когда-то и знала хорошо немецкий язык и разговаривала на нем, но это было так давно! И все же что-то сохранила моя память. Из моих слов они поняли, что нашу семью угоняли в Германию и что мне от них что-то надо, что мне что-то хочется узнать. Разговор у нас был недолгим. В конце мы договорились о новой встрече. Они очень хотели мне помочь и пообещали в следующий раз пригласить переводчика – так будет лучше. Они чувствовали, что мне очень нужен этот разговор с ними, и не стали откладывать в долгий ящик, как это принято говорить в народе.

Новая встреча состоялась на следующий день, но уже с переводчиком. Не знаю, с первой или со второй встречи я узнала, что старшая из женщин приехала в гости из Германии. Она немка и гостить собирается две недели. Я обрадовалась тому, как они меня любезно встречают и что эта женщина хочет со мной немножко пообщаться. Звали ее Маргарет, ей 76 лет. Она приехала в гости к своим друзьям. Друзья – американцы. Они миссионеры. Их кто-то из жителей Академгородка пригласил сюда, чтобы они проводили службу в Академгородке. Им нравится здесь потому, что многие люди, прежде никогда не ходившие в церковь, стали признавать Бога и поклоняться Всевышнему.

Вторую женщину звали Мария. Она родом из маленького княжества Лихтенштейн, которое является горной страной в Альпах. В Академгородок Мария приехала со своим мужем Джоном, и, как вы догадались, он миссионер. Фамилия этой семьи Салеван, приехали они в Академгородок из Германии. В Германии они были с той же миссией, что и в России.

Муж Маргарет тоже был пастором, как и муж Марии Салеван. Это и послужило поводом для их дружбы. К сожалению, за три года до того, как Маргарет приезжала в гости к семье Салеван, она похоронила своего мужа, была одинокой женщиной и могла ехать, куда ей захочется. Вольный казак, как бы у нас сказали.

Однако мне пора назвать причину, зачем мне понадобились эти женщины, которых я встретила на улице. А нужны они мне были для того, чтобы помочь разыскать ту семью хозяйки из Восточной Пруссии, из деревни Блюменталь, у которой работала наша семья в те, уже такие далекие и суровые, годы войны. Где эти люди сейчас? Что стало с ними?

Мы хорошо знаем, что произошло с той частью Германии, которая называлась Восточной Пруссией. По большому счету немцы из Восточной Пруссии пострадали так же, как и мы, русские, из-за этой несчастной войны! Кому-то, может, не понятно, зачем это понадобилось мне разыскивать ту семью, вспоминать то ужасное, что случилось в те военные годы. Конечно, в этом мало приятного. Это правда. Но есть и другая правда. Правда памяти.

Почему я должна забыть тех, кому обязана своей жизнью? Это как раз и была фрау Цыбулька из Восточной Пруссии. Это благодаря ей, уже тогда очень пожилой женщине, наша семья была спасена от смерти. И уже не от голодной смерти, как это было в концлагере, а от переедания, которое нам грозило, когда мы приехали в ее хозяйство. И ничего тут нового я не сказала. Это известно всем. Изголодавшемуся человеку обильная пища – смерть. Моя мама знала про такое. В соседней деревне был такой случай, когда, сбежав из немецкого плена, наш солдат пришел

Пелагея Ивановна Старикова

Короткая беседа с Губернатором Георгием Боосом
в перерыве между учениями

Фото на память с Юрием Юхтенко, главой Гурьевского округа.
На учениях перед поездкой в Польшу

домой сильно изголодавшийся. Он много поел, переел и тут же умер.

В чем заслуга фрау Цыбульки перед нашей семьей? Тогда, когда она забрала нашу семью на бирже труда для работы в своем хозяйстве, она знала, что мы, изголодавшиеся, набросимся на любую еду, что попадется под руку. На уме одно – поесть, а там будь что будет. А в ее хозяйстве хватало еды, было на что наброситься голодному человеку. Там была поросячья картошка[1], турнепс, брюква да и мало ли еще чего там было. Она, как пожилая и разумная женщина, предвидя такое и чтоб не ехать второй раз на биржу труда за такими, как мы, предусмотрительно прихватила для нас еду.

Когда мы уже ехали на поезде, наша хозяйка вытащила из своей сумки бумажный пакет, а из него – маленькие бутербродики и дала каждому из нас по такому бутербродику. Это сейчас я говорю «бутербродики», а тогда в нашей речи и в помине не было такого слова. Даже не помню, как мы тогда съели эти бутербродики. Слава Богу, не подавились.

Всегда вспоминая свою хозяйку самым добром словом, искала я все-таки не ее, а ее внука Манфреда. Ей же тогда уже было около 80 лет, а внуку Манфреду на вид тогда было лет 9. Я считала его моложе себя года на два, а на самом же деле он оказался моложе меня на все пять лет. Просто он был рослым мальчиком.

У него был небольшой велосипед, на котором он часто катался по двору. Однажды он наехал на меня и чуть не сбил с ног. Чтобы загладить свою вину, он тут же дал мне велосипед покататься. С первого раза у меня ничего не вышло. А когда Манфред стал учиться, он показывал

[1] Поросячья картошка – приготовленная на корм поросятам.

мне буквы немецкого алфавита. Вскоре я смогла читать немецкие слова. Считая, что он был одним из младших членов семьи и потому с большой вероятностью должен быть еще живым, я стала разыскивать его, Манфреда Брозко.

Фрау Маргарет записала с моих слов те скудные сведения о деревне Блюменталь и о семье фрау Цыбульки, которые сохранились в моей памяти, и через несколько дней уехала в Германию.

Прошло некоторое время, и я получила письмо из Германии. В нем была немецкая карта той части Восточной Пруссии, где находилась деревня Блюменталь. На обратной стороне карты я прочитала краткое послание. Привожу его дословно.

«Мы – семья Орцессек, мы жили в Кройц Борн. Мы слышали от фрау Вернер, что вы жили в Блюментале. Мы хотим вас с этой картой обрадовать. С большим приветом Рут Орцессек».

Написано это было по-русски и крупными буквами. Для меня и письмо, и карта были приятной неожиданностью. Но как обо мне узнала Рут Орцессек?

Оказывается, однажды фрау Маргарет, путешествуя по Германии, во время службы в церкви рассказала прихожанам обо мне, что я разыскиваю людей, у которых нашей семье пришлось работать в те далекие военные годы, сказала, что те люди родом из Восточной Пруссии. Фрау Маргарет Вернер хоть и пожилая женщина, но очень активная, не любит сидеть дома, ей нужны встречи с друзьями, новые впечатления, а еще она любит делать добро людям. Вот она и решила таким образом помочь мне и привлечь внимание людей к моей проблеме.

Мы знаем, что после войны Восточная Пруссия уже не принадлежала Германии. И думаю, вряд ли кто-то из жителей-немцев там остался, все они, спасаясь, бежали на запад, когда военные действия приближались к границе Восточной Пруссии. Среди беженцев была и семья Рут Орцессек. Самой Рут было тогда десять лет. Рут Орцессек родилась в деревне Кройц Борн, которая находится в двух километрах от деревни Блюменталь. Таким образом у меня появилась еще одна знакомая женщина-немка, которая живет в Германии.

Я очень обрадовалась этому. Я почувствовала, что она с пониманием отнеслась к моей затее разыскать ту семью из деревни Блюменталь, у кого нашей семье пришлось работать в суровые годы войны.

Через некоторое время, точнее в июле 1996 года, я снова получила письмо из Германии – от фрау Маргарет Вернер. Она писала, что нашла внука фрау Цыбульки Манфреда Брозко. Я этому очень обрадовалась. Признаться, у меня мало было надежды на то, что я смогу найти кого-либо из той семьи. Ведь по тем местам тоже прошел разрушительный ураган войны, от которого мало кто мог остаться в живых.

В конце августа Маргарет снова приехала в Академгородок к своим друзьям-американцам. Она мне позвонила и сообщила, что привезла большую и важную для меня информацию. Я пригласила ее к себе в гости, и за чаем мы вели непринужденную беседу. Теперь мы уже были с ней как давние и добрые подруги. Она привезла адрес Манфреда Брозко и его домашний телефон. Оказалось, что он проживает в Западной Германии, около города Дюссельдорф. Привезла также архивные сведения о деревне Блюменталь, ее жителях и историю этой деревни, где упоминается 1539 год.

Меня очень удивила очень отдаленная во времени информация об этой деревне. Война прошла мимо нее –

она не была разрушена. Из документов я узнала, что фрау Цыбулька, бывшая наша хозяйка, бабушка Манфреда, погибла во время наступления наших войск. Погибла уже в другом городе во время эвакуации. Мне было очень печально узнать о такой смерти моей бывшей доброй хозяйки.

Во время нашей беседы за чаем фрау Маргарет спросила меня, не хочу ли я побывать в Германии. Я рада была такому предложению и, конечно, с радостью согласилась. Она сразу же, на другой день, оформила мне вызов в Германском консульстве в Новосибирске. Я стала готовиться к поездке. Получила загранпаспорт.

Мне надо было подучить немецкий язык, который я когда-то хорошо знала, а теперь изрядно забыла, ведь мне, возможно, предстояла встреча с Манфредом.

ЗА ГРАНИЦЕЙ

МОЯ ПОЕЗДКА В ГЕРМАНИЮ

Я должна была вылететь в Германию в конце октября. Но мой вылет не состоялся из-за травмы руки. Рука была в гипсе. Не хотелось мне путешествовать с больной рукой. Но и откладывать поездку на долгий срок тоже не хотелось. Мы ведь были немолоды, чтоб строить планы на отдаленную перспективу. Хотелось, конечно, сделать то, к чему стремилась, на что настроилась и для чего много было сделано, чтоб поездка и встреча состоялись и с Манфредом, и с фрау Рут Орцессек.

Узнав, что моя рука в гипсе, моя Маргарет написала, что она совсем не жалеет, что я не приеду к ней осенью, так как ей очень хочется, чтоб я приехала весной. Я поначалу даже как-то разобиделась на нее, что она так отреагировала на мою трагедию с больной рукой. Наверное, никто не радуется, когда рушатся большие планы. Велико было и мое огорчение по причине срыва моей поездки. А вот моя Маргарет радовалась тому, что не приеду к ней в гости в унылое время года, когда и день короче, и небо серое от дождливых туч. Договорились, что поеду к ней в апреле.

Она сообщила мне, когда нужно взять билет, чтоб сэкономить на этом один миллион рублей. А это не малые деньги, это почти на тридцать процентов меньше той стоимости билета, что мне надо было заплатить. Я очень удивилась такой ее осведомленности в наших аэрофлотовских правилах.

Кроме того, она расписала мне буквально все, начиная от Новосибирска до Москвы и Мюнхена, куда я должна прилететь и где меня будут ждать и встречать. Она сделала это для того, чтоб я на расспросы не теряла в пути времени, которого бывает или очень мало или совсем не бывает. Моя Маргарет знает, что делает. Вот такие волнения предшествовали моей поездке.

Подошло время, когда мне надо было брать в консульстве визу на поездку в Германию, и оказалось, что приглашение утратило силу в связи с новыми правилами, которые недавно были введены.

Правила ужесточились, раньше не ограничивался срок приглашения. Теперь необходимо было новое приглашение для меня. На это требовался минимум месяц. Телеграфные приглашения не принимались. Только с подлинной подписью. А у меня, кажется, уже был взят билет. Откуда мне было знать, что так изменятся правила приглашения?

Я рассказала о неожиданно возникшей проблеме своим знакомым – американцам, к которым моя знакомая фрау Маргарет приезжала в гости. Они поняли: моя поездка вновь откладывается и принимает затяжной характер. Надо было снова готовить массу документов с подписями чиновников в Германии, срочно информировать мою приятельницу Маргарет об этом новом правиле, которое связано с ограничением срока приглашения.

Мои знакомые американцы позвонили нашей Маргарет в Германию и рассказали ей о возникших проблемах. Она, моя Маргарет, в срочном порядке выслала по Интернету в консульство новое приглашение для меня в подтверждение старого ее приглашения и попросила консула выдать мне визу на въезд в Германию, сделав мне исключение по той важной причине, что мне никак

нельзя терять времени в связи с тем, что мне нужно работать на дачном участке.

Наш знакомый американец Салеван от своего имени тоже обратился в консульство с просьбой, чтобы мне сделали исключение и срочно выдали визу. Салеван отлично владеет немецким языком, и ему ничего не стоило написать письмо с такой просьбой.

Мы уже знали, что моя добрая фрау Маргарет Вернер отправила по Интернету письмо в адрес консульства. Вооружившись письмом от американца в адрес консула, я пришла в Консульство. Показала письмо охране, и меня пропустили без очереди, очередь была огромная. Давление на консульство с двух сторон – со стороны моей Маргарет из Германии и со стороны знакомого Салевана – сделало свое дело. Мне была выдана виза в срочном порядке и в виде исключения.

Я не могла поверить, что такое возможно. Получение визы оказалось очень волнительной процедурой с необыкновенно радостным результатом, который не забудется никогда!

Вот такие у меня оказались очень хлопотные сборы в ту поездку в Германию. Тут и травма, тут и новые визовые правила.

Но наконец-то я лечу туда, где ждет меня моя Маргарет, а вместе с ней меня должен встречать еще какой-то мужчина. Все связанное с полетом шло по плану, по расписанию. Нигде не было никаких неожиданностей.

Прилетела я в Мюнхен в первой половине дня. Прошла, как все, таможенный контроль. Спросили только, долго ли я собираюсь пробыть в Германии. Я ответила, что не больше месяца.

Направляясь к выходу, я заметила наших парней. Мне стало любопытно, почему они не проходят к выходу. На

мой вопрос парни сказали, что их не пропускает таможня и отправляет назад. А прибыли они этим же рейсом по приглашению спортсменов из Германии, и сами они тоже спортсмены. Я прошла дальше и не увидела никого, кто бы меня встречал. Я немножко заволновалась. Иду, кручу-верчу головой туда-сюда: вдруг увижу свою Маргарет? Но нет, ее не видно. И вдруг замечаю молодого мужчину очень обаятельной наружности, который обращается ко мне со словами:

– Sie sind Panka?

Молодой человек назвал меня Панкой. Так звали меня в детстве родные в деревне. И так звали меня, когда я батрачила в хозяйстве у фрау Цыбульки и у других хозяев. Я намеренно представилась Маргарет таким именем, чтобы легче было вспомнить обо мне, если вдруг зайдет разговор в Германии при встрече с кем-нибудь из семьи фрау Цыбульки. Молодой человек представился Михаэлем.

Я ответила ему тоже по-немецки:

– Ja, Ich bin Panka!

Он взял у меня из рук сумку, и мы направились на стоянку к его автомашине. Немного не дойдя до автостоянки, я вдруг заметила мою Маргарет и с ней молодую женщину. Но Маргарет еще не видела меня. Она стояла у витража аэровокзала и разглядывала прилетевших пассажиров, прямо впиваясь в каждого взглядом, надеясь увидеть меня в этой толпе. Надо было видеть, с каким усердием она высматривала меня в толпе пассажиров, прилетевших из Москвы!

И только тогда, когда мы вместе с ее знакомым Михаэлем подошли вплотную, Маргарет заметила нас. Увидев меня, моя Маргарет вся засветилась от радости. А еще больше обрадовалась я, что меня встретила моя Маргарет. Теперь я в надежных руках, подумалось мне сразу.

С восторгом обменялись приветствиями. Сели в машину, и Михаэль с ветерком повез нас по хорошей дороге в свой уютный, по-немецки обустроенный дом, полный комфорта, но где не было ничего лишнего. Внешне он выглядел как обыкновенный двухэтажный коттедж. В этом коттедже жили Михаэль и Кристина. Им было далеко за двадцать. Детей у них не было, хотя в браке состояли уже больше пяти лет и очень хотели иметь детей. Эта милая супружеская пара стала моими новыми хорошими друзьями в Германии.

Признаюсь, мой приезд в Германию вызвал во мне необыкновенный всплеск радости. Меня окружили таким вниманием! Это незабываемо. Я рада была, что меня привезли не в городскую квартиру, а в деревню недалеко от Мюнхена, и называлась она Штрасскирхен.

В Штрасскирхен мы с моей Маргарет гостевали три дня. Это были насыщенные дни. Меня возили, куда только можно было. Везде и всюду я видела большой порядок и чистоту. Чистоту необыкновенную. Земля Бавария – это гордость и краса Германии. Тон всей Германии задает Бавария. Кто не знает знаменитое баварское пиво! Эта земля находится в предгорьях Альп, граничит с Австрией, Швейцарией и Чехословакией.

Недалеко от этой деревни находится город Штраубинг. Мы не один раз катались в этот город за покупками для меня (я покупала недорогую, но удобную обувь) и моих мужчин. В этот город Михаэль и его жена Кристина ездят закупать продукты питания. Мне сказали, что в этом городе все очень дешево. Признаться, меня это сообщение о низких ценах на продукты питания никак не трогало. Мне не приходилось тратить деньги на это. Об этом беспокоилась моя Маргарет, которая пригласила меня к себе в гости.

Все мне нравилось в этой поездке, и то, чем меня угощали, тоже, я даже отметила за столом, что много всего вкусного. Мне ответили, что такой стол накрыт в честь моего приезда. Им хотелось меня побаловать и порадовать тоже. Они знали: Россия переживала трудные реформы. Рубль стал деревянным, а народ полуголодным и нищим. По полгода не платили работающим зарплату, а пенсионерам на несколько месяцев задерживали нищенскую пенсию.

Так в то время жила и строила новую жизнь Россия. А я, подумать только, путешествую по «поверженной» Германии! Хотела бы я такой «поверженной» видеть Россию. Сюда, в Германию, меня пригласила такая же пенсионерка, только старше меня на несколько лет и здоровьем покрепче, чем я. И обеспечена она так, что могла пригласить к себе в гости, взяв при этом на себя все расходы.

Маргарет была одинокой вдовой. Муж ее, пастор лютеранской церкви, умер за пять лет до моего приезда. Детей у них не было. Она была домохозяйкой. Похожа ли она на такую? Дом ее пышет если и не роскошью, то приличным достатком. Она по закону получает пенсию своего умершего мужа. Как не позавидовать?

Вот такую показали мне в прошлом поверженную Германию. Везет же людям! Молодой, очень красивый мужчина Михаэль Хербст – тоже пастор лютеранской церкви. Его жена Кристина, премилая женщина, медсестра, работала в больнице, в детском отделении.

Эти молодые люди, Михаэль и Кристина, родом из города Лейпцига, жители бывшей ГДР. В школе изучали русский язык, но его не знают. Им больше нравился английский. Большую радость доставила мне эта супружеская пара. Знаю, не просто им было найти свободное

время для меня. Они работают, очень занятые люди, но на своей машине провезли меня по примечательным местам округи.

Интересно мне было беседовать с одной семьей в городе Штраубинг – это небольшой город на границе с Чехословакией. Все члены семьи являются прихожанами той церкви, где служит пастором Михаэль Хербст.

Быстро пролетели три дня. Предстояла дорога в деревню Дитратрид, где проживает моя приятельница Маргарет Вернер. По дороге домой к Маргарет мы совершили остановку в городе Аугсбург, заехав еще к одной семье, где немного отдохнули.

Далее нам предстояло преодолеть еще около 300 километров. Наконец, мы приехали в дом, где живет моя Маргарет. У нее пятикомнатная квартира, она снимает ее. Очень уютная и очень большая по нашим представлениям. У них в Германии нет проблем с жильем. Есть деньги – живи в такой квартире, в какой хочешь.

Грустно было расставаться с Михаэлем и Кристиной. Они уехали обратно домой, в свою деревню Штрасскирхен. У моей Маргарет нет машины, а это уже не тот комфорт.

Моя Маргарет разработала план наших мероприятий. Каждый день после обеда мы совершали пешие походы по разным направлениям. Это было тоже безумно интересно.

По лесным дорогам и полевым тропинкам мы проходили обычно не меньше десяти километров. Много интересного и очень занятного видишь при пеших походах. Я впервые увидела очень красивый лес Шварцвальд или подругому он еще называется Дункельвальд.

Такой лес произрастает только в Баварии. Деревья так плотно растут, что солнце не проникает через крону де-

ревьев. В этом лесу темно, как ночью, потому он и называется в переводе на русский язык «черный или темный лес». Почти каждое дерево очень красивое, стройное, и кажется, что его вершина упирается прямо в небо. Прекраснейший строительный материал.

Пешком мы шли только туда, возвращались на автобусе, который развозил школьников. Много познавательного и приятного было в этих пеших путешествиях.

В округе было много курортов.

Запомнился мне очень большой красивый католический собор в местечке Оттобойрен. В нем мы купили кассету с записью музыки Баха.

Незабываемым было путешествие в Альпы. Мы ехали с Маргарет на электричке не менее трех часов в один конец. Скорость – сто километров в час. Электричка состояла из трех вагонов. Все электрички там только такие.

Вагон оборудован всем необходимым. Туалет оснащен автоматическим смывом. Не предупредила меня моя Маргарет, что туалет работает совсем не так, как у нас. Долго я искала какую-нибудь кнопку, прежде чем выйти, но так и не нашла. А люди подумали, наверное: человек уснул, раз так долго не выходит. Пришлось оставить все как есть. Но стоило только открыть дверь, как с шумом хлынула вода.

Да, подумала я, тут все не как у нас. Неплохо поработали немецкие конструкторы над этим вопросом, ничего не скажешь. Совсем не надо думать: за тебя сделает все автоматика. Не однажды такие казусы были там с нашими людьми. Мой знакомый тоже рассказал об этом же самом, о чем рассказала я сейчас. Так живет Европа, не хочет думать ни о чем.

Моя Маргарет влюблена в горы. Она много путешествовала по горам со своим мужем, когда они оба были

здоровы и молоды. Муж ее в годы войны воевал на Восточном фронте в России. Был в плену, домой вернулся в сорок восьмом году. Может, потому и остался жив, что попал в плен.

Жизнь пленных немцев в России была не та, что у русских пленных в Германии. Немцев не морили голодом, как наших солдат в концлагерях третьего рейха.

Прежде, чем подниматься в горы, мы проехали электричкой около трех часов и еще автобусом около восьмидесяти километров. Потом начался подъем. Мы прошли пешком самый легкий участок. Дальше тянулся маршрут для людей, которые были физически крепче. Там уже лежал снег.

Мы прошли участок пути не меньше восьми километров. Чистый горный воздух, дышалось легко. Наш поход в Альпы пришелся на десятые числа апреля, кругом уже цвели яркие альпийские цветы. Много интересного увидела я по пути в горы. Было много кемпингов, в которых стремятся проводить свободное время люди приличного достатка. Мне посчастливилось увидеть живую ламу, там их много гуляет.

Это путешествие подарило мне огромную радость. Мы видели снежные вершины гор. Мне казалось: вот они, рядом. Но это далеко не так. Это просто зрительный обман. На самом деле они были еще далеко от нас.

Перед тем, как тронуться в обратный путь, мы закусили, потом стали спускаться. Спуск – тоже не легкий путь. Я сейчас не смогла бы совершить такое путешествие, если бы путь был даже в три раза короче. А моя Маргарет запросто одолела тогда тот подъем в горы. А ей было тогда столько, сколько мне сейчас. Она на десять лет старше меня. И было ей тогда 76 лет.

У моей Маргарет любимая тема разговора – горы. Те-

перь она знает, что Альпы мне тоже интересны, поскольку я видала их вблизи. Бывали такие дни, когда можно было разглядеть их из окна нашего дома. Они походили на серовато-синие облака на дальнем горизонте.

В этот момент, что бы Маргарет ни делала по дому, оставляла все дела и громко звала меня, чтобы я скорее шла к ней: «Смотри-смотри, Панка, видишь горы? – Вон там», – и она показывала в сторону Альп, а сама вся аж светилась от радостного восторга.

Не зря было потрачено время и какие-то деньги на это путешествие в горы. Потом я с такой радостью вспоминала, как в редкие дни видела обожаемый предмет. Я по-доброму завидовала моей Маргарет, что она может испытывать такую радость часто и что никто не в силах помешать этому.

КРАТКИЙ ВИЗИТ В АВСТРИЮ

Все малые маршруты вблизи дома в деревне Дитратрид, где жила Маргарет, были нами исхожены. Было позади и дальнее путешествие в Альпы. Теперь мне предстояло путешествие с коротким визитом в Австрию. Мы уже были готовы к поездке и ждали приезда супружеской четы Хербстов – Михаэля и Кристины. Они должны были поехать с нами в Австрию.

Михаэль и Кристина жили на приличном расстоянии от Маргарет, примерно в шестистах километрах. Это порядка трех часов езды по скоростной трассе. Они приехали ближе к вечеру. На следующий день, после завтрака, мы отправились в дальний путь, в Австрию. Нас там уже ждала семья Пфефекорн.

Планировалось, что эта поездка будет короткой по времени. Всего несколько часов. Большую часть времени мы

провели в доме хозяев. Жаль, хотелось погулять, но не я там задавала тон.

Туда и обратно ехали по скоростной трассе, может, чуть больше двух часов. Михаэль знал, что мне здесь все интересно, и намеренно держал минимальную скорость – 140 километров в час. Максимальная скорость – 200 километров в час. Меньше 140 километров в час по скоростной трассе проезд запрещен.

Михаэль был моим гидом во время этой поездки. Он обратил мое внимание на то, что по разные стороны трассы находились два разных государства – Швейцария и Германия. В этот момент вдруг, как будто у нее только что прорезался голос, моя Маргарет с заднего сиденья, чуть ли не перебивая Михаэля, громко воскликнула: «Панка-Панка, смотри, совсем недалеко отсюда Лихтенштейн – родина Марии Салеван!»

Мне интересно было увидеть Швейцарию, хотя, признаться, не надеялась увидеть там что-то особенное. Бавария и Швейцария – одно к одному как по образу жизни, так и по архитектуре. Тирольские песни звучат как в Баварии, так и в Швейцарии. В этих местах даже особый стиль одежды. У мужчин на голове шляпа, непременно с пером, короткие штаны, чуть ниже колен, с обхватом ноги при помощи пуговицы, а на ногах обязательно гольфы. Очень мне хотелось купить такую шляпу с пером для мужа, да что-то не получилось. Не попалась она мне на глаза. Подключать мою Маргарет мне было неудобно.

В Австрию мы приехали 20 апреля, цвели сады. Вовсю кипела жизнь у спортсменов. Летали на каких-то огромных «змеях», и таких было очень много.

У меня была не только радость от всего увиденного нового, но и маленькая неприятность: обожгла палец на

руке. Положила на горячую плиту, тогда только и поняла, что это была плита, а не кухонная мебель. Сильный был ожог, и я попросила помазать спиртом, самое лучшее, что я знала из домашних средств. Меня как бы и не услышали. Но тут же помазали какой-то мазью и наложили пластырь.

Через каких-то двадцать минут я уже и забыла о той боли. Я обрадовалась и огорчилась одновременно. Почему же я не знаю о такой мази в свои без малого семьдесят лет? Есть ли у нас, в России, такая мазь? Не знаю и по сей день. Вот такой казус со мной случился там. Забываю спросить в аптеках, а ведь не плохо иметь в домашней аптечке такую мазь, которая действует мгновенно.

Говоря о путешествии по Австрии, я еще ничего не сказала о том, кто мне посодействовал, помог побывать в этом государстве. У меня ведь была виза только в Германию. Я – русская, мне запрещен безвизовый въезд в государства Европы. Но на этот раз мне очень повезло. К Маргарет приехали гости из Австрии. И один из гостей был работником таможни на границе с Германией. Он и помог мне получить визу на таможне за 92 шиллинга (около 50 марок). Сами же немцы, а равно и австрийцы катаются без виз, как и вся Европа.

Очень грустно было расставаться с Михаэлем и Кристиной, с этими милыми людьми: они после Австрии уезжали домой и прощались со мной.

Кристина одарила меня роскошным парфюмом, в наборе были и настоящие французские духи. Мама Кристины живет в городе Лейпциге, но она знала, что я у них в гостях, и подарила мне купюру достоинством в сто марок.

Михаэль сделал для меня альбом на память из фотографий, которые снимались в тех местах, где мне посчастливилось побывать.

Так выглядит дом фрау Цыбульки шестьдесят лет спустя. Мы жили и работали здесь более двух лет.
Деревня Блюменталь, 2006 г.

Среди участников учений на полигоне, 2006 г.

Маленький паровозик, на котором мы приехали из города Лик (ныне Элк) в Блюменталь. Узкоколейная дорога сохранилась до сих пор и действует как экскурсионная

На прогулке в г. Людеш: на переднем плане – Маргарет Вернер и Михаэль Хербст, поодаль – я и Дорис, хозяйка дома, где мы остановились, Дорис что-то рассказывает мне. Австрия, апрель 1997 г.

Такой комфортной жизни у меня не было, да и не будет потом. Спасибо им всем за ту огромную радость, какую они подарили мне.

БРЕМЕН. ВСТРЕЧА С РУТ ОРЦЕССЕК

Все мое путешествие по Германии было расписано фрау Маргарет Вернер с немецкой аккуратностью не только по дням, но и по часам. Много у меня было встреч с разными людьми. Моя Маргарет устроила для меня путешествие, о котором можно рассказывать бесконечно долго, как сказку «Тысяча и одна ночь».

Погостила я немного и у наших русских немцев. Они были родом из Искитима. Эти немцы не молоды, пенсионеры. Их дети не захотели уезжать из России, и старики скучали по ним, но возвращаться в Россию и думать не хотели. У них приличная пенсия, даже детям помогают.

В один из приездов Михаэля и Кристины к Маргарет мы позвонили по телефону Манфреду Брозко, которого я разыскивала и нашла.

Еще до приезда Михаэля и Кристины мы с моей Маргарет составили ему письмо с вопросами. Все вопросы исходили от меня. Главным образом, меня интересовала судьба всех, кого я знала и имена которых помнила.

Проблем с письмом у нас с Маргарет не было. На бытовом уровне я уже могла вести незамысловатую беседу. Если же мне какое-то слово надо было узнать, я находила его в словаре. Он всегда был при мне. Кстати сказать, без языкового минимума за границей делать нечего. Просто не интересно.

При телефонном разговоре с Манфредом я очень волновалась, и это мне мешало сосредоточиться. И к тому же я не так бойко шпрехаю по-немецки. Это все

понимали, потому к разговору готовились тщательно: вопрос – ответ.

Из разговора с Манфредом я узнала, что он инвалид второй группы. Инвалидом он стал в сорок лет после двух инфарктов. У него три сына. Двое из них – близнецы. Когда был задан вопрос, помнит ли он меня, нашу семью, он сказал, что помнит, только забыл наши имена. Мне сказал, что он перенес много страданий, и ему страшно не хочется об этом говорить.

Мы с Маргарет предполагали встретиться с ним, но встреча не состоялась. Манфред не захотел со мной встречаться. Маргарет от меня скрыла, что у него нет желания видеться со мною. Не хотела, видно, меня огорчать. Она только сказала мне, что наша встреча не состоится, потому что он и его жена болеют. Но мое сердце почувствовало, что тут все не так.

Он живет недалеко от большого города Дюссельдорфа, в очень густо населенной земле Западной Германии. Перед тем как мне ехать в Бремен на встречу с Рут Орцессек, я должна была встретиться с Манфредом. Это все по одной дороге от города Кобленца до Бремена.

На встречу с Рут Орцессек в город Бремен я поехала одна. Когда я ее спросила, почему она не хочет поехать со мной, она ответила: это дорого.

Маргарет проводила меня на электричке до города Кобленца. Все мне расписала, как возвращаться домой, опять сюда, в Кобленц, где надо садиться на электричку, чтобы доехать до места.

Когда моя Маргарет отправила меня одну на поезде в гости к моей новой знакомой фрау Рут Орцессек в город Бремен, предупредила: «Твое место у окна, если будет занято, попроси, чтобы освободили».

Место действительно оказалось занятым. Но стоило мне

приблизиться, и я заметила бумажку, на которой была написана моя фамилия. Эта бумажка с фамилией, кому забронировано место, лежала на полочке над этим сиденьем. Человек, занимавший мое место, сразу же освободил его. Он понял, что это мое место, и без напоминания освободил его.

Моей Маргарет хотелось, чтоб во время поездки я могла смотреть в окно вагона. Она знала: мне все интересно. Ехать пришлось четыре с половиной часа, и все это время я с большим интересом наблюдала картины за окном. Поезд шел со скоростью 200 километров в час. Шел очень мягко и совсем бесшумно. Все пассажирские поезда только с такой скоростью гуляют по своей территории. Думаю, это европейский стандарт скорости пассажирского поезда.

В Германии, наверное, нет спальных вагонов и мест. У них нет нужды спать в вагонах. Территория Германии не так велика, скорость движения поездов большая. Все места сидячие, на два человека в каждом ряду, каждый ряд у окна. Ряды по обе стороны вагона.

Было здорово, конечно, что мое место находилось у окна. За четыре с половиной часа езды на поезде (девятьсот километров по территории Германии) я столько увидела! Но не бывает не только худа без добра, но и добра без худа. Я не заметила щелей-прорезей в нижней части окна, откуда подавался воздух от кондиционера, и простыла так, что даже заболела, не обошлось даже без помощи врача.

Путь мой лежал от Кобленца до Бремена. Самый что ни на есть промышленный район западной части Германии. Что бросилось мне в глаза, – так это то, что повсюду рядом с постройками стояли ветряки. Вся территория была просто усеяна, как мне показалось, ветряками. У каждого дома или постройки стояли такие « игрушки».

В Бремене меня должна была встречать Рут Орцессек. Все волновались, как бы я не заблудилась и не потерялась. Маргарет мне сказала, что она на голову наденет белый шарф, а в руке будет держать плакат с надписью «Панка».

Я узнала их раньше, чем они успели подойти на платформу к поезду. И сразу подошла к ним. Рут приехала на встречу со своей старшей сестрой Эльзой. Эльза старше меня на три года. А Рут моложе меня на пять лет. Я обрадовалась, что Рут водит машину, значит, не будет проблем с поездками. То, что поездки будут, я была уверена: не будем же мы сидеть на кухне три дня!

Все обрадовались встрече, а дальше начались угощения и разговоры на кухне. Со слов Маргарет Рут кое-что уже знала обо мне. При встрече я многое узнала о ней. Мне было интересно, когда Рут посетила первый раз свою деревню, где она родилась. Она ответила, что первый раз увидела свою деревню в 1974 году, то есть прошло тридцать лет, как они оставили свою деревню.

Она сказала, что очень любит свой старый дом, в котором родилась, и каждый год на своей машине ездит туда. Привозит много разной одежды, которую поляки, что живут в их доме, принимают даже с радостью. С поляками у Рут сложились хорошие отношения.

Я спросила, что она знает о деревне Блюменталь, что от нее осталось. Оказалось, что Рут все знает про эту деревню, знает, что она сохранилась, не пострадала от войны. Теперь в этой деревне живут люди другой национальности – поляки. И теперь это территория Польши.

Рут показала мне книги с описанием тех мест с интересными иллюстрациями. Тогда у меня и возникло желание побывать в тех местах. Вспомнить все былое.

Рут выполнила мое желание и свозила в деревню Ворпсведе, где жили ее родители. Это в 25 километрах от города Бремена. Зашли мы и в родительский дом, двухэтажный особняк с хорошим большим садом и большим газоном. Вся деревня застроена очень красивыми большими домами. Такую деревню долго искать, жить в ней не хуже, чем в раю. Сводили меня в музей, где Рут купила книгу и подарила ее мне. В книге сообщалось, сколько выдающихся людей Германии жили в этой деревне: и художники, и писатели, и мужчины, и женщины. Было все небезынтересно.

Рут тоже имеет собственный дом в Бремене, и тут же рядом живет ее сестра Эльза. Около домов очень большие ухоженные газоны. У Эльзы на участке много плодовых деревьев: вишни, сливы, яблони и груши. Были и небольшие грядки с разной зеленью. Я любовалась всем этим и размышляла о том, откуда у них такой капитал, ведь все они беженцы из Восточной Пруссии. Но было бы бестактно спросить у них об этом, проявить такое явное любопытство. На какие средства построены эти коттеджи, я не спросила. Думаю, не без помощи государства.

Как только мы приехали в город Бремен и я поставила свой необъемистый багаж в комнате, где буду отдыхать, ко мне зашла Эльза и предложила совершить маленькую прогулку, пока Рут готовила стол.

Прогулка и впрямь была небольшая. Мы вышли со двора и как-то обогнули его. Потом зашли, как мне показалось, в какие-то сады-огороды, и среди деревьев я заметила огромное серое бетонное сооружение. Мой взгляд как-то невольно остановился на этом непонятном объекте. Эльза заметила это и тут же пояснила: бомбоубежище. Во время войны люди скрывались там от бомбежки. Я удивилась, почему оно не в земле, а

над землей. Мне думается, она намеренно показала мне это бомбоубежище, чтоб я знала, что тут тоже прошла война.

Побывали и в музее в самом Бремене. В этом музее были оформлены стенды о войне, на которых можно было увидеть немецких солдат в России.

Признаюсь, мне это было не очень интересно, совсем не интересно. Я как-то не сдержалась и высказала свое мнение по поводу увиденного. Эльзе это не понравилось. Она неправильно поняла мои слова «немецкие солдаты были плохо одеты». Я-то имела в виду, что они одеты были не для русской зимы. А то, что Эльзе не понравилось мое высказывание о плохом немецком обмундировании, мне сказала Рут.

Очень забавным показался мне памятник Бременским музыкантам из сказки братьев Гримм. Стоит он на главной площади города, рядом с городской ратушей.

Поразила меня там крытая многоэтажная автостоянка в центре города. Долго Рут пришлось ездить по кругу по какой-то крутой наклонной плоскости прежде, чем нашлось свободное место для машины.

Не повезло мне с поездкой в этот город. Я простыла от кондиционера в вагоне поезда. Уже вечером я почувствовала, что заболела. Пришлось крепиться, не валяться же в постели? У меня на все про все было три дня, и ни минуты больше.

К нашим русским немцам я вернулась с высокой температурой. Думаю, не очень-то понравился им такой гость. И мне это было тоже ни к чему. Но так уж все случилось. Пару дней провалялась я тут, в этом небольшом городе Штетин-Рункель, прежде, чем отправилась назад со своей приятельницей Маргарет к ней домой.

Город Штетин-Рункель находится недалеко от большого города Франкфурта-на-Майне. Назад едем по дешевому билету – билету выходного дня. Им немцы пользуются, если хотят сэкономить.

Испытала я на себе и медицинскую помощь в Германии, посетила что-то вроде нашей поликлиники. Пришлось похлопотать надо мной и моей Маргарет. Из-за болезни я потеряла четыре дня. Досадно. Домой вернулась не совсем выздоровевшая, но полная впечатлений от поездки.

С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ

У РОДНЫХ В КАЛИНИНГРАДЕ

В первый раз я летела в Калининград к моим родственникам – родной тете и двоюродным сестрам. Всех их я не видела много-много лет, кого-то не меньше пятидесяти лет, а кого-то чуть меньше. Очень волновалась, как пройдет наша встреча.

Тетя была очень рада встрече. Она была уже очень больна и довольно стара, через год ее не стало. Ну, а сестры приняли меня, может, и не так тепло, как тетя, но достойно.

Все мои калининградские родственники живут не в самом Калининграде, а в разных городах Калининградской области. Мне интересно было общаться с ними, тем более что мы не виделись столько лет. Причин тому множество.

Обычно по приезде я в первую очередь направляюсь к сестре Елене в Гурьевск.

Гурьевск – очень уютный, очень зеленый городок, застроенный старинными немецкими зданиями и современными одноэтажными домами коттеджного типа. В нем нет тех дорожных пробок, которые так портят настроение в больших городах. По нему можно спокойно гулять, наслаждаясь красивыми городскими пейзажами, тишиной. Гурьевск мне очень нравится еще и тем, что находится рядом с областным центром – Калининградом, всего в шести километрах.

В Гурьевске, в семье своей дочери Елены, жила моя тетя – Анастасия Дмитриевна. Елена – моя двоюродная сестра, пенсионерка «со стажем», но еще работает медсестрой в городской больнице.

Здесь я впервые встретилась и с другой дочерью Анастасии Дмитриевны – Александрой. Ей пятьдесят лет, она живет на Кавказе, в Ставрополе. Все они – родственники по отцовской линии.

А в городе Гусеве – тоже очень тихом, чистеньком и таком же зеленом, как Гурьевск, расположенном в 120 км от Калининграда, живет другая моя двоюродная сестра, по материнской линии, – Антонина. Ее я тоже не видела более пятидесяти лет. Антонина – племянница моей мамы и встретила меня гораздо радостнее. С родственниками по материнской линии у нас сложились более теплые отношения.

Я уже рассказывала, что отец, вернувшись с фронта, нас бросил. Всю войну он служил на границе, на Дальнем Востоке. После войны был отправлен в г. Орел, где и был демобилизован в 1947 г. Он не захотел жить с нами и довольно быстро обзавелся новой семьей. В той семье он принял двоих детей: девочку десяти и мальчика восьми лет. Их отец погиб на фронте, и они радовались, что у них появился «дядя Ваня», который заменил им родного отца.

Ну, а нашей семье досталась вся тяжесть послевоенного устройства. Мать не раз говорила нам, детям, брошенным отцом, что лучше бы он на фронте погиб, тогда бы детям хоть государство платило. Отношения с родственниками по линии отца стали довольно прохладными, если не сказать более. Тем не менее они были очень недовольны его решением бросить нашу семью и очень сочувствовали моей матери, особенно Анастасия Дмитри-

евна, его сестра. Эту тетю я очень любила, но она была неуловима для меня, а равно и для нашей семьи.

В послевоенные годы жизнь изменилась: после смерти Сталина, когда жителям деревень стали выдавать паспорта, из наших новгородских деревень все разъехались кто куда. Дети Анастасии Дмитриевны тоже разлетелись: Александра – в Ставрополь, Евгения и Наталья в Ленинград, Елена же всю свою трудовую жизнь провела в Гурьевске Калининградской области. Анастасия Дмитриевна потому и была «неуловимой», что постоянно переезжала от одних своих детей к другим, и совершено не было возможности узнать, где она в данное время. Я думала: век ее не увижу. Но, слава Богу, хоть и перед концом ее жизни, да встретились. Этому я была очень рада. Слава Богу, «лед отчуждения» растаял, и когда я приехала к ним в следующий раз, меня уже встречали как свою, я снова стала близкая и желанная родственница.

Я много ездила по дорогам Калининградской области. Внимательно всматриваясь в немецкие старинные постройки, которые тянутся вдоль дороги, я надеялась увидеть дом, похожий на усадьбу, в которой пришлось работать нашей семье в те, теперь уже такие далекие, годы, в годы войны, во время нашего невольничества.

Не могу без волнения даже сейчас говорить об этом... Память цепко удерживает подробности нашей невольнической жизни. А ведь место нашего бывшего невольничества совсем недалеко от этих мест, думала я. От города Гусева так совсем близко, не больше восьмидесяти километров. Но это уже другое государство – Польша. Так постепенно и непроизвольно стала формироваться у меня мысль о посещении мест нашей неволи в Польше.

В ВЕТЕРАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Повидавшись со всеми родными, я решила поближе познакомиться с самим городом Калининградом и жизнью ветеранской организации города. Знакомство началось с посещения городского Совета ветеранской организации, которую в мае 2002 года возглавлял Юрий Иванович Замятин. Он и сейчас руководит ветеранской организацией, и дай Бог ему здоровья.

Как только я переступила порог городского Совета, сразу же почувствовала внимание и необыкновенную доброжелательность к себе. До сей поры о той встрече сохранились самые добрые воспоминания. В честь гостьи из далекой Сибири был накрыт стол, и угощали не только чаем, но и еще кое-что к чаю было. Все это располагало к задушевной беседе.

Общаясь с членами Совета, я узнала, что их организация устраивает ежегодные коллективные поездки в Польшу, где происходят встречи с польскими пенсионерами. И обычно эти поездки бывают непродолжительными, всего один-два дня. Услышав о такой возможности, я загорелась желанием побывать на месте бывшей неволи и тут же выразила свою готовность поехать с ними. Члены Совета отнеслись к моей просьбе с пониманием и готовы были оказать мне необходимое содействие.

Так как граница с Польшей была совсем рядом, поездка могла состояться уже через каких-то два-три дня. Только для этого нужно было иметь заграничный паспорт. Паспорт у меня был с собою, но просроченный. Почему-то я была уверена, что если потребуется продлить срок или обменять паспорт, то это можно будет без особого труда сделать в любом городе России. Я так рассчитывала на это, но оказалась не права: паспорт оформляют только по месту

постоянного жительства. Другими словами, – по месту прописки.

Мне было досадно, что поездка в Польшу была так возможна и сорвалась из-за моей небрежности к документам. Калининградцы уехали, а мне ничего не оставалось, как отложить все задуманное до другого раза.

И все-таки, несмотря на неудачу, о поездке в Калининград воспоминания остались приятные. Я многое увидела и узнала. Узнала, что в Польшу можно довольно просто попасть, а значит, и побывать там, где прошли ужасные годы моей жизни.

Остаток дней я провела в красивом пригороде Калининграда – в Зеленограде и Светлогорске – и вернулась домой в Новосибирск.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Промелькнул год, я приготовилась к поездке более основательно, вновь лечу в уже знакомый город Калининград. Благо что есть на свете Аэрофлот, который везет меня бесплатно. Такая акция действует несколько лет: по случаю празднования Дня Победы ветераны войны могут встретиться друг с другом. Я воспользовалась этой возможностью и лечу в Калининград уже второй раз, имея при себе новый загранпаспорт и уверенная в том, что поездка в Польшу состоится с моим участием.

Но каково же было мое разочарование, когда я вдруг узнала, что поездка в Польшу уже состоялась. Я опоздала всего на один день! Горькое разочарование собою долго не давало мне покоя: надо было раньше узнать, на какое время-число планировалась поездка! Винила себя: у меня ведь на книге, которую мне подарили в ветеранской организации в знак доброй памяти о посеще-

нии мною этого города, был номер их телефона. Была очень недовольна собою и очень разочарована, но мне ничего не оставалось делать, как организовывать свой досуг.

Конечно, главным мероприятием в моем досуге была поездка в Польшу, главным, но не единственным. В моих планах были и другие дела. Теперь у меня было больше времени, чем в первый раз. Но даже и тогда я успела где-то побывать и что-то увидеть, а на этот раз я основательно подготовилась к тому, чтобы хорошо ознакомиться с этим милым городом – Калининградом.

Немало времени я провела на пляжах Балтийского моря, в курортных местах городов Светлогорск и Зеленоград. Очень красивые места со своим особым порядком и высокой культурой. Погуляла по территории санатория «Янтарный берег». Мне даже подарили проспект этого санатория. Все в этом санатории – и лечение, и обслуживание – было на высшем уровне. Как я завидовала отдыхающим в нем. Жаль, что мне это не «светит».

Гуляя и загорая на том пляже, я встретила среди отдыхающих моих земляков из Старой Руссы, тоже, как и я, бывших узников фашизма. Я им по-доброму позавидовала.

В администрации курорта я спросила, может ли наш город Новосибирск заказать путевки для «своих» малолетних узников. Ответ был отрицательным. Как жаль, что сибиряки лишены возможности лечиться в этом санатории.

Не стала нагонять на себя плохое настроение из-за путевок. Была рада и тому, что имела, – наслаждалась отдыхом на берегу моря.

У меня оставалось еще несколько дней. Поехала в город Гусев. От моей родственницы я там узнала случайно, что от них в Польшу регулярно по расписанию ходят автобусы

– возят туристов. Курсируют и наши, и польские автобусы, все возят только своих туристов.

Я попросила водителя такого автобуса рассказать мне хоть немного про Богуши и бывший концлагерь, если он об этом что-нибудь знает. Оказалось, что он хорошо знает и то место, и место бывшего концлагеря. От него я узнала, что от лагеря ничего не осталось. На его месте стоит памятник-обелиск. Рядом с проезжей дорогой.

Еще больше заныло мое сердце. Опять вспомнилось прошлое. Оно всегда рядом. Не забыла я ничего, все помню, и с такой жгучей болью в сердце! Мне так захотелось побывать в том страшном месте, где нашей семье пришлось изведать все ужасы концлагерной жизни.

Я решительно настроилась на это путешествие, тем более что это ведь совсем недалеко от города Гусева, где я гостила у своей кузины. И загранпаспорт при мне. А в тот год был еще упрощенный безвизовый въезд в Польшу. Надо было купить только ваучер, всего-то за тридцать рублей, и дорога открыта. Казалось бы, все хорошо, нет никаких проблем.

Так, да не совсем так. Тот же самый водитель сказал мне, что на таможне меня не пропустят, если у меня не будет с собой наличными сто долларов. И это не означало, что мне их нужно там потратить. Просто при мне должен быть такой капитал. А их-то у меня и не оказалось при себе. Вообще-то у меня такие деньги были, может, даже и больше, но в другом городе – в Гурьевске. Так я себя наказала тем, что не возила с собой свой дорожный капитал из-за страха потерять.

Времени на поездку в Гурьевск за деньгами у меня не было. Сроки с обратным вылетом домой поджимали. И как бы горько ни было, а пришлось смириться. Обстоятельства

подвели. Мы всегда зависимы от них, от этих обстоятельств.

Я потеряла покой от всех неувязок с поездкой на место своей бывшей неволи. Я не смирилась с неудачей, но успокоила себя: «Какие твои годы – подожди». С таким шутливым настроем я гуляла по городам Калининградской области и Калининграду. К своим родственникам я приезжала уже к вечеру, очень уставшая, но счастливая. Домой, в Сибирь, я вернулась хоть и с хорошим настроением, но немного огорченная неудавшейся попыткой побывать в Польше.

Две попытки было – быть и третьей!

Теперь, когда мне уже так много известно, отказаться от своих планов было не так просто. Одна мысль неотступно была со мною: «Ты должна, ты обязана отдать дань памяти тем несчастным, которым не суждено было выжить, оставшимся навечно лежать в чужой земле, в чужой стране и в безымянной могиле под общим крестом, под общим надгробным памятником!»

Разве могла я упустить возможность и не посетить те места, когда они почти рядом?! Проявить немного упорства, и все получится. Ведь сама судьба дала мне шанс побывать в этих местах и на месте бывшего концлагеря, в котором нам непонятно как удалось выжить. И на месте невольнической работы у бауэра Цыбульки в деревне Блюменталь.

Мысли обо всем этом меня так захватили, что никакие уговоры на меня не действовали. Моя семья, которая очень волновалась и боялась за меня, как бы чего не случилось, отговаривала меня от поездки. Ведь это все на чужой территории, в другом государстве. Но меня не могли убедить никакие доводы моих близких. Я знала одно: я должна отдать дань памяти погибшим любой ценой.

«УПОРСТВО И ТРУД ВСЕ ПЕРЕТРУТ»

Прошел еще год, и я снова в Калининграде. И опять поездки по знакомым местам, в который раз захожу к моим старым друзьям, в городской Совет ветеранов, и опять все с той же проблемой: посетить места моей бывшей неволи.

И опять меня поджидала неудача. Председатель Совета Юрий Иванович Замятин находился в больнице на излечении – была серьезная операция на глазу, слава Богу, прошла успешно. Хорошо понимаю, что дело мое без личного участия Юрия Ивановича не осуществимо. Как же быть? Опять откладывать на потом, опять планировать поездку на следующий год? В моем-то возрасте? Кому сказать – смеяться будут. Не иначе бабулька с ума сошла!

Я тем временем совсем приуныла. Женщины, что пришли в Совет по каким-то своим делам, заметили это и посоветовали мне обратиться за материальной помощью в церковь. Я так обрадовалась этому, хотя не очень надеялась, что церковь может оказать мне помощь, так как сама нуждается в материальной поддержке: ведь церковь еще только строится и ведутся работы по благоустройству подходов к храму. Я видела это своими глазами, когда проходила мимо.

Еще не зная, как у меня сложатся дела с благотворительностью в церкви, я решила на всякий случай зайти в «Управление международных связей». Вывеску этого управления я вдруг заметила, когда проходила по коридору из кабинета ветеранской организации. Не долго думая, я вежливо попросила разрешения войти в кабинет к начальнику. Представилась и коротко объяснила суть дела. Нина Викентьевна Вышнякова, начальник этого управления и милая дама, выслушала меня очень внима-

У дома мэра г. Олецко пана Рамотовского. Польша, 2006 г.

Польша, деревня-пансионат, где отдыхают состоятельные люди. Здесь все радует глаз. Всего несколько часов пребывания, а впечатлений на всю жизнь.
Рядом со мной – радушный хозяин деревни

Дорожный указатель извещает, что впереди – Богуши. Польша, 2006 г.

Поминальные свечи и цветы к памятнику жертвам концлагеря Богуши. Польша, 2006 г.

тельно. Она тут же при мне позвонила консулу Польши, рассказала ему обо мне и моих намерениях посетить места моей бывшей неволи.

Консул одобрил мое намерение и разрешил оформить мне бесплатную визу, и в срочном порядке. Итак, вместо 10–12 дней, которые положены по правилам, мне была сделана виза всего за десять часов!

Теперь мне предстоял визит к отцу-настоятелю православной церкви, которая находится на главной площади города Калининграда, рядом с городской администрацией. По правде говоря, не очень верилось в то, что моя просьба может быть удовлетворена. И все же я зашла в этот храм. Там меня любезно принял настоятель церкви, довольно молодой священник. Несмотря на сильную занятость, он уделил мне время и выслушал внимательно. Он даже не посмотрел мои документы и задал только один вопрос:

– Сколько надо?

Я получила ту сумму, которую назвала. Только не подумайте, что я повела себя нескромно. Я ведь знала, что все имеет разумные пределы. Я видела и понимала, что церковь сама нуждается в деньгах, ведь она существует на добровольные пожертвования и взносы. И все же был сделан очень милосердный жест в мою сторону для благородного деяния.

Когда я вышла, у меня появилась уверенность в том, что я смогу осуществить давно задуманное, но тревога и страх по поводу поездки в Польшу у меня все-таки были. Я уже немолода, силы мои совсем не те, а потому я не столь уверена в себе. Был страх, что я еду одна в другое государство, не зная языка, и никто меня там не ждет. Мои домашние были против того, чтобы я ехала одна. Они очень тревожились за меня. Но в конце концов все,

не без Божьей помощи, сложилось удачно: и поездка состоялась, и ехала я, к великой радости, не одна!

Мысль побывать в Польше так захватила меня, что ни о чем другом я и думать не могла. Тем более что ехала я не ради развлечения и потехи. Нет! Ехала я туда, чтобы отдать дань уважения светлой памяти и скорби тем несчастным великомученикам, которые навсегда остались лежать в чужой земле! Ехала, чтобы взять с места бывшего лагеря военнопленных политую их кровью землю и привезти с собой в Новосибирск для возложения ее к памятнику погибшим в Великой Отечественной войне.

Беспокойство не покидало меня. Виза для поездки у меня имелась, какими-то средствами я располагала, но оставалось сомнение, хватит ли мне этих средств. В дороге все предусмотреть невозможно, и всякое может случиться. Не зря гласит пословица: едешь на день, еды бери на неделю.

В дороге, пока я ехала в автобусе из Калининграда в город Гурьевск, где я проживала у своей родственницы, мне пришла мысль зайти в администрацию этого города. Правда, часы показывали, что рабочий день уже закончился. Но по опыту я знала, что начальство, как правило, задерживается. Я направилась в администрацию, надеясь, что вдруг мне и здесь повезет.

Интуиция не подвела меня. И действительно повезло! Начальство оказалось на месте, и это меня очень обрадовало. На месте оказалась и хозяйка приемной. Секретарь или референт, не знаю названия должности этого работника в этом учреждении, быстро заметила меня. Скорее всего потому, что я пришла не как все, не в урочное время. Как и положено в таких случаях, я сказала, что мне нужно. А нужно было мне попасть на прием к начальнику. Но в этот

день приема не было, и мне было предложено записаться на какой-нибудь другой день. Я отказалась, мне было удобнее дождаться приема сейчас.

Я ждала, сидя в приемной, пока начальник не вышел из кабинета своего заместителя. И каково же было мое удивление, когда он, быстро оглядев меня, пригласил зайти в кабинет, а ведь я не успела даже извиниться за свой поздний визит.

Он учтиво предложил мне занять место за столом и внимательно выслушал. Я, как это уже было не один раз в других кабинетах, в других учреждениях, рассказала все: откуда я и что мне надо. Не скрыла и того, что мне уже была оказана материальная помощь на эту поездку. После того, как я закончила свой рассказ, он, не говоря мне ни слова, вышел из-за стола, а сидел он за общим столом напротив меня, и стал звонить по телефону. Не успела я ни понять, ни сообразить, что к чему, и погрузилась в свои мысли. И вдруг меня как током ударило, я услышала слова:

– Я завтра с бабушкой приеду, повезешь ее туда, куда ей надо.

Он тут же подошел ко мне, сказав :

– Я завтра утром в восемь пятнадцать заеду за Вами, будьте готовы. До двух часов дня побудем на полигоне, а потом поедем в Польшу.

Что почувствовала я тогда – трудно передать словами. От радости во мне все клокотало внутри. Чтоб понять меня, надо просто оказаться на моем месте. Я вышла из кабинета, не помня себя от радости и не чувствуя своего, уже достаточно преклонного, возраста. Мне казалось, я не шла, я просто летела!

Вернулась я домой к своим родственникам, когда уже вечерело и солнышко было на закате. Моя кузина даже

пошутила надо мной, мол, совсем загулялась. Мне пришлось рассказать, где я так подзадержалась и что завтра рано утром еду в Польшу.

НА ПОЛИГОНЕ

Долго собиралась я в эту поездку, все что-то мешало. Зримых серьезных причин вроде бы не было. Да и дорога не ахти какая длинная – всего-то около 250–300 километров. А ведь мною проделан уже куда больший путь из Новосибирска в Калининград – 5000 километров. Новый путь – короткий, и препятствий особых нет. Препятствиями были какие-то маленькие трудности, такие, как страх оказаться одной в чужой стране, да еще без знания языка того государства, куда собралась ехать. Может, будь я помоложе, смелости и уверенности было бы больше. Но молодость давно уже в прошлом, а сегодня остались лишь одни желания, и ничего больше. В результате моих раздумий я пришла к мысли, что все упирается в тот самый никому не подвластный возраст! Какая досада!

Мысли кружились и кружились в моей голове, не давая покоя. Я снова и снова все выверяла в уме, стараясь понять, зачем мне так нужна эта поездка. Зная себя, я представила, сколько мне придется снова перестрадать и перечувствовать… Снова увидела себя в те далекие, военные годы, двенадцатилетним подростком, в том лагере, где голод и холод сковывали тощее тельце, обтянутое кожей. Я будто снова ощущала, как выпяченные кости моего живого трупа торчали из-под ветхих одежек... Такими были все мы, кому пришлось там находиться несколько месяцев. Все новые и новые партии пленных прибывали туда. Думаю, что в лагере военнопленных было гораздо больше, чем гражданского населения.

В этом лагере люди надолго не задерживались: одних вывозили на работы в Германию, других – в братскую могилу... И я еду туда снова, почти шестьдесят пять лет спустя!..

Ну, а пока настроение у меня хорошее, и я не думаю о том, что там впереди. А настроение хорошее оттого, что встретила добрых, сердечных, понимающих людей. Одним из них был Глава Гурьевского округа Калининградской области Юхтенко Юрий Вячеславович. Очень милый человек! Какие бы эпитеты я ни использовала сейчас, они все равно не выразят мою благодарность этому человеку! Она – безмерна.

Эта поездка в Польшу была очень насыщена разными случайными, но очень приятными для меня эпизодами. Совершенно потрясло меня мое присутствие на том полигоне, где я была совершенно посторонним человеком. На плановых учениях, которые проводятся один раз в два года, были только первые лица муниципалитетов. Среди них был Глава Калининградской области Губернатор Георгий Боос.

Признаться, меня сильно тронуло, что мне было позволено присутствовать на этом мероприятии-учении. Я – человек со своим мировоззрением, воспитанный в духе советского времени, очень удивилась и одновременно обрадовалась, что мое присутствие, как постороннего человека на данном мероприятии, никого не смущало. В этом я увидела приятную новизну времени! И очень порадовалась этому.

Мало того, что мне позволено было присутствовать на этих учениях, так журналисты еще очень хотели, чтоб я, как и все другие, по мишени из автомата попалила.

Жаль, отказалась я сделать это. Но на это у меня была веская причина. В день прилета в город Калининград я перед выходом из автобуса, который вез нас из аэропорта в город, получила серьезную травму. Пришлось терпеть боль, пока не приехала домой, тогда уж занялась лечением. Не меньше двух месяцев прошло, прежде чем наступило облегчение. Потому я и не решилась пострелять, хотя был большой соблазн. Боялась травмировать и другую руку. Но если бы не побоялась тогда, на одну фотографию было бы больше в моем альбоме.

Но и те фотографии, что были сделаны на полигоне, будут радовать меня всегда. Мало кто мог бы похвастаться таким набором фото! На этих фотографиях – Губернатор Калининградской области Георгий Боос, и тут же генерал рядышком. Жаль, его фамилию не узнала тогда. И очень милая, дорогая мне фотография Юрия Юхтенко. Очень большая фотография – общая. На этих фотографиях все люди в военной форме, кроме одного, непричастного к учению человека. И не без удовольствия могу сказать: этим человеком была я. И на всех других фотографиях, что были сделаны тогда, присутствует и моя персона.

Признаться, многих губернаторов я не знаю, наверное, потому, что о них редко говорят по телевизору. Но Губернатора Калининградской области Георгия Бооса я знала задолго до того, как он стал губернатором. Его часто показывали в новостях, и мне, как обычному пенсионеру, приятно было слушать его выступления и интервью с журналистами. Но особое расположение к нему вызвало участие его в передаче «Поле чудес».

Эта игра была необычна тем, что вместо участников игры к барабану были приглашены депутаты Госдумы, которые должны были играть за кого-то из тех, кто был при-

глашен на игру. Среди этой команды из депутатов был Георгий Боос. Он легко справился с первым заданием и вышел в финальную часть игры. Он уверенно выиграл и финал. И за победу он получил много ценных призов. Казалось, на этом можно было бы успокоиться и закончить игру, передав все призы женщине из Рязанской области, за которую он играл. Но Георгий Боос решает продолжить игру и идет на суперигру. Без сомнения, это риск остаться без выигрыша. Чтоб идти на суперигру, надо быть уверенным в себе. И, на удивление всем, он выигрывает еще и суперигру. И получает главный выигрыш – автомобиль.

Зал радостно приветствовал эту победу. Я представляю радость этой простой женщины, которая повезла домой призы, выигранные для нее Георгием Боосом. Думаю, она его будет помнить всю свою жизнь. Эта игра и этот успешный и умный игрок запомнились и мне, и я по-доброму позавидовала той женщине, за которую он играл.

Когда я оказалась на том полигоне, то сразу узнала его, хотя он был в военной форме. И увидев, что фотокорреспонденты, готовясь к съемке, оказались рядом с нами, я не могла сдержаться, чтобы не сфотографироваться рядом с ним. Я, бабушка, так взбодрилась, что вышла на фото такой крепенькой, жизнерадостной, под стать молодцеватым военным.

Во время небольшого перерыва у меня состоялась короткая беседа с Георгием Боосом. Мне приятно было вспомнить к месту и своего Губернатора – Виктора Толоконского. И Георгий Валентинович передал через меня привет нашему губернатору.

После учений состоялся обед в полевых условиях, стол в палатке накрыли молодые солдаты. Все это время я на-

ходилась в поле зрения присутствующих на этом обеде и была в приподнятом настроении. После обеда, поблагодарив всех за трогательное и по-человечески доброе отношение к себе, от чего я испытала истинную радость, мы покинули полигон. А дальше наша дорога лежала в Польшу.

В СОГЛАСИИ И ДРУЖБЕ

В ПОЛЬШЕ, В ОЛЕЦКО

Не долго мы ехали от тех полигонов до границы. Нашу машину пограничники сильно не тормошили, и мы свободно проехали таможенный контроль, минуя огромный поток машин. Думаю, того, с кем мы ехали в этой машине, работники таможни знали. Так же было и на польской таможне. Для нашей машины был открыт зеленый свет.

На польской границе нас уже ждали. После таможенного поста мы ехали не долго. Вскоре показался город Олецко. Когда подъехали к дому, хозяин, пан Станислав Рамотовски, Глава муниципального образования, нас уже ждал. Любезно обменялись приветствиями.

В доме уже был накрыт стол. После непродолжительной беседы двух руководителей приграничных районов России и Польши и короткого отдыха после дороги теперь уже мои большие друзья продолжили свой путь в Белоруссию, как и было запланировано изначально. Я, одна из четырех приезжих из России, осталась в этом доме, где приняли меня как самого дорогого гостя.

Дочь пана Станислава Ивона, которая готовила угощение для всей нашей немаленькой компании, от моей помощи отказалась, сочтя – гость есть гость.

В этом доме все знали русский язык, и можно было легко вести простую беседу. Правда, иногда Ивона брала польско-русский словарь, чтоб найти в нем нужное слово.

Жена пана Станислава пани Эльжбета преподает русский язык в высшем учебном заведении. Во время моего пребывания в Польше она была председателем экзаменационной комиссии и очень огорчалась, что не может уделить мне должного внимания. Она сказала, что занята на этих экзаменах будет четыре дня и заработает столько, сколько получает за месяц обычной преподавательской работы.

И надо же было такому случиться, что это время, эти четыре дня, выпали как раз на время моей поездки! Жаль, что мне не пришлось дольше пообщаться с этой милой, обаятельной женщиной. Пани Эльжбета очень рано уезжала, а приезжала очень поздно и уставшая. Несмотря на такой плотный режим дня, мы все-таки беседовали и выражали друг другу сожаление о таком неудачном совпадении – моего приезда и выпускных экзаменов.

Век не забыть мне этих милых и добрых людей! Много раз до этого я слышала от разных людей: поляки русских не любят. Сейчас я готова спорить с кем угодно! Это не так! Не знаю, как политики или главы этих государств ведут политический диалог между собой и в чем они расходятся, я далека от этого, но простые люди легко находят общий язык.

И было бы лучше для обоих государств, если бы и политики находили взаимовыгодные решения в каких-то важных вопросах. Я об этом говорю так заинтересованно потому, что тогда в том доме была затронута и эта тема. Я заметила, что проблема контакта между Польшей и Россией особенно волнует молодых людей.

Я пыталась уйти от дискуссии, так как считаю себя слабым собеседником в области политики. В то же время я немало повидала на своем веку, мне приходилось встречаться со многими людьми разных национальностей, не исключая и поляков. С поляками мне пришлось общаться на протяжении всего периода невольнической жизни во время войны в Германии, в течение трех с половиной лет.

Поляки, как и мы, русские, несли тяжкое бремя невольнического труда. Моя мама часто после войны вспоминала поляков. Они лучше нас знали Германию, немецкий народ и потому всегда готовы были помочь в чем-то нам, русским. Маме они говорили, что русские победят. А это сочувствие было тогда самое главное для нас, русских.

Сегодня меня вопросы политики не очень волнуют. А что касается отношений между людьми и, я бы сказала, деловыми людьми, они должны быть хорошими. Мне повезло: была свидетелем отличных контактов двух районных руководителей России и Польши. И это очень хороший показатель того, как можно жить в согласии и дружбе.

ЕДЕМ В БОГУШИ...

Утро 3 июня. Суббота. Садимся с паном Станиславом в машину и едем в Богуши. Едем медленно, ведем тихий разговор. Когда машина остановилась у небольшого памятника, я поняла, что нахожусь на том месте, где был концлагерь.

Место концлагеря было для меня неузнаваемым. По обе стороны от дороги зеленели поля. Цвели весенние полевые цветы, звонко пели жаворонки.

Я оглядывалась кругом и ничего не узнавала. Не осталось никаких следов от тех мрачных бараков, где пришлось влачить долгие дни в неволе. Не видно братских мо-

гил, которых было так много. Не было и высокой ограды из колючей проволоки. Предо мною было только одно ровное поле, большое и чистое поле...

Подошла поближе к памятнику. Надпись на польском языке гласила, что это место казни людей разных национальностей. Комок подкатил к горлу. Слезы навернулись и затуманили глаза. Пыталась сдержать себя и не смогла, отвернулась, чтоб не видел моих слез пан Станислав.

Все пережитое здесь вмиг ожило и пронеслось в памяти. Тут была смерть на каждом шагу. Мы медленно умирали от голода и холода. Голод сводил с ума. На одной миске баланды из мерзлой брюквы и маленьком кусочке хлеба с опилками за весь день – долго не протянешь.

Вспомнилось, как, рискуя жизнью, мы с мамой выбирались из лагеря и шли за крохами еды в польские деревни. Как гнались за нами поляки-полицаи, стараясь нас поймать, а мы убегали от них, утопая в сугробах. Как при возвращении схватила нас охрана, и собака вцепилась и рвала мою ногу. Как досталось за побег моей маме, которую без жалости били плеткой, били долго, били яростно. Никак не уходят из памяти голоса маленьких детей, которых было немало и которые едва переступали слабыми ножками и постоянно плакали: «Хьеба хочу, хьеба».

Одни эпизоды сменяют другие. И лишь один из них остался в памяти как добрый, когда немецкий охранник вместо ожидаемых мною ударов плетки дал мне в руки большой каравай хлеба и горох. Все это было отнято у кого-то. Хлеб с горохом спасли нас от смерти, но кто-то без него не выжил и не вышел из лагеря. Это меня печалило и беспокоило всю жизнь. Но, как бы ни терзала эта мысль, успокаивает то, что в этом нет моей вины…

Стою у памятника. Тихо и пустынно вокруг. В голове промелькнула мысль: если бы не было этого знака, кто бы тогда узнал, глядя на ровное зеленое поле, что на этом месте был когда-то страшный лагерь смерти, где умирали невинные люди?

У памятника-обелиска мы поставили зажженные поминальные свечи в специальных сосудах. Каждый про себя в скорбном молчании прочитал молитву, отдавая дань памяти жертвам, умершим в невообразимых муках. Пан Станислав, зная о том, что я должна привезти в Россию, в свой город, земельку с мест захоронений бывшего концлагеря, приготовил мешочек, заметив при этом, что полиэтиленовый пакет не годится.

До сих пор меня терзает мысль, что я не подумала тогда, что в разных местах, и уж тем более в разных государствах, существуют свои правила-традиции, за что себя виню. Когда мы поставили зажженные свечи у памятника, я вдруг вспомнила о цветах и горестно поведала об этом пану Станиславу, обвиняя себя в забывчивости. Пану Станиславу пришлось ехать не менее восьмидесяти километров, чтоб купить цветы – ближе не было.

Думаю, пан Станислав не забыл бы и про цветы, если бы у поляков тоже была такая традиция. Но у них так не делают. Уже потом, дома, вспоминая это обстоятельство, я пришла к выводу, что у них не принято возлагать цветы-венки потому, что их некому убирать, когда они потеряют вид. А это неизбежно, и тем самым у этого памятника будет некрасивый вид.

Тогда же пан Станислав, наверное, не хотел обижать меня и промолчал. А лучше бы он сказал, тогда бы я не страдала сейчас от моего опрометчивого поступка. Но, как бы то ни было, венок по моему желанию у обелиска мы возложили.

Когда сели в машину, чтоб направиться в Блюменталь, пан Станислав сказал, что в этом концлагере были казнены его родители – отец и мать. Их расстреляли 19 января 1945 года. Пану Станиславу было тогда всего девять месяцев отроду.

ДОРОГА В БЛЮМЕНТАЛЬ

Потом мы направились с паном Станиславом к другому месту моей неволи, в деревню Блюменталь. Пока мы ехали, я рассказывала ему о тех временах и событиях, которые сохранила моя память. Он слушал и удивлялся тому, как много я помню из того прошлого.

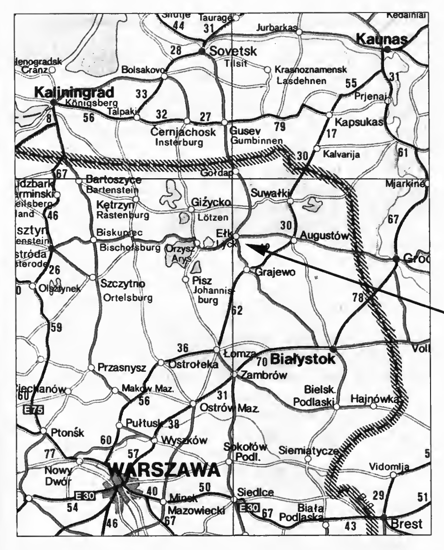
По пути в Блюменталь мы заехали в город Элк. Это тот самый город, в который привезли нашу семью из концлагеря. Правда, тогда он назывался по-другому – Лик. Это было его немецкое название, под которым он значился на немецких картах.

Здесь, на бирже труда, нас взяла фрау Цыбулька и повезла в свое хозяйство. Ехали мы с нею уже не в телячьем, а в маленьком пассажирском вагоне.

Забыла я, как выглядел вокзал города, но хорошо помню, какие маленькие были вагончики. Совсем не такие, как в то время у нас в России. Теперь такой паровозик и маленький вагончик стоят у вокзала города как экспонаты.

Пан Станислав сказал мне, что та узкоколейная железная дорога тоже сохранилась и работает сейчас как экскурсионная. Со мной был фотоаппарат, и я сделала несколько снимков на память

Из Элка мы направились в ту деревню, где было хозяйство фрау Цыбульки. Несколько деревень остались позади, вдали показалась еще одна. Я еще не знала, что мы вот-вот

Карта из атласа автомобильных дорог – Der grobe Aral Auto-Atlas, Германия. Здесь город Лик обозначен как Элк

должны были подъехать к деревне Блюменталь. Когда подъехали ближе к деревне, я закричала:

– Пан Станислав, да ведь это же та деревня! А вон тот дом, в котором жила наша семья!

Как от волнения у меня забилось сердце! Я узнала его сразу, этот дом. Он стоял на окраине деревни, даже на каком-то расстоянии от нее. В этом домике жили военнопленные французы.

Наша семья жила в этом домике под крышей, в очень маленькой комнатушке, в которой не было никаких удобств, и зимой она не отапливалась. Как не околели от холода? Трудно представить сейчас, что пережить такое было возможно.

Я обошла этот домик кругом. Поднялась с позволения хозяина по лестнице, чтобы взглянуть на ту комнатушку, в которой когда-то жила наша семья. Вот здесь, под лестницей, в кладовке, под крыльцом, по которому мы поднимались наверх, в свою комнатушку, хранили свои посылки из «Красного Креста» французы.

Помню, как незамысловато закрывалась эта кладовка, можно было даже гвоздем открыть ее. Конечно же, я умудрялась залезть в кладовку и похитить оттуда что-нибудь съестное из посылок.

Живо вспомнила, как тогда чуть не сгорела моя сестра Таня, когда мы учинили пожар, наливая в лампу бензин, а он вспыхнул, разлившись по всей комнате. Мы тогда не знали, что бензин так легко воспламеняется. Свечой светили, когда бензин наливали в лампу.

Не быть бы моей сестре Татьяне живой, если бы не немка, дочка нашей хозяйки. Она потушила пожар, накинув одеяло, когда я скатилась кубарем по крутой деревянной лестнице вниз и сообщила ей о пожаре. Звали эту немку Густа. А правильно ее имя – Августа. То, что имя Густа

Это здание – бывшая биржа труда города Лик (ныне Элк). Отсюда нас забрала фрау Цыбулька

. Площадь Победы в г. Калининграде, 2006 г.

Академгородок. Встреча в Центре пожилых людей с Губернатором В.А. Толоконским, 2006 г.

Празднование Дня Победы. На переднем плане – сестра Татьяна, тоже бывшая малолетняя узница. Новосибирск, 2005 г.

есть Августа, я узнала более пятидесяти лет спустя, совсем недавно.

Густа была молодой женщиной, лет тридцати, и жила в этом доме с двумя детьми, потом появился третий ребенок. Занимала такую же площадь, как военнопленные французы. По теперешним меркам это была совсем небольшая квартира из двух комнат – спальня и кухня. Нашей бы семье такое жилье! Муж Густы в первый год войны погиб на фронте в России.

После того как я побывала в домике, в котором жила наша семья, мы с паном Станиславом направились в усадьбу нашей бывшей хозяйки фрау Цыбульки в этой же деревне. Не блуждая по деревне в поисках той усадьбы, я сразу же показала, как надо ехать. Пан Станислав опять очень удивился, что я так хорошо все помню по прошествии стольких лет.

Двор усадьбы я узнала, хотя он сильно изменился. Уже не было того булыжника, которым он был покрыт. Тогда такой звон раздавался от шлепанья нашей обуви, деревянных колодок, об этот булыжник, что, казалось, он был слышен аж в конце деревни. А носили такую обувь не только мы, русские, но и военнопленные французы.

Теперь весь двор был покрыт буйно растущей травой. Усадьбу занимают два хозяина, и она очень изменилась. Нет того палисадника-огорода, в котором росло много цветов и овощей. Именно здесь я впервые узнала такие овощи, как салат и спаржа. Были в этом огороде цветы пионы, которые я тоже видела впервые. Очень красивые и очень роскошные там росли хризантемы. За цветами ухаживала танте Ивчен, старенькая, но очень опрятненькая женщина. Она очень хорошо к нам относилась, жа-

лела нас. Она понимала и знала, кем мы были. А были мы рабами рейха, о чем всем напоминал знак OST, который мы обязаны были носить на своей одежде всегда. В противном случае нам вменялось неподчинение и нарушение режима.

Вспомнила я и ту единственную яблоню, которая росла в этой усадьбе, и стала искать ее. Первым ее увидел пан Станислав и рукой показал в ее сторону:

– Вон она, старая яблоня!

Запомнилась мне эта яблоня на всю жизнь. Помню до сих пор, как меня тогда мамка отлупила за то, что я нашкодила, оборвала эту яблоню. Она еле успела отцвести. Потянуло меня тогда на «подвиг», как это бывало в своей деревне, когда вместе с ребятней шастала по чужим огородам и обрывала зеленки, которые и есть-то еще было нельзя.

Не подумала я тогда и о том, что хозяйка фрау Цыбулька может так рано просыпаться. А она увидела и пожаловалась мамке на меня за это безобразие. Ох, и досталось же мне тогда!

– Хочешь, чтоб нас всех из-за тебя расстреляли? – лупила мать, приговаривая.

Но ведь и сама хозяйка могла с нами делать все, что ей заблагорассудится. Кто мы были? Рабы!

Многое вспомнилось мне, когда я ходила по двору, до боли знакомому. Вспомнила всех, и даже тех, от кого зависела наша жизнь и на кого нам приходилось работать. А труд для меня, тогдашнего подростка, был далеко не из легких.

Многих из тех, от кого зависела тогда наша жизнь и наше благополучие, уже давно нет в живых. О фрау Цыбульке, нашей бывшей хозяйке, мне известно, что она погибла в январе сорок пятого года во время налета

советской авиации. Погибла в другом городе, в трехстах километрах от своей усадьбы. На такое расстояние они успели убежать, когда наступали наши войска. Погибли и два ее сына, воевавшие в России на Восточном фронте.

Мы в это время находились на границе с Данией, близ города Фленсбурга. Это достаточно далеко от Восточной Пруссии, поэтому мы не знали, что стало с деревней Блюменталь, и с нашими хозяевами, и с теми людьми, которых мы знали, а кого-то даже и жалели.

Наша семья, испытавшая на себе все ужасы войны, познавшая голод, холод и жестокую неволю концлагеря и неволю рабского труда, хорошо понимала, что пришлось тем людям испытать, и испытать немало. Мы никому не желали такой участи, хоть сами и были обижены нацистским режимом. Мы не винили тех людей, у кого, униженные, батрачили, так как их вины в этом не было. Это была вина режима, господствовавшего в Германии в то время.

В той войне пострадали и те народы, которыми была начата война. Мы, простые люди, жалели людей любой национальности, попавших в беду. Эти люди страдали из-за неразумного политика, который вогнал свой народ в пучину бедствия.

Наша семья, слава Богу, вернулась домой, на Родину. Мы счастливы, что снова дома. Моя мама, царство ей небесное, прожила долгую жизнь и часто вспоминала жизнь нашей семьи в неволе. Причем все ее воспоминания были сосредоточены в основном на семье фрау Цыбульки, у которой мы работали в Восточной Пруссии.

Другие места нашей неволи в той же Германии мы как бы забыли. Но то, что было в Восточной Пруссии, мы по-

Моя мама – Анна Васильевна Дмитриева в 85-летнем возрасте. Новосибирск, 1986 г.

мнили, все и всех, потому и хотелось разыскать их и узнать, что же с ними стало.

Многое о том, что там происходило, мне стало известно после того, как я получила из Германии архивный документ. Прислала мне его милая женщина Рут Орцессек, проживающая в настоящее время в городе Бремен.

От фрау Маргарет Вернер я получила копию архивного документа о деревне Блюменталь и топографическую карту того района, где находится деревня. Что интересно: на этих бумагах был план деревни Блюменталь, и даже тот маленький домик, в котором находилась наша ночлежка. Только сейчас, более чем полвека спустя, я узнала, как назывался город, в который привезли нашу семью из концлагеря на биржу труда и откуда нас отправили на работы.

Называлась эта карта «Крайс Лик». Самое интересное, что выпущена она была в 1937 году, в эпоху гитлеровского режима. Если бы она вдруг оказалась тогда у нас и кто-нибудь об этом узнал, не сносить бы нам головы, в лучшем случае – опять концлагерь. В такой ситуации находились невольники, они не знали даже названия того места, где жили. Таков был порядок для таких, как мы.

При возвращении на Родину и получении документов, подтверждающих угон нашей семьи в Германию, нам надо было назвать населенные пункты, в которых мы проживали. А моя мама, кроме деревни Блюменталь, ничего не знала.

Когда мы увидели эту карту и прочитали название ее, тогда-то и догадались о названии города. Моя тетушка Настя, сестра моей мамы (ее семья тоже была угнана в Германию и тоже прошла через тот самый лагерь в Богуши, что и наша семья, а потом находилась в том же самом районе, что и мы), была чуть пошустрее, чем моя мама, и

Мы фамилия Орцессек,
мы жили в Кроицбону.
Мы слышали от фрау
Верне, что вы жили в
Блюментале. Мы хотим
вас с этой картой обрадо-
вать. С большим приветом

Ruth Orzessek

Kreis Lyck

1:100000 - zweifarbig

Institut für Angewandte Geodäsie

Обратная сторона карты района Лик,
которую прислала фрау Рут Орцессек из города Бремена.
Напечатана карта в 1937 г.

немного умела читать. Тетя Настя запомнила этот город как Краслик. Рассматривая эту карту, мы догадались, что тетушка соединила два слова в одно.

Вспомнилось мне и то, чего никак забыть нельзя, потому как отметины на теле остались на всю жизнь. И одна из них была получена в этом хозяйстве. Было это зимой сорок третьего года. Немцы, дети примерно моего возраста, кто-то, может, чуть помоложе, а кто-то чуть постарше, играли во дворе в снежки. Снег только выпал и доставлял много радости детям.

Я смотрела на этих счастливых детей и очень завидовала их судьбе, что они могут так беззаботно жить и радоваться. Я с нескрываемой завистью смотрела на играющих детей, сама же в это время вилами носила сено в коровник – была вечерняя кормежка скота. Неожиданно к моим душевным страданиям прибавились еще и физические, чего я никак не ожидала: меня схватила за ногу собака. Не знаю, может, и отгрызла бы ее, не окажись поблизости военнопленного француза, который, как и наша семья, работал у хозяйки. Мужчин-немцев было очень мало в хозяйских подворьях, все были на фронте тогда. Звали этого француза Желобай.

На всю жизнь запомнила я кличку этой собаки – Рекс. Трудно было понять, почему она меня схватила. Ведь в мою обязанность входило кормить этого пса. Только потом я догадалась, что произошло. Дети играли в снежки и, видимо, в собаку летели комья снега и тревожили ее. Пес был разозлен, а тут я с вилами выходила со скотного двора и проходила рядом с его конурой. Сам же пес был на привязи, ну, и набросился на меня со злости.

Когда я разглядывала дом нашей хозяйки, вспомнила и о том, как однажды залезла на чердак в надежде найти хоть что-нибудь, что можно было надеть на себя хотя бы «до-

ма». Так надоела эта казенная роба грязно-зеленого цвета с нашивкой OST. К сожалению, тогда я для себя ничего там не нашла. Но заметила огромный, добротный гроб. Его, наверное, приготовила для себя прислуга, которая многие годы прожила у этой хозяйки. Звали эту прислугу, как сейчас помню, Лота. Ох, и злая же была эта Лота! Как она нас только не бранила! На всю жизнь запомнились ее бранные слова.

– Дьябу русины не хце ниц робить! – орала она на весь двор. И это было каждый день. Эти бранные слова произносились по-польски. Многие немцы там знали польский язык и часто переговаривались на нем.

Пройдя еще несколько шагов вперед, я увидела такое, от чего вмиг замерла и стояла как околдованная. Там была коптильня и висели свиные окорока, гусиные и утиные тушки и всякие колбасы. Страх нашел на меня: вдруг застанут меня здесь. Как пуля, выскочила с чердака. Про все это я не сказала даже своей мамке. Тогда бы она мне хорошенько врезала за это.

Однажды нашла куриное гнездо, а этих гнезд там было немало, куры неслись в самых неожиданных местах. Не знала я, что можно было яйцо выпить сырым, а знала, что его надо варить. Очень мне захотелось тогда яичко съесть, но его же надо было где-то сварить. И вот я придумала. Взяла кипяток на кухне, где моя старшая сестра Таисия готовила корм для свиней и поросят. С кипятком пошла я в кузницу. А кузница находилась тут же, рядом, в пристройке дома. И опять мне не повезло, меня за этим неблаговидным занятием застала хозяйка. Она опять пожаловалась на меня моей мамке и сказала, чтоб она меня наказала за это. Ну, и досталось мне опять, меня выпороли. Благо что сама хозяйка меня не отлупила, и за все это ей огромное спасибо. Потому и вспоминаю ее всю жизнь с какой-то особенной благодарностью за ее человеческое отношение к нам, ее рабам. Не могу говорить о ней плохо. Не имею морального права. То, что мы были рабами, это не ее вина, а вина нацистского режима, в котором жила вся Германия в то время.

Находясь во дворе и оглядывая его, я не могла не вспомнить и свою работу пастухом. Больше двух лет из всего того времени, что довелось работать у фрау Цыбульки в деревне Блюменталь, я была пастухом. Со стороны может кому-то показаться, что быть пастухом – это совсем просто и не очень трудно. Но я знаю: это не так. Ведь в любую погоду, в жару или холод, идет ли дождь или мокрый снег, скотину выгоняют в поле. Работа эта считается тяжелой даже для взрослого человека. А ведь я была подростком, и каждый день, хочешь или не хочешь, надо было идти вместе со стадом в поле.

Было несколько пастбищ, но самое главное и большое находилось далеко от деревни, и называли его почему-то «Америка». До этого пастбища надо было топать вместе со стадом не меньше пяти километров. И это изо дня в день, и так два года.

Но мне очень хочется рассказать и о том смешном, что было тогда, когда мы с моей младшей сестрой пасли стадо. Порой гонишь стадо и засыпаешь на ходу. А в это самое время баран по кличке Куба как будто знал, что мы дремлем. Разбежится да как даст с разгону по заднему месту, и летишь на землю, помяв траву. А на носу и на лбу «хорошие» ссадины – почешешь, поревешь, если сильно больно, но зато уж больше не заснешь. Потом только и глядишь, чтоб опять не подобрался сзади. Прямо как приказ хозяина выполнял – не спите, а то хуже будет!

Случилась с нами еще одна история, которая запомнилась на всю жизнь. Это тоже все о том же пастбище с названием «Америка». Было это как-то ранней весной. При-

гнали мы свое стадо на то дальнее пастбище. И надо же было случиться такому, что мы, оба пастуха, я и моя сестра, уснули. Бывало, один кто-то спит, а другой пасет скот, а тут заснули обе, и я, и она. Когда очнулись, увидели, что все наше стадо лакомится озимыми. Что с нами было, знает один Господь Бог! Ноги подкашивались от одной мысли – нас за это повесят или расстреляют.

А поле это было не нашей хозяйки, а ее родственников. Трудно передать, что было с нами, когда мы увидели, что едет хозяин этого потравленного нашим скотом поля озимых. Мы чуть в обморок не упали от страха, когда увидели, что он должен ехать мимо нас. Я говорю Таньке: «Давай быстрее, пока он еще далеко, скроем потраву». И стали разреживать, где были густые всходы озимых, и сажать их в ямки от следов коровьих.

Пока он поднимался на своей бричке-тарантасе в гору, а гора была довольно крутой и к тому же высокой, мы за это время успели что-то сделать и прикрыть потраву. А дальше – я же была постарше и немного пошустрее сестры – говорю ей:

– Тань, ты маленькая. Тебя лупить не будут – будь со скотом.

А сама тем временем побежала прятаться в маленькое болотце, которое было поблизости, легла в тростник и лежала, пока он не проехал, а ей приказала отвлечь его своими разговорами. Мол, иди рядом с ним и расспрашивай о самочувствии, спроси его, который час и будет ли хороший урожай. Говори с ним, пока он не проедет участок потравленного скотом поля. И ведь сработал наш замысел по отвлечению внимания хозяина поля. Он проехал и ничего не заметил. Так избежали мы наказания за свою провинность.

Переживали мы на этом поле и приятные минуты. В нашем стаде была смирная, добрая корова по кличке Наташа. В поле, когда оставались одни, мы частенько доили эту Наташу. Доили в бутылку и в ней же сбивали масло. Русским масло по карточкам не давали, и мы сильно рисковали быть пойманными за этим занятием. И не дай Бог, если бы узнали хозяева, наказания было бы трудно избежать. Но, к нашему счастью, никто не узнал о нашей хитрости.

Я запомнила это поле еще и потому, что мы здесь с моей сестрой Таней молились и просили Господа Бога, чтобы он сохранил папку, дедушку, и бабушку, и всех наших. Не могу утверждать, что это было каждый день, но часто. Столько земных поклонов отвешивали, что, наверное, все кочки этого поля были тронуты нашими лбами. Вот с каким усердием молились!

И, к слову сказать, наша молитва была услышана Всевышним! В ту суровую войну в нашем большом роду из моих близких родственников пропал без вести только мой дядя, брат моего отца, который ушел добровольцем на фронт. Мамины четыре брата все воевали и все вернулись живыми. Пусть даже с разными увечьями, но живыми.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ...

Теперь нам с паном Станиславом предстояла дорога обратно, домой. Пан Станислав решил сократить расстояние, и мы поехали по другой дороге. Признаюсь, я даже немного струхнула, когда мы в лесу ехали по очень глубокой вспашке. Это была простая лесная дорога для лесничих, подготовленная к ремонту. Я испугалась, что мы можем забуксовать, и никто нам не поможет, так как никакой транспорт по этой дороге не ходит. Но машина не подвела, и мы выехали на хорошую дорогу.

Слава Богу, все страсти позади. Вскоре мы вернулись в

город Олецко. Пообедали в столовой. Я заметила, что хлеба на столе не было. Он мне не очень был нужен, хотя не в русской традиции обедать без хлеба.

После обеда пан Станислав отправился на городское мероприятие, посвященное юбилею пожарной команды города. Ну, а меня Ивона, дочь пана Станислава, и его зять Ярослав решили поразвлечь. Им хотелось отвлечь меня от тех переживаний, которые мне вновь пришлось испытать. Повезли меня, как они выразились, в деревню.

Признаться, когда мне была предложена поездка в деревню, я без особого желания, скорее из вежливости, согласилась ехать: я еще не успела отдохнуть от эмоционального напряжения прошлой поездки по местам моей бывшей неволи, и мне не очень хотелось куда-то ехать. Я даже подумала: «А зачем мне нужна еще какая-то деревня? Сколько деревень я уже проехала!» Но когда мы приехали в эту деревню, я не пожалела, что меня сюда привезли.

Деревня была расположена в очень красивом месте, на берегу лесного озера. Здесь все было обустроено для отдыха и взрослых, и детей. Отдых в этой деревне, как мне сказали, стоит немалых денег.

Пан Ярослав сделал много снимков цифровым фотоаппаратом в том красивом благоустроенном месте. Я привезла диск домой. Хорошая память о трудной и одновременно приятной поездке в Польшу! Радостно было чувствовать участие, с которым отнеслись ко мне мои новые польские друзья. Им всем очень хотелось сделать для меня что-то хорошее, сердечное. Не зря говорят: красота спасет мир. А еще говорят: не хлебом единым жив человек.

Мне тогда довелось пообщаться и с хозяином того необыкновенно красивого места отдыха, очень милым, обаятельным человеком, и с отдыхающими. Приятно было чувствовать их трогательное, любезное отношение ко мне. Им рассказали, по какому случаю я оказалась здесь, в Польше. Я думаю, именно это вызвало у них трепетное сопереживание.

Мое путешествие подходило к концу. Завтра мы должны были возвращаться. Прошло всего три дня, но зато каких три дня!

При расставании я волновалась, и мне трудно было подобрать слова благодарности членам семьи пана Станислава за радушный прием. Сколько бы я ни прожила на свете, они всегда будут в моем сердце. Всегда буду вспоминать с нежностью эту милую семью. Дай им Бог всем здоровья и благополучия.

Уставшая, но бесконечно счастливая уезжала я, что выполнила свой долг перед священной памятью тех, кто навечно остался лежать в той земле, замученный голодом, холодом и издевательскими экспериментами. Только обелиск на этом месте напоминает о былой трагедии. Вечная им память!

Мы, живые свидетели, чудом уцелевшие, не имеем права забывать о тех несчастных. Для пана Станислава эта поездка тоже была нелегкой в эмоциональном плане. Ведь его родители тоже были узниками концлагеря в Богуши. Может быть, он пострадал даже больше, чем мы. Он не знает своих родителей. Их расстреляли в январе сорок пятого года. Ему было тогда всего девять месяцев отроду. Он был лишен материнского молочка, родительской ласки и заботы. На всю жизнь горькая печаль!

Когда фашисты схватили и расстреляли его родителей, его, крохотного младенца, забрали и воспитали родственники. Своих родителей он знает только по фотографиям, которые сохранили для него его родственники. Мы с па-

ном Станиславом оказались оба пострадавшими от нацистского произвола в Европе.

В течение тех трех дней, которые я провела в Польше, погода была прохладная. Я считала, что достаточно тепло одета, но Ивоне, дочери пана Станислава, показалось, что мне надо одеться теплее. Она надела на меня свою тепленькую, мягонькую и очень легонькую курточку, в ней меня и отправили домой. Я была тронута таким вниманием. Ее мама тоже не обошла меня вниманием. Теперь, когда я одеваюсь в эти наряды, чувствую себя уверенно в любом обществе.

Пан Станислав тоже сделал мне сюрприз: подарил нам с Юрием Вячеславовичем огромное кулинарное изделие, которого хватило на угощение не одной семьи в Калининградской области. Хватило этого сладкого кулинарного изделия и всем моим родственникам в городе Новосибирске.

Сейчас я живу тем, что вспоминаю этих милых и дорогих для меня людей. Пусть в их доме всегда будет радость и покой. Желаю им добра и здоровья!

Завтра снова в дорогу, но уже домой, в Россию. За мной заехал Юрий Вячеславович, и мы ехали обратно по уже знакомой для меня дороге. Вся поездка уже казалась мне нереальностью, она была похожа скорее на сказку-быль, которую сотворили добрые люди, о них я и рассказала в этой маленькой повести.

Но, сколько бы я ни сказала красивых слов, они все равно не выразят всю полноту моего чувства благодарности. Это выше моих сил. Такой человек, как я, может только чувствовать всем сердцем и душой и благодарить тех людей, которые подарили ему неописуемую радость своим благородным поступком. Чего греха таить, разве часто в

жизни бывает такое, чтоб люди не могли подобрать подходящих слов для выражения благодарности?

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

В Калининград мы вернулись поздно вечером. В тот день к вечеру дождь лил как из ведра. Через город Гусев мы проехали, не останавливаясь. Юрий Вячеславович привез меня сразу в город Гурьевск. Видимо, он решил вернуть меня в тот пункт, из которого забрал для поездки в Польшу.

Мои родственники обрадовались, что я вернулась. Я тут же позвонила домой, в Новосибирск, чтоб не волновались. Они знали, что я уехала в Польшу, и просили меня сразу сообщить о возвращении.

До вылета домой у меня оставалось мало времени, поэтому я решила в первую очередь посетить двоюродную сестру Антонину в Гусеве. Снова еду по той самой дороге, по которой возвращались домой, в Россию, из Польши. Меня немного огорчает, что поездка в Гусев спутала все мои планы. У меня не осталось времени ни на что.

Я не попала на празднование Дня города Гурьевска. Он состоялся как раз в тот день, когда я уехала в Гусев. Не побывала я у моих друзей в ветеранской организации города Калининграда. Они были бы очень рады узнать, что моя поездка в Польшу, наконец, состоялась, да еще таким чудесным образом. И все это не без их участия.

Не могла я не огорчаться и по поводу того, что не успеваю проститься с Главой Гурьевского округа Юрием Юхтенко, а заодно и поблагодарить его за все, что он сделал для меня, за ту радость, с которой я сейчас живу.

Прошло больше года, а чувство вины, что не простилась с Юрием Вячеславовичем, не покидает меня. Воспомина-

ния о тех незабываемых днях будут всегда со мной. Об этой поездке я часто рассказываю своим друзьям и случайным собеседникам, потому что хочется поделиться радостью. И я заметила, что люди с живым и неподдельным интересом слушают мой рассказ и об этой поездке, и о трагическом, далеком моем прошлом.

В дороге хорошо думается. За окном мелькают лица, пейзажи, станции. Память достает из своей кладовой незабвенное и вечно живое. Мне, как человеку много повидавшему и пережившему, хочется иногда порассуждать о смысле жизни, подвести некоторые итоги.

Почему, например, на благополучных людей все больше обижаются, считают их зазнайками, что ли? А может, стоит подойти к вопросу с другой стороны и с другой оценкой? Ведь никто нам на блюдечке с голубой каемочкой ничего не преподнесет. Получишь то, что сам для себя сотворил.

Много среди нас нытиков, которым на блюдечке ничего не поднесли. А если судьба улыбнулась не тебе, а кому-то другому, то, оказывается, тот и виноват. Сколько раз мне приходилось видеть, как молодые, полные сил мужчины в помойках ищут что-то съестное. Как не стыдно опускаться до такой низости! Почему наши нормы жизни позволяют таким субъектам жить, не работая? Хотим мы этого или нет, этот человек – потенциальный преступник. И с этим нужно как-то обществу бороться.

В ЦЕНТРЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

В Академгородке, на проспекте академика Коптюга, есть особенное место, где встречаются люди пожилого возраста. Официально это место называется Информационно-образовательный центр для пожилых людей. Этот

центр был создан по инициативе Главы Советского района А.А. Гордиенко, который, несмотря на свою огромную занятость, находит время посещать центр, что говорит о его внимании к жизни пенсионеров, живом интересе к новому направлению в работе с пожилыми людьми. Эту работу с пожилыми людьми поддерживает Губернатор Новосибирской области В.А. Толоконский.

Руководит этим центром всегда приветливая женщина – Светлана Владимировна Чубченко. Задачей Центра пожилых людей, как его называют в просторечье, является приобщение пожилых людей к новой жизни и использование и передача их богатого жизненного опыта молодому поколению. Так опыт одного становится достоянием многих. Такой подход делает жизнь пожилых людей значительно интересней, более осознанной и устремленной.

Нет особой нужды говорить обо всех мероприятиях, которые проводятся Центром пожилых людей, но каждый человек всегда может найти здесь для себя что-нибудь интересное, – ведь на встречах в центре предметом обсуждения становится широкий спектр полезных вопросов.

Лично я прошла здесь курс под названием «Университет управления личными финансами» и убедилась, что это полезное для меня дело. Не менее познавательными были для меня и занятия по садоводству-огородничеству, хотя я сама огородница с большим стажем. Всегда узнаешь что-то новое – ведь жизнь не стоит на месте.

А как были полезны популярные лекции по здоровью! Люди нашего возраста очень нуждаются в рекомендациях, которые не получишь на приеме у врача.

А сколько приятных минут доставляют встречи в «Литературной гостиной»! Здесь встречаются знакомые, здесь находят себе новых друзей.

И хотя центр задумывался для организации жизни по-

жилых людей в новой для них реальности, немаловажным в его работе стало еще одно новое направление деятельности – налаживание связи между представителями старшего поколения и молодыми. Ведь настоящему, чтобы стать будущим, надо знать, что было вчера. А о вчерашних, прошлых событиях кто может сказать лучше, как не сами участники и свидетели пережитого?

В настоящее время в Центре пожилых людей осуществляется российско-германский проект «Будущее нуждается в воспоминаниях: свидетели времени и молодежь в диалоге», и я, как участница проекта, на одной из встреч поделилась воспоминаниями о своей жизни малолетней узницы фашистских концлагерей. Рассказала о том, как хранят память поляки о погибших в жестокой войне. В 1959 году на месте лагеря в Богущи, в 15-ю годовщину освобождения концлагеря, был сооружен памятник.

Уже несколько лет, как я провожу в школах уроки мужества, на которых рассказываю об огромных жертвах и той цене, какую заплатил наш народ за Победу в Великой Отечественной войне. И я вижу, с каким вниманием слушают мой рассказ ребятишки. Они задают много вопросов, и я чувствую, что мой рассказ их волнует, не оставляет равнодушными.

ПАМЯТЬ

О КОНЦЛАГЕРЕ В БОГУШИ

по материалам архивных документов

Когда я побывала на месте бывшего концлагеря в Богуши, у меня возникло большое желание узнать об этом лагере больше. Я попросила пана Станислава дать мне ознакомиться, если это возможно, с архивным материалом об этом концлагере. Больше всего мне были интересны сведения о военнопленных, которых я тогда видела своими глазами через ограждение колючей проволоки.

Лагерь был разделен на сектора. Гражданское население и военнопленные содержались в разных секторах. Мне, тогда двенадцатилетней девчущке, было очень жаль тех еле-еле шевелящихся людей в полосатых одеждах, наших советских военнопленных (как я думала). Ведь тогда я не знала, что могли быть и другие военнопленные, из других государств. Да и откуда было знать все это тогдашней деревенской девочке? Я увидела еле живых людей, и мне их стало безумно жалко. Они были одеты в полосатые халаты, очень легкие. А была зима, и стояли трескучие морозы. Я помню этот холод, мы тоже мерзли в своих землянках. Но мы были хотя бы в своей зимней одежде.

Я видела эти живые человеческие, еле-еле шевелящиеся скелеты. Эти живые мощи копали землю для чего-то, и мне было видно, что уже выкопана широкая и длинная траншея, где они и шевелились.

Для гражданского населения, оказавшегося в этом лагере, не было и минимума условий, в которых может выжить человек. Люди гибли от голода, холода и эпидемий разных болезней. Особенно много было больных тифом и туберкулезом. Люди, вдоволь настрадавшиеся, не получившие даже минимума медицинской помощи, с радостью умирали. Это истинная правда.

Я ничего не знала об этом концлагере, например, когда он был создан режимом третьего рейха. Не знала до прошлого года, пока не прочитала надпись на памятнике-обелиске. Надпись гласила: этот лагерь Богуши существовал с 1941 по 1945 год. А мне тогда казалось, что лагерь был создан в 1939 году, когда немцы оккупировали Польшу.

А думала я так вот почему. Когда мы с матерью, обхитрив охрану и одолев усиленное проволочное ограждение, выбрались из лагеря, чтобы в какой-нибудь польской деревне разжиться хлебом, мы должны были отсиживаться на трупах в братской могиле. Иначе бы нас пристрелила или, в лучшем случае, схватила охрана. Вот тогда я и заметила много братских могил. Все они были больших размеров. Помню, это было в конце зимы, еще не начал таять снег и было очень холодно. Потому и не закапывались трупы, пока могила не наполнится доверху. Вот такое было в жизни людей. Признаюсь: мне было совсем не страшно, только хотелось есть, а там будь что будет.

Когда я, много лет спустя, вспоминала этот случай, как много тогда было братских могил, то и решила, что этот лагерь существовал с 1939 года. Казалось, что за несколько месяцев войны с русскими не могло быть столько трупов! А видала я те могилы в конце февраля или начале марта 1942 года. Но в действительности оказалось, что лагерь Богущи был создан в 1941 году. И за какие-то полгода

войны вокруг лагеря было уже так много захоронений! С такой интенсивностью и безжалостно уничтожались пленные.

С помощью пана Станислава и его жены пани Эльжбеты я получила важную информацию – архивный документ об этом и других лагерях, находившихся поблизости, коих было множество в те годы. Сколько же было таких лагерей смерти на польской территории!

Из этой информации я узнала также о безмерной человеческой жестокости, которая существовала в этих лагерях. Достаточно сказать, что людей держали под открытым небом в любую погоду: палило ли солнце, или трещали морозы, падал ли снег на голову, или лил дождь как из ведра. Терпи, пока есть сила! Не кормили, бывало, совсем. А если кормили, то только гнилой брюквой или гнилым турнепсом, который выращивался для скота. Не хватало питьевой воды. К людям относились, как к скотине, только еще хуже – скот-то лучше кормят и поят!

Пленный имел то, в чем его взяли в плен. Одежду не давали. Лучше, если в плен попадал зимой. Зимняя одежда хоть немного, но все-таки грела пока еще живое существо. Пользовались одеждой, снятой с умерших, если она еще хоть немного была пригодна. Тому уже было все равно, а земля всяких принимает!

Мы, живые свидетели того сурового, жестокого времени, вправе ли забывать солдата, защитника отечества, волей обстоятельств попавшего в плен и погибшего мученической смертью? Не предавал он свой народ, свое отечество! Предпочел смерть предательству. Нет сил писать об этом. И как же так случилось, что мы, люди, забыли про тех самых несчастных мучеников, а ведь они были чьими-то сыновьями, отцами, братьями, мужьями!

Мы очень боимся ошибиться и поклониться предателю.

И это правильно. Но какой смертью умирает предатель? Мученической? Нет, он совсем не умирает! Предатель за свое предательство получает в награду жизнь и благополучие.

К счастью, в человеческой среде такое явление, как предательство, – редкость. Тогда почему мы так боимся ошибиться в решении вопроса о наших пленных? Ведь это практически невозможно по отношению к тому солдату, который был зверски замучен за колючей проволокой.

Виноваты мы – общество, и мы должны покаяться за свое забвение перед солдатом, плененным врагом и умершим в лагере смерти под невероятными пытками за преданность своему Отечеству, Родине-матери, за честь солдатскую!

Себя считаю виноватой в том, что не напоминала об этом раньше, и низко склоняю голову перед светлой и доброй памятью каждого замученного солдата в неволе – в концлагере!

Верю в то, что эта несправедливость будет осознана нашим народом как страшное недоразумение в истории войны, самой жестокой и кровавой, какой прежде не знало человечество.

Верю, что наш народ поймет свое беспамятство и покается! Очень жаль, что мы так непростительно легкомысленно живем, не анализируя своих ошибок, не дорожа самым святым – памятью о солдате, защитнике нашего Отечества, волей неизбежности плененном противником и принявшем жуткую смерть, но сохранившем верность и преданность нашему Отечеству, не нарушившем присягу!

Достоверно известно, что вербовщики из войск СС склоняли плененных солдат перейти на службу фашистской Германии. Другими словами, стать предателями своего народа и своего Отечества. Документы свидетельствуют: были и случаи предательства. Но речь сейчас не о них. Речь о верных сынах Отечества, чей прах покоится в братских безымянных могилах, забытый всеми! Покаемся, покаемся за свое беспамятство!

Не могу не рассказать об одном случае, который произошел за праздничным столом в честь Дня Победы в одной из школ нашего города (намеренно не называю эту школу). В этой школе сложилась хорошая традиция – проводить уроки мужества в такие памятные дни, как День Победы.

На этом празднике присутствовали ветераны войны, блокадники и бывшие малолетние узники фашистских концлагерей. Не знаю, может, это обременительно для школ, но хотелось, чтобы и день 22 июня отмечался как День Памяти и Скорби по погибшим на той войне.

И вот на этом празднике женщина из бывших малолетних узниц упрекнула ветеранов войны, убеленных сединой, за то, что они не подняли тост за упокой военнопленного солдата.

Признаюсь, картина была не из приятных. Все как-то сразу съежились, сжались. Диалога на эту тему не получилось. Мне было немножко неловко за резкость тона, которым было сделано замечание, хотелось, чтобы об этом было сказано чуть-чуть помягче. Но как было, так было. И упрек, мне кажется, был справедливым.

Не могу не коснуться и досадной темы неравенства военнопленных разных государств, воевавших против режима третьего рейха. Я знала это и сама, знали это и люди других государств, что подтверждают архивные документы, полученные мною недавно из Польши.

В этих архивных документах отражена особая жестокость обращения с военнопленными Советского Союза.

Именно советские военнопленные в первую очередь подвергались уничтожению, особенно те, которых считали советскими, государственными и партийными функционерами, работниками политических и общественных организаций, комиссарами, агитаторами, руководителями хозяйственных организаций, интеллигенцией или евреями.

Указанных стукачами военнопленных забирали в политический отдел, где допрашивали. После допросов, сопровождавшихся битьем и пытками, руководитель политического отдела принимал решение – вернуть военнопленного обратно в лагерь или он подлежит селекции.

Подлежащего селекции отправляли в особый сектор лагеря. Он, как и другие сектора, имел ограду из колючей проволоки и охранялся исключительно гестаповцами, а солдаты, младший офицерский состав и даже офицеры вермахта туда не допускались. Они могли входить лишь в специальную зону, и только по письменному разрешению руководителя политического отдела.

Приказы о расстрелах отобранных военнопленных исходили из Главного управления безопасности рейха, конкретно – из отдела IV-I.

Массовые расстрелы в тех лагерях начались с июля 1941 года. На расстрел военнопленных привозили на грузовиках или приводили пешим порядком группами по 30 человек. Часто очередная группа ожидала расстрела недалеко от места экзекуции, и военнопленные видели, какая участь их ожидает.

В лагере военнопленных Богуши (замечу, что это был и мой лагерь) первые расстрелы начались в июле 1941 года. Военнопленных расстреливали в лесу. Одновременно на расстрел привозили примерно по 80 военнопленных. Сначала их разделяли на группы человек по 15 и раздевали. Затем первую группу ставили на краю заранее выкопанного рва и очередями из пулемета расстреливали. Засыпав трупы слоем песка, надо рвом выстраивали вторую группу военнопленных, которые все видели и знали, какая участь их ожидает. Эта и остальные группы уничтожались аналогично.

Очередной расстрел примерно 250 военнопленных произошел в августе или сентябре 1941 года. Жертвы приходили пешком и должны были стоять непосредственно у рва. Затем 10 человек заставили полностью раздеться и спрыгнуть в ров. Тотчас же ко рву подошли 3–4 функционера из полицейской команды гестапо и длинными очередями расстреляли их. Мгновение спустя та же участь постигла очередных 10 человек. И так до конца, пока не расстреляли всех.

Случалось, что военнопленные пытались бежать и по пути следования на расстрел, и во время его проведения. Редко такие попытки были успешными, в большинстве случаев военнопленные гибли от пуль конвоиров. Случались попытки массового побега военнопленных из концлагеря, но одолевшие проволочное ограждение гибли от пуль пулеметов, установленных на сторожевых вышках. Военнопленные гибли везде: и на территории концлагеря, и во время работы.

Невозможно читать о беспределе человеческой жестокости. Охранники часто издевались над военнопленными. Один немец, управляя своим грузовиком, специально наехал на ослабленного голодом военнопленного, который из-за недостатка сил упал у ворот. Военнопленный был раздавлен!

Военнопленные, не имевшие крыши над головой, работая на лесоповале, несли с собой куски дерева, чтоб устроить хоть какое-то укрытие для своей земляной норы.

Избиения заключенных происходили ежедневно. Ох-

ранники били заключенных прикладами винтовок или палками как во время работы, так и на территории лагеря. Таким образом они вынуждали заключенных интенсивнее работать или принуждали к послушанию.

На заключенных натравливали полицейских собак, которые кусали и рвали тех, на кого показывали их хозяева.

Некоторые коменданты и их заместители, а иногда и жандармы, использовали заключенных для сексуальных целей.

Для наказания заключенных были созданы упражнения. Их заставляли бегать по плацу цепочкой, падать и подниматься по команде, а также прыгать «лягушкой». Комендант во время этого упражнения бил заключенных палкой со свинцовым наконечником, таким способом он добивался от них покорности или просто уничтожал физически кого хотел.

Лагерь у селения Богуши начинался с трех бараков, в которых сначала находилось примерно 100 военнопленных французов. И было это в апреле 1941 года, перед самой войной. Когда в этот лагерь стали прибывать советские солдаты, построили новый сектор лагеря с высокой проволочной оградой из колючей проволоки. В этом секторе не было никаких построек, и заключенные находились под открытым небом. Военнопленные прятались от холода в окопах, которые сами же и копали.

Территория лагеря была разделена заборами из колючей проволоки на секторы, в каждом из которых находилось по нескольку тысяч военнопленных. Бараки в лагере были построены значительно позже, когда число военнопленных существенно уменьшилось.

А произошло это вследствие экстремальных бытовых условий, которые были созданы в лагере. Военнопленные были предельно измучены голодом и длительным переохлаждением. Вопреки требованиям Международной конвенции о военнопленных они не получали никакой пищи. Им часто не хватало даже воды. Не оказывалась помощь больным и раненым. При длительных и тяжелых переходах в очередные пересыльные лагеря они не всегда могли выдержать заданный конвоирами темп. При этом конвоиры без всякого предупреждения стреляли в отстающих военнопленных. Стреляли без предупреждения и в тех, кто выходил из строя, чтобы напиться воды или попросить еды.

О санитарном состоянии концлагерей даже и говорить не стоит. Не только помыться, не было воды даже умыть лицо. Все было покрыто грязью, избавиться от которой было просто невозможно.

В таких ужасных условиях находились только советские военнопленные. Были в тех лагерях, но только в других секторах, военнопленные французы, итальянцы, поляки. Условия содержания у них были совсем другие, не такие, как у советских военнопленных.

Из этих же архивных документов мне стало известно, что некоторые военнопленные поляки по ходатайству родственников были отпущены из лагеря.

Нет сведений о том, сколько людей погибло в тех лагерях, но имеются данные о массовом захоронении в общей могиле: 10 000–11 000 человек. Много было захоронений в небольших могилах. В районе бывших концлагерей вся земля была покрыта могилами. Очень тяжело вспоминать и писать об этом.

Мне очень хотелось узнать о тех людях в полосатых одеждах, которых я видела издалека, в другом секторе лагеря, с территории, где размещалось в землянках гражданское население. Вполне вероятно, что я видела тогда и не наших военнопленных. В материалах архива

упоминается, что в этих лагерях были расстреляны 460 итальянцев, которые были разоружены и доставлены с Восточного фронта. Режимом третьего рейха им было выражено недоверие.

Были в этих лагерях заключенные разных национальностей, но все они там подолгу не задерживались: одних расстреливали, другие сами умирали, а некоторых переправляли в другие лагеря.

Лагерная машина работала четко на уничтожение, и самое большое усердие было проявлено к солдату в военной форме из Советского Союза. Много страстей отражают сведения этих архивных документов. Да я и сама все это испытала тогда, наши условия были лучше лишь тем, что была крыша над головой, все остальное, думаю, ничем не отличалось. Суточный рацион: баланда из мерзлой брюквы – черпак и 100, а может, 150 граммов хлеба с опилками пополам. Медицинская помощь не оказывалась никому. Смерть безжалостно косила людей!

Еще и еще раз выражаю благодарность пану Станиславу Рамотовскому и его жене пани Эльжбете, которые, несмотря на свою занятость, сделали все возможное, чтоб я получила эти архивные сведения о режиме того лагеря, через который прошла наша семья да и многие-многие другие люди из Советского Союза, угнанные в 1942 году в рабство.

Каждому – свое. По-немецки это звучит так: «Jedem ist seine». Такую надпись можно было увидеть над воротами главного въезда в самый страшный концентрационный лагерь смерти Маутхаузен. Каждому – свое. Еще совсем недавно я и не задумалась бы над этим выражением. Но после того, как прочитала документальную повесть «Живые не сдаются» Ивана Ходыкина, то увидела,

с каким бесстыдством, с какой безмерной наглостью использовали эти слова фашисты. Оказывается, цинизму нет предела.

Эта книга написана по воспоминаниям бывшего узника «блока смерти» в самом зловещем, самом страшном концлагере Маутхаузен, находившемся на территории Австрии. Примечательно то, что издана она в Новосибирске в 1965 году. В ней описаны жуткие условия содержания узников в лагерях смерти, где их уничтожали по специально разработанным планам. Зловещие названия концлагерей известны всем: Майданек и Освенцим, Бухенвальд и Дахау, Заксенхаузен и Равенсбрюк. Но самый страшный из всех – это Маутхаузен.

Мы, беспечные люди, должны проснуться и попросить прощения за то, что забыли или не вспомнили за много десятков прошедших после той суровой, жестокой войны лет о нашем сыне, отце, муже, брате и всех других, кто оказался волей обстоятельств в плену у врага. Кто принял мученическую смерть. Кто наносил вред врагу даже там, где, казалось бы, и не было никакой возможности сделать что-то.

В те ужасные военные годы всем людям было тяжело, в том числе и тем, кто стоял у станка. Работали до предела сил, пока не падали от усталости, так как сознавали, что на фронте без патронов и снарядов врага и не остановишь, и не победишь.

Не легче было тем, кого враг угнал в неволю, а таких было немало. Тяжело было не только физически, но и духовно, потому что приходилось работать на врага, который убивает твоих родных, и ты ничего не можешь сделать. У тебя нет ни опыта, ни сил бороться с лютым врагом человечества.

И совсем другое дело – военнопленные. Эти люди в полосатых одеждах умудрялись даже там, где, казалось, и муха не пролетит незамеченной надзирателями, вредить во всем, что бы они ни делали. Они знали: живыми они из лагеря не выйдут. Предателями своего Отечества стали не многие, подавляющее большинство предпочло смерть предательству.

Четыре книги из своей домашней библиотеки принес мне мой зять, когда узнал, что я работаю с архивными материалами по концлагерю, в котором мне пришлось испытать всю прелесть того заведения.

Читать такие книги от корки до корки тяжело. Нервы не выдерживают, особенно в моем возрасте.

Одна из книг называется «Жизнь остановить нельзя» (документальная повесть, издана небольшим тиражом – 30 000 экземпляров, Ивановским книжным издательством в 1961 году). Написана она бывшим узником Бухенвальда Николаем Тычковым из города Иванова. Как бы ни было тяжело мне читать эту книгу, я должна была дочитать ее до конца. Мне нужны были сведения о Николае Симакове. Его именем назван школьный музей, созданный общественной организацией бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Мне важно было узнать, кто был руководителем единого центра русской подпольной организации.

Я знаю теперь об этом концлагере достаточно много. Это была страшная кузница смерти, действовавшая по специально разработанной технологии. Смерть приходила через длительную цепь мучений.

Не знала я, что такого содержания книги имелись в личной библиотеке моего родственника. Они были приобретены отцом моего зятя, участником Великой Отечественной войны. Ему приходилось освобождать военнопленных из концентрационных лагерей. Он видел живые мощи тех, до кого не дошла очередь быть сожженным в печах крематориев.

Не мешало бы прочитать эту книгу кое-кому, чтобы он раз и навсегда избавился от излишней недоверчивости к нашему советскому воину. Бывали предатели, но такой мизер.

С предателями, которые встречались среди узников, сводили счеты те, кого они предавали, и их товарищи. Те, кто не смирился перед гитлеровцами и боролся с предателями, не мог быть предателем Родины.

Почему-то в первые годы после войны в нашей стране тема военнопленных, да и не только военнопленных, но и гражданского населения, угнанного на принудительные работы, в рабство, была под запретом, закрытой. Но разве не мудрее и не дальновиднее было бы использовать политработникам документальные сведения с воспитательной целью, чтоб показывать молодому поколению несгибаемую волю и мужество советского солдата, попавшего в плен? Войн без пленных не бывает, но солдат сражается, пока жив.

Об изощренных пытках варваров написаны целые главы книги. Не мог смириться режим третьего рейха с тем, что не удается склонить к предательству советского воина, заставить его совершить предательство в обмен на жизнь. Военнопленные находили способы тайно договариваться, кто и где будет выполнять то или иное поручение. Они устраивали саботаж, портили на заводах оборудование, выпускали недоброкачественную продукцию. Несмотря на то, что за попытку побега узник подвергался изощренным пыткам, каждый узник вынашивал свой план побега. Узники Бухенвальда знали,

что из лагеря выход был только один – через трубу крематория.

Нельзя не упомянуть о «страсти к красивому» у жены первого коменданта лагеря. Эльза Кох любила делать сумочки и абажуры из человеческой кожи с татуировкой. Ей помогал доктор-палач Вайзель, который во время медицинского обследования выявлял таких заключенных.

Жертва с наколками уничтожалась отравленным шприцем, и кожа снималась с еще не остывшей жертвы, химически обрабатывалась и передавалась Эльзе Кох в виде лоскутков или готового изделия. Этой бестии особенно нравились советские пленные: на них были красивые татуировки с портретом Ленина, с изображением звезд, крейсера «Аврора».

Однажды, ради своей прихоти, Эльза Кох приказала двум узникам – санитарам концлагеря, коммунистам Карлу и Вальтеру – умертвить отобранных с татуировками и снять с них кожу. Пообещала им скорое освобождение за это и намекнула на получение доли из доходов по реализации продукции. Немецкие коммунисты Карл и Вальтер наотрез отказались от гнусного предложения. Они знали, что их ждет. Написали своим родным письма и попрощались с ними. Горячо простившись с друзьями и товарищами по заключению, они вышли к главным воротам лагеря, где их расстреляли.

Какие только пытки там не применялись, чтоб склонить человека к предательству или внушить ему страх против неповиновения! Для этого применялся, например, такой прием: заключенных заставляли несколько часов подряд лежать на ледяной мостовой, а потом не давали заходить в барак, пока не наступит ночь. Окоченевшим от голода и холода не было другой возможности согреться, как только прибегнуть к своей «печке», придуманной узниками-

смертниками концлагеря. Они по очереди грелись в такой «печке». Только не в той и не у той печки, к которой привыкли люди. Это была особая печка. Чуть живые люди вставали в круг в несколько рядов. Самого закоченевшего от холода узника затискивали внутрь круга. И так по очереди грелись заключенные в этой человеческой печке.

Не могу не поведать читателю еще об одном чудовищном издевательстве над человеком – с едой. Еда наливалась в корыто. И узники без ложек из общего корыта или какой-нибудь другой емкости должны были горстью поедать это пойло. Такая картина очень нравилась солдатам-извергам вермахта. Они хохотали, наслаждались тем, что могут унизить своим изуверством узников.

И еще один эпизод из этой же серии. Обед из умывальника для всех сразу. Доставалось много обычно тому, у кого больше силы. Ну, а слабый, бессильный получит свою порцию в другой раз – на другой день, если доживет. На следующий день в обед все опять повторялось сначала. Большое счастье, если повезет зачерпнуть из корыта.

Были и другие «фокусы»: на раздачу еды все должны были бежать, и нельзя было останавливаться. Если кто остановился или замедлил ход, получал «хорошую порцию» дубинкой. Только знай береги голову! Упадешь, и если не поднимут товарищи, то санитары лагеря даже еще живого оттащат в кучу трупов, а потом в печь для сжигания. Печи работали круглосуточно.

И это всего лишь малость из того ужасного, о чем написали свидетели, узники тех концлагерей.

Это правдивые от начала и до конца книги. В своем повествовании я использовала материал в основном из двух книг. О книге «Жизнь остановить нельзя» Николая Тычкова я уже рассказала. Автор ее начал службу в Советской

Армии в 1940 году рядовым солдатом. В начале Великой Отечественной войны подразделение, в котором он служил, попало в окружение. Советские воины сделали все, что смогли, но силы были неравны.

Николаю Тычкову пришлось побывать в нескольких лагерях для военнопленных. И отовсюду он пытался бежать. В апреле 1945-го Николай Тычков вышел из открытых настежь железных ворот Бухенвальда. Свобода! Свобода была добыта самими узниками, которые перебили всю охрану и открыли ворота концлагеря Бухенвальд. Немногим суждено было дожить до этого счастливого дня. А кто выжил, может ли забыть друзей-товарищей по несчастью?

Даже я, бывшая узница концлагеря с жестоким лагерным режимом, что был расположен в польском селе Богуши, близ города Граево, где умирало очень много людей от голода, холода и разных инфекционных болезней, где не оказывалась никакая медицинская помощь больным, а полуживых вывозили и сбрасывали в огромные траншеи – братские могилы, которые прикрывали землей только тогда, когда могила заполнится доверху, даже я не могла читать спокойно эти книги – мутился разум. Как только можно было вынести такие пытки?!

ГОРЕ МАТЕРЕЙ

Много горя пережили люди, случайно оставшиеся в живых. Не могу не написать об ужасном, душераздирающем: одной женщине довелось наблюдать картину, когда молодой весельчак-эсэсовец вырвал у матери из рук младенца, только что народившегося, немногим более недели назад, подбросил кверху и расстрелял. Окровавленное тельце упало на землю!

Не буду описывать состояние той женщины-матери. Она упала бездыханная. Может, выжила, а может, нет. А «весельчак» тем временем, смеясь и насвистывая какую-то веселую мелодию, пошел дальше в поисках «нового» развлечения. Можно себе представить чувства женщины, которая имела такого же двух-трехнедельного ребенка и видела, как кроха была расстреляна, и с ужасом и замиранием сердца смотрела на все это... А вдруг и ее ребенка постигнет та же участь?

Дочка ее Галочка осталась жива, но ее забрали у матери. Забрали и другую, старшую дочь, Шурочку, возрастом не более трех лет. Но испытала ли мать меньше страданий оттого, что ее дети не были жестоко уничтожены прямо у нее на глазах?! Галочка, совсем малышка, без маминого внимания, без грудного молочка сможет ли выжить?! Родилась она в вагоне, набитом битком людьми, когда их везли в Германию. Сколько страданий перенесла эта женщина во время таких родов! Ей закрывали рот во время родовых схваток, чтобы не услышала охрана. Боялись, могло так случиться, что выбросят ребенка из вагона, как котенка: зачем такая обуза?

Когда у матери отнимали дочерей, она слезно просила старшую Шурочку, чтоб она не теряла свою сестренку Галочку и заботилась о ней. Потеряла покой Мария. Как бы потеряла и себя. Отняли у Марии и имя, и фамилию, и она стала номером. Целых три года жила эта женщина, не зная ничего о своих детях. Как они, где они, живы ли они? Возможно ли передать страдание матери?

Что же было с Марией дальше? В то самое время, когда ее дети были где-то в детском лагере, подруги Марии по несчастью, такие же рабыни, как и она, сказали ей, что собираются бежать. В это время они работали на лесоповале. Мария была еще очень слаба, она сильно болела и уже бы-

ла списана, как умершая. Паек на нее не давали, и подруги делились с нею своим мизерным пайком. Несмотря на свою слабость, почти совершенную немощность, она решилась на побег вместе с ними. Получилось так, что вместо того, чтоб идти на восток, беглянки пошли на запад и дошли почти до города Гамбурга. Откуда им было знать, куда идут?

Передвигались только ночью, боясь попасть в руки жандармов. Шли из города Щецин, из Польши, туда, где, по их мнению, была Родина. Кормились тем, что в огородах было. Эта еда была лучше лагерной. От нее сил немного прибавилось, и они могли двигаться дальше. Беглянки не знали, правильно ли идут, а спросить означало выдать себя.

Несмотря на предосторожности, все они, как и следовало ожидать, были схвачены. Марию отправили в Бухенвальд. Но прежде чем попала в концлагерь, она претерпела немало пыток.

Что такое концлагерь Бухенвальд, знает весь мир. Бедные-бедные женщины-матери, сколько же им пришлось вынести горя на своих плечах там, на чужбине, в неволе...

Прошло целых три года, целая вечность для Марии, той страдалицы-матери. Закончилась война. Пришла долгожданная Победа. Пришла свобода и для всех узников третьего рейха! Сколько радости и слез было пролито! Мария вновь обрела свободу и отнятое имя. Но где же искать своих крошек-деток?! Живы ли они?!

Мария отправилась по детским колониям, где содержались такие дети. Она всматривалась в их лица, пытаясь увидеть что-то свое, родное, найти какое-то сходство с мужем, с собою. Нет, не встретились ее доченьки. Но сердце матери говорило: не отчаивайся, ищи. А надежды

отыскать своих кровинушек становилось все меньше и меньше.

Мария решила искать детей до тех пор, пока будут носить ноги и разум не помутнеет. Она понимала, что дети подросли и за три с половиной года наверняка сильно изменились. Пока не пройдены все детские учреждения, мать не теряла надежды.

Как-то раз в очередной колонии, внимательно рассматривая детей, Мария замерла и не могла оторвать взгляда от девочки в третьем ряду. Чутье подсказывало ей, что не надо торопиться. Она снова и снова рассматривала по очереди детей, выстроенных для опознавания. А сердце так билось, в висках так стучало, что она еле-еле стояла на ногах. От волнения разум ее мутился. Она пыталась сдвинуться с места и не могла, подкашивались ноги. Не могла Мария отойти от этого ребенка в третьем ряду. Что-то останавливало ее.

Девочка заметила это и засмущалась, что на нее как-то по-особенному смотрят эти взрослые люди. Мария спросила девочку: «Как тебя зовут?» Девочка не ответила. Воспитательница сказала матери, чтобы задавали вопросы по-немецки. Солдат-американец сказал этой девочке: «Я твой папа». «Нет! – ответила она. – У моего папы – красивые блестящие зубы, а у тебя не красивые!» Вспомнила тут Мария, что у ее мужа были вставные золотые зубы, и девочка запомнила это.

Потом Мария спросила девочку, есть ли у нее сестренка. Она ответила, что есть у нее сестренка, Мэри, и повела их к сестренке. Мэри подошла к ним как-то странно. Ручки ее были, как крылышки у птенца, приподняты. Мать, рассматривая детей, слегка задела ручку Мэри, та вскрикнула от боли. Мария заметила под мышками у нее огромные опухоли, похожие на нарывы.

– Что с тобой сделали, моя дочечка?! – заголосила мать.

Одна из женщин объяснила: над ними проводили опыты, испытывали всякие лекарства, брали кровь для немецких солдат.

Мать признала своих детей, но старшая дочь совсем забыла и свою мать, и свой родной язык. И признать мать не торопится. А сердце матери разрывается. Мать спрашивает старшую дочь:

– Шурочка, ты помнишь свою маму? Я твоя мама.

А Шурочка отвечает :

– Я – Томми... Ты моя мама? А где твое красивое платье? Если ты – моя мама, тогда где твое нарядное платье с красивыми цветочками и пуговицами?

– Так я его износила, тот халатик...– ответила Мария...

Солдат-американец, который сопровождал Марию, не мог сдержаться, и глаза его увлажнились слезами. Да и кто может сохранить спокойствие в такой ситуации и не посочувствовать матери, над детьми которой поиздевались фашисты?!

Эту историю можно было бы назвать историей со счастливым концом: мать, несмотря ни на что, отыскала своих детей... Но Галочку спасти не удалось. Она погибла из-за последствий проводимых над ней нечеловеческих экспериментов в лабораториях третьего рейха.

Не довелось мне пообщаться с этой женщиной – Марией, Марией Яковлевной, а как жаль! Томми-Шурочка, к радости всех, выжила – и сейчас живет недалеко от Новосибирска, в живописном месте, недалеко от красавицы Оби. Я с нею знакома. Очень милая, доброжелательная женщина, не ропщет на тяготы сегодняшней жизни, как это часто бывает с людьми в этом возрасте. Она радуется жизни и тому, что у нее есть. И это притом, что она инвалид и с трудом передвигается!

Вести беседу с нею – одно удовольствие. Мы общаемся чаще по телефону, но хочется и увидеться! А тут уж как получится. И хочется мне пожелать именно этой милой женщине как можно дольше жить, и с таким же оптимистическим настроем, и радовать своим присутствием и своих родных, и не меньше – своих друзей.

Муж Марии, «с красивыми зубами», по выражению шестилетней Шурочки-Томми, погиб на фронте. Тогда Шурочке было около трех лет. Не довелось Марии поведать обо всем том, что было с ними, своему любимому мужу!

И сколько же было таких несчастных людей! Ребенок не знает своего отца, мать! А сколько было таких детей! Что с ними стало? Сердце замирает от мыслей об этом, даже теперь, когда прошло уже столько времени с тех пор!

ДЕНЬ ПАМЯТИ И СКОРБИ

22 июня 2006 года

Не помню, когда точно, но мне кажется, совсем недавно, вошло в норму нашей жизни отмечать 22 июня, день начала войны, как День памяти и скорби по погибшим воинам в той жестокой и суровой войне. По всей стране в этот день проходят поминальные мероприятия у памятников погибшим – у мемориальных стел, где горит вечный огонь. В этот день к памятникам приходят и взрослые, кому дорога память о прошедшей войне, и дети, школьники со своими учителями и воспитателями, возлагают цветы и венки. Дети должны знать о нашем суровом прошлом, о войне. Во многих театрах в этот день звучит Седьмая симфония Д. Шостаковича.

После моего возвращения из Калининграда ветеранская

организация нашего района вручила и мне пригласительный билет на памятный вечер, посвященный скорбной дате 22 июня. Под звуки Седьмой симфонии Д. Шостаковича демонстрировались документальные кадры, снятые на разных участках сражений второй мировой войны.

Мое место было в четвертом ряду, рядом с проходом. И надо же было такому случиться, что недалеко от меня прошел в сопровождении свиты Губернатор Новосибирской области В.А. Толоконский и направился на свой первый ряд. Я не растерялась и воспользовалась этим случаем, чтоб передать привет от Губернатора Калининградской области Георгия Валентиновича Бооса. Никто не помешал мне сделать это. Считаю, свой долг перед Георгием Боосом я выполнила. Я попросила Виктора Александровича позвонить калининградскому губернатору и сообщить, что привет ему передан. Очень была бы рада, если бы Виктор Александрович поблагодарил его за переданный привет. Но как узнать? Пока не представляется возможным. Мне остается только лишь одно: моя фантазия. Ну и что, с этим тоже жить не плохо.

Моя последняя фантазия выглядела так: создать мост дружбы Новосибирск – Калининград. Калининград имеет статус особой зоны России. Новосибирск – тоже не самый рядовой город России. Расположен в центре России и по праву является столицей Сибири. Что касается научного потенциала, то есть ли равные ему из областных центров?

Подумать только – город трех академий: Академии наук, сельскохозяйственной и медицинской академий. Все эти академии имеют множество институтов, каждый из которых в свою очередь – свою научную направленность с множеством разных научных тем. Жаль, что не могу так определенно говорить о городе Калининграде. Деловых

качеств его не знаю. Просто он мне очень нравится. Знаю, это большой портовый город России на Балтике. И очень специфична эта область со своим областным городом Калининградом. Область – часть России, но не имеющая границ с Россией. Получается почти что заграница.

Моя фантазия не имеет никаких пределов. И как было бы здорово, если бы этот мост был создан! Мне кажется, я хорошо знаю губернаторов этих двух областей. Оба молоды, энергичны, интеллигентны... Таким образом, налицо все предпосылки для расширения деловых и культурных контактов между регионами.

Послесловие

«О ТОМ, ЧТО В МИРЕ БЫЛО...»

То, что я рассказала о себе, коснулось не только меня, но многих и многих, может, даже нескольких миллионов людей. Говоря о себе, я говорила и о них. Все, кого опалила война, никогда не забудут пережитого. Для всех, кто пережил военное лихолетье, те далекие трагические годы не прошли без следа. Память соединяет прошлое с настоящим. Мы, пока живы, вновь и вновь переживаем былое.

Но память людская недолговечна. Пройдут годы, сменятся поколения, и то, что было близким, – станет далеким, а потом уже и забытым. Но порою забытое прошлое повторяется, предстает перед современниками в новых очертаниях и напоминает людям, что настоящего не бывает без прошлого.

И чтобы прошлое не забывалось, чтобы память, как эстафета, переходила от поколения к поколению, люди создают памятники, сооружают монументальные ансамбли в честь выдающихся людей и событий, не только ярких, но и трагических. Так память в камне становится свидетельством прошлого на века.

В нашем городе Новосибирске есть мемориал, посвященный Победе Советского народа в Великой Отечественной войне. Мемориал посвящен памяти павших на полях сражений с жестоким врагом и свидетельствует о невосполнимых жертвах нашего народа.

Слава им, погибшим за свободу и независимость Родины!

И как горько сознавать, что в минуты тихого застолья в памятные дни, с налитой рюмкой в руке мы вспоминаем солдат, не вернувшихся, павших на поле боя, и никогда не пророним ни слова в память о несчастном солдате, попавшем в плен в силу не зависящих от него обстоятельств и погибшем там от изощренных пыток, потому что не принял от врага условие – жизнь за предательство своей Родины.

Изощренным пыткам подвергались все военнопленные. Все фашистские директивы в отношении советских военнопленных кричали об одном: «Убивать! Убивать! Убивать!»

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки...

Пускай во всем, чем жизнь полна,
Во всем, что сердцу мило,
Нам будет памятка дана
О том, что в мире было...

А. Твардовский

Как бывшая узница концлагеря, я перед собой поставила цель – побывать на месте бывшего концлагеря военнопленных вблизи селения Богуши в Польше, где сейчас стоит памятник, и привезти оттуда земельку для возложе-

ния ее к памятнику погибшим воинам в Новосибирске. Это мой долг. И я его выполнила!

Жаль, что в нашем городе в День Победы некуда прийти с покаянием перед жертвами концлагерей. В других городах я видела такие символы памяти. Это камни с мемориальными досками. Может быть, я доживу до того дня, когда и в Новосибирске будет установлен такой камень в память о жертвах, замученных в фашистских концлагерях.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗА ГРАНИЦЕЙ

С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ

В СОГЛАСИИ И ДРУЖБЕ

ПАМЯТЬ

Послесловие

Пелагея Ивановна Старикова

ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ

Редактор *А. П. Зверева*
Художественный редактор *В. П. Минко*
Корректор *В. В. Туркевич*
Технический редактор *В. В. Злобина*

ИБ 3680

Подписано в печать 18.12.07. Формат 60x84/16. Бум. офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,2.
Тираж 300 экз. Заказ № 5174. С № 30.
ОАО Новосибирское книжное издательство, 630099,
Новосибирск, ул. Революции, 28.
Типография ООО Новосибирский полиграфкомбинат,
г. Новосибирск, Красный проспект, 22

П.И. СТАРИКОВА · ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ